ФАНТ-ХАБАР

2026

27

ФАНТ-ХАБАР

2026
3 (27)

3 Календарь. 2026. Апрель
13 Такие дела. Март 2026
19 Голоса из Сетей
    Лонгриды:
107 Владимирский В.
    Между Пролеткультом и Госпланом
110 Идиатуллин Ш. Курсовая работа
122 Источники

Первая страница:
Warhammer художника Johan Grenier

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
https://t.me/bratrazum
https://bvi.livejournal.com
http://bvi.rusf.ru/fx/fx027.pdf

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Апрель

1 апреля: **Дракон-телепат в качестве лучшего друга**

100 лет назад родилась **Энн Айнез МАККЕФРИ [Anne Inez MCCAFFREY]** (1926-2011), американская писательница, автор серии романов о «Драконах Перна», циклов «Вселенная Талантов», «Свобода», «Акорна» и «Планета Сурс» (с Маргарет Болл и Элизабет Энн Скарборо), книги кулинарных рецептов «Рецепты не этого мира».

Энн Маккефри так рассказывала о том, как начинался цикл о драконах Перна: «Я сидела в своей гостиной в Си Клиф, на Лонг-Айленде и размышляла, какими созданиями я могу населить свои новые рассказы. Используя известный принцип сайнс-фикшен «А что будет, если?», я вдруг задумалась: «А что, если драконы были хорошими парнями?». Тут же в воображении нарисовалась планета, которая нуждалась в постоянно обновляемых воздушных силах, чтобы защититься от неизвестной угрозы. Затем – драконы и люди, состоящие в пожизненном симбиозе. Затем – атаки Нитей и угроза Алой Звезды: Подумайте, как замечательно иметь разумного партнёра, который принимает и любит тебя безоговорочно. Кому не понравится драконтелепат в качестве лучшего друга? Когда дети вернулись из школы, я уже знала, как начну книгу: «Лесса разбудила холд». Я закончила «Поиск Вейра» летом, Джон У. Кэмпбелл немедленно купил его для журнала «Аналог» и поинтересовался, когда будут новые истории о Перне».

5 апреля: **Советские фильмы на американский манер**

100 лет назад родился **Роджер Уильям КОРМАН [Roger William CORMAN]** (1926-2024), американский режиссёр, сценарист и продюсер, постановщик к/ф «День конца света», «Оно захватило мир», «Тварь с миллионом глаз», «Не с этой Земли», «Атака крабов-монстров», «Немёртвые», «Сага о женщинах-викингах и их плавании к водам великого морского змея», «Война спутников», «Троглодит-подросток», «Богиня акульего рифа», «Женщина-оса», «Падение дома Эшеров», «Последняя женщина на Земле», «Магазинчик ужасов», «Существо из моря призраков», «Колодец и маятник», «Преждевременные похороны», «Истории ужаса», «Ворон», «Заколдованный замок», «Человек с рентгеновскими глазами», «Маска Красной смерти», «Гробница Лигейи», «Газ! или Как пришлось уничтожить мир, чтобы его спасти», «Франкенштейн Освобождённый».

Отдельного рассказа заслуживает то, как Корман работал с советскими фильмами: «Я посмотрел один советский научно-фантастический фильм в кинотеатре и был поражён его производственным масштабом. Эти картины были намного грандиознее и искуснее, чем американские ленты. Так что я купил права на несколько таких фильмов, заменив в них русские диалоги на английские». Он купил советский приключенческий сай-фай «Небо зовёт» и перемонтировал его в фильм под названием «Битва за пределами солнца», вычистив все упоминания о советско-американской гонке в космосе и серьёзно переработав диалоги. Ещё круче Корман поступил с другой советской фантастикой «Планета бурь», из которой он сделал два фильма – «Путешествие на доисторическую планету» и «Кровавую королеву». Вершиной изобретательности Кормана стал фильм «Волшебное путешествие Синдбада», переделанный из советской сказки сталинских времен «Садко», причём свою версию Корман выдал за сиквел к «Седьмому путешествию Синдбада», для чего добавил в открывающие сцены поясняющий ситуацию закадровый нарратив, а Новгород переименовал в Копасанд.

9 апреля: **Положительный герой**

100 лет назад родился **Всеволод Дмитриевич САФОНОВ** (1926-1992), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Космический сплав» (Гаврюшин), «Гиперболоид инженера Гарина» (Виталий Васильевич Шельга), «Ларец Марии Медичи» (Головин, полковник милиции), «Семь криков в океане» (Профессор), «Дежа вю» (Бабочкин, профессор-энтомолог).

Для актёра было установившимся амплуа положительного героя. Даже в немногочисленных фантастических картинах он исполнял роли «правильных» персонажей. Пробовался на роль профессора Поражаева в фильме Эльдара Рязанова, но снялся в этой роли Юрий Яковлев. А вот в 1964 году вышел классический образец так называемой фантастики

ближнего прицела – фильм «Космический сплав», в котором советские учёные-ракетчики и работники металлургического завода создавали новый сверхпрочный сплав, нужный для создания космических кораблей. И тут Сафонов оказался к месту. В «Гиперболоиде инженера Гарина» он сыграл роль сотрудника уголовного розыска Василия Шельгу. Так и далее в фантастике он играл или милиционеров, или профессоров.

10 апреля: **Постапокалиптический роман-фантасмагория**

125 лет назад родилась **Элен Вудс ЭДМОНДС (Элен Эмили ВУДС; Анна КАВАН; Элен ФЕРГУСОН) [Helen Woods EDMONDS (Helen Emily WOODS; Anna KAVAN; Helen FERGUSON)]** (1901-1968), английская писательница, автор романов «Тёмные сёстры», «Остаться в одиночестве», «Изменить имя», «Дом спящих», «Орлиное гнездо», «Кто вы?», «Лёд», «Джулия и базука», «Меркурий».

Из рецензии на роман «Лёд» (автор – saddlefast на сайте «Лаборатория фантастики»): «Манера письма напоминает письмо Роб-Грийе, особенно его роман «Проект революции в Нью-Йорке»: те же самые навязчивые серии одного и того же образа, бесконечно варьирующегося. У Роб-Грийе весь текст романа – это повторение одного и того же зафиксированного садомазохистского образа и бесконечное пересматривание его неназываемым персонажем. У Каван происходит совершенно то же самое. Есть несколько элементов, к которым постоянно возвращается сознание протагониста – женское худощавое тело, подвергнутое наказанию; ледяная масса, окружающая тело со всех сторон; звук пластинки с записью безумного воя лемуров или подобных животных; синий огонь, напоминающий лёд, в глазах как цвет радужки, в руках, как перстень, в небе, в море. Базовым является образ хрупкого женского тела с поднятыми вверх руками. Неназываемый рассказчик постоянно возвращается к своим садомазохистским фантазиям, и перед его взглядом постоянно этот образ пытаемой жертвы с поднятыми руками. Пытка состоит прежде всего в фиксации тела жертвы в неудобной позе с помощью верёвки».

12 апреля: **Не накладывай в котомку слишком много…**

110 лет назад родилась **Наталья Викторовна СОКОЛОВА** (1916-2002), русская писательница, автор повестей «Захвати с собой улыбку на дорогу», «Пришедший оттуда», «Дезидерата», романа «Осторожно, волшебное!».

Она ворвалась в фантастику повестью «Захвати с собой улыбку на дорогу», сказкой, поначалу утопической и солнечной, а затем трагической и грустной. Тема известная – о том, что делать человеку в период нарастающей тирании. Смириться и пойти на сделку с совестью или оставаться собой без надежды на победу? Помимо того, что написано это было завораживающим языком, запомнились

и озорные песенки из повести (одна из них дала ей название):

Ты без супа? Ну и что ж?
Хлеба в доме не найдёшь?
Не такой уж это редкий случай.
Мир не больно-то хорош,
Он на ёжика похож,
И достался ёжик нам колючий...

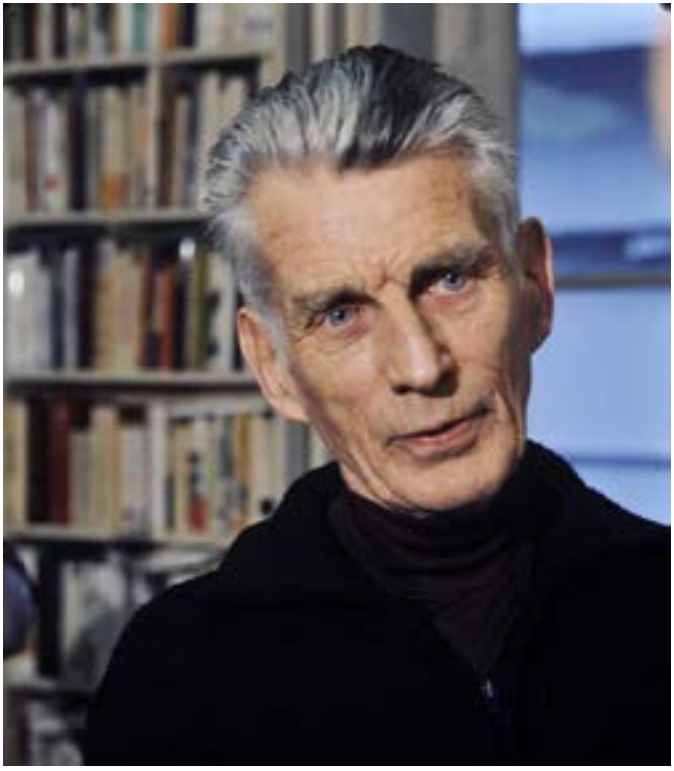
13 апреля: **Учёный и художник**

125 лет назад родился **Георгий Иосифович ПОКРОВСКИЙ** (1901-1979), русский учёный в области взрывной техники, художник, автор книги о проблемах будущего «На передний край смелой мечты» (с Ю.Моралевичем).

У физика Покровского вышло около 400 книг, но в фантастике он оставил свой след в качестве художника, иллюстрировал собственные фантастические инженерные проекты, в частности, по терраформированию средствами взрывных технологий. О своём занятии он писал: «Живопись? Это моя слабость. С самой юности. Но, наверное, я занимался бы ею не так интенсивно, если бы не настоятельные советы Игоря Эммануиловича Грабаря, который был дружен с моими родителями. Помню, он говорил мне: «Ты раздумываешь, какое поприще

предпочесть? Учти при этом, что если ты станешь инженером, то, какие бы ни были результаты твоей деятельности, их неизбежно затмит прогресс. А художник – свидетель эпохи, и эти свидетельства останутся навеки». Тем не менее я не стал художником. Живопись – лучший для меня отдых, не больше того».

13 апреля: **Трагичность абсурдного**



120 лет назад родился **Сэмюэл Баркли БЕККЕТ [Samuel Barclay BECKETT]** (1906-1989), ирландский поэт, драматург, романист, автор сюрреалистических драм «В ожидании Годо», «Конец игры», «Последняя лента магнитофона».

В большинстве произведений Беккета действуют странные правила. Это не классическая фантастика, но абсурдность существования создаёт условные, почти ирреальные миры. Вот краткое описание повести «Опустошитель»: Внутри замкнутого цилиндрического пространства обитает двести человек, именуемых «исследователями». Они движутся, ищут, поднимаются по лестницам к нишам и туннелям, следуя строгим, но необъяснимым правилам. Их мир освещён слабым жёлтым светом, а климат колеблется между теплом и холодом. Они делятся на тех, кто продолжает поиски, и тех, кто смирился с безысходностью. Один из критиков справедливо сказал о Сэмюэле Беккете: «Он сумел взглянуть в лицо Медузе Горгоне, но при этом сам не превратился в камень».

15 апреля: **Изысканный бродит жираф**

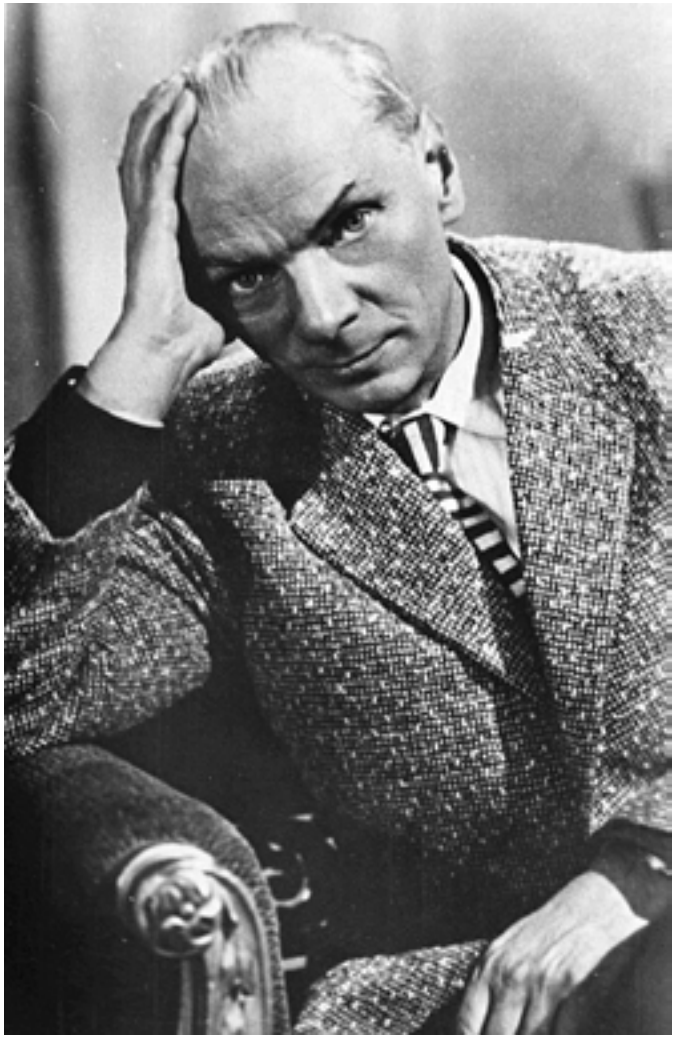
140 лет назад родился **Николай Степанович ГУМИЛЁВ (Анатолий ГРАНТ; К-О)** (1886-1921), русский поэт, переводчик и литературный критик, теоретик акмеизма, автор поэм «Мик», «Дитя аллаха», «Гондла», «Дон-Жуан в Египте», рассказов «Лесной дьявол», «Радости земной любви», «Золотой рыцарь», «Чёрный Дик», «Дочери Каина», «Скрипка Страдивариуса», пьесы «Дерево превращений», переводчик вавилонского эпоса «Гильгамеш», главный персонаж романа А.Лазарчука и М.Успенского «Посмотри в глаза чудовищ».

В романе Лазарчука и Успенского Николай Гумилёв не погибает в 1921 году, а продолжает работу над созданием стихотворных текстов, имеющих магическую силу («Солнце останавливали словом, словом разрушали города»). Он встречается с Владимиром Маяковским перед самоубийством, расследует преступление вместе с Агатой Кристи, крутит роман с Марлен Дитрих, подсказывает Михаилу

Булгакову зачин «Мастера и Маргариты», а Яну Флемингу – идею Бондианы. Путешествует по всему миру, работает в джунглях Амазонки и в горах Тибета и Алтая, а в Антарктиде успешно штурмует базу Аненербе.

16 апреля: **Первый постановщик пьес Шварца**

125 лет назад родился **Николай Павлович АКИМОВ** (1901-1968), русский художник и режиссер, автор декораций и костюмов к/ф «Кащей Бессмертный», «Золушка», постановщик спектаклей



«Гамлет» и «Двенадцатая ночь» У.Шекспира, «Тень», «Обыкновенное чудо» и «Дракон» Е.Шварца, «Дон Жуан» Байрона, «Тени» Салтыкова-Щедрина.

В 1935 году Акимова назначили художественным руководителем Ленинградского театра сатиры, переименованного в Театр Комедии. Ему сказали: «У нас есть плохой театр в самом центре. Мы не знаем, что с ним делать. Попробуйте вы. Если

получится – хорошо, если нет – мы его закроем». Акимов уволил нескольких актёров, пригласил молодёжь. И через год театр стал одним из лучших в городе и стране. Евгений Шварц специально для Театра Комедии Акимова написал пьесы «Тень», «Обыкновенное чудо», «Дракон». Правда, «Дракону» не повезло. Единственный показ спектакля состоялся 4 августа 1944 года, после чего критики объявили пьесу «неясной», в которой много было «завуалировано». Много позже, уже в 1962 году, Акимов снова поставил «Дракона», но уже в следующем году его сняли с репертуара.

16 апреля: **О Жюле Верне и не только**

110 лет назад родился **Евгений Павлович БРАНДИС** (1916-1985), русский литературовед, автор работ «Рядом с Жюлем Верном», «Через горы времени», «Мир будущего в научной фантастике», «Зеркало тревог и сомнений» (последние три – с В. Дмитревским).

Из письма Брандиса писателю Георгию Пермякову от 8 сентября 1962 года: «Несколько слов о себе. Я старше Вас на три года, значительно ниже ростом, близорук, лысину (теперь уже безуспешно) пытаюсь прикрывать прядью, пущенной на косой пробор, за границами не бывал, имею очень скромный жизненный опыт, т.к. со студенческих лет судьба сделала меня кабинетным работником. Раньше доцентствовал (читал Зарубежную литературу), а последние 10 лет занимаюсь исключительно литературным трудом. Фантастика – только одна из многих тем, которыми я занимаюсь. У меня много статей (особенно предисловий) о классиках английской, французской, немецкой и швейцарской литературы. Есть книга «Жюль Верн», изданная в 1956 году. С неё-то и началось увлечение научной фантастикой. В настоящее время переключился на

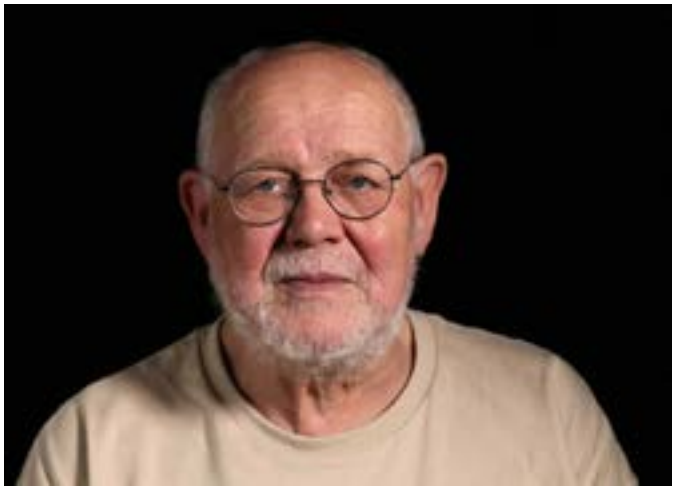
совершенно другую тему – пишу для «Жизни замечательных людей» книгу об украинской писательнице Марко Вовчок. Между прочим, и к этой книге привёл меня старик Жюль Верн: Марко Вовчок переводила когда-то его романы и перевела их не менее 15. Это и заинтересовало, а потом она увлекла и сама по себе. Как в дальнейшем сложится, ещё не знаю, но со временем буду, наверное, опять писать о научной фантастике».

16 апреля: **Магия кино**

80 лет назад родился **Мацей ВОЙТЫШКО [Maciej WOJTYSZKO]** (р. 1946), польский писатель и режиссёр, автор повестей «Бромба и другие», «Тайна шифра Марабута», «Тринадцатое перо Эвфемии», «Сага рода Клаптунов», «Синтез», автор сценариев и режиссёр фильмов «Перстень княгини Анны», «Мастер и Маргарита», «Синтез».

Художественный руководитель «Нового театра» в Лодзи, по мнению некоторых критиков, снял лучшую экранизацию романа Михаила Булгакова. Именно экранизацию, собрав отличный актёрский состав и тщательно следуя авторскому тексту. Фильм снимался в 1988 году, бюджет картины был весьма ограничен, поэтому упор режиссёр сделал на игру актёров. И это ему удалось, при просмотре обращаешь внимание не на специальные эффекты, а на то, что происходит на экране. На мой взгляд, особенно удалась концовка фильма. Встреча Понтия Пилата с Иешуа снята вроде просто, но мощно и пронзительно. Это несомненно магия.

19 апреля: **Технология как ящик Пандоры**



80 лет назад родился **Ярослав ВЕЙС (Ярослав ПЕТР) [Jaroslav VEIS (Jaroslav PETR)]** (р. 1946), чешский писатель, автор книг «Эксперимент для третьей планеты», «Ящик Пандоры» (обе – с А. Крамером), «Умереть во второй раз» (с В.Петржиком), «Море времени», «День на Каллисто», «Большой атлас инопланетян Уайта», «Призрак бродит по Европе», переводчик произведений А.Азимова, Б.Олдисса.

На русский язык переведено лишь несколько рассказов Ярослава Вейса (одного из самых известных в Чехии фантастов), в основном юмористических,

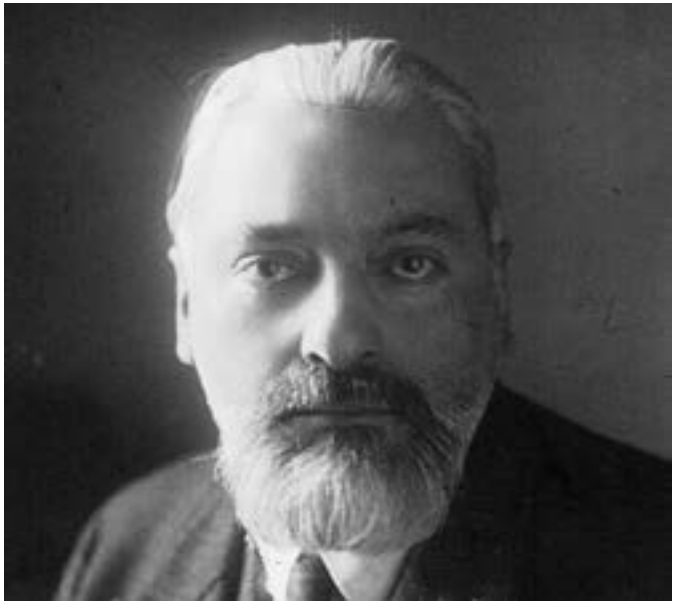
хотя и затрагивающих интересные научные темы: о том, как отличить искусно построенного андроида от реального человека, об ответственности учёного за свои открытия и изобретения, о создании совершенного искусственного сердца, о разрушении экологического равновесия в качестве расплаты за комфортное и сытое существование.

21 апреля: **Немецкий утопист**

100 лет назад родился **Эберхардт ДЕЛЬ АНТОНИО [Eberhardt DEL' ANTONIO]** (1926-1997), немецкий писатель, автор романов «Гигант», «Титанус», «Проект "Сахара"», «Возвращение предков».

Как и большинство фантастов ГДР, Дель Антонио неизвестен российскому читателю. В 1944 году он был призван в армию и успел немного повоевать, а после войны стал писать утопические романы, действие которых происходило в коммунистическом обществе. Романы «Титанус» и «Возвращение предков» разошлись общим тиражом в 500 тысяч экземпляров в Восточной Германии, это весьма высокий тираж. Правда, западные исследователи критиковали эти произведения за отсутствие оригинальности сюжета и за их вычурный стиль. Кроме утопических романов Дель Антонио написал также ряд сказочных пьес и историй для радиопостановок.

27 апреля: **Перемещение разума и бессмертие**



150 лет назад родился **Фредерик Шарль Пьер Эдуар БАРГОН (Клод ФАРРЕР) [Frédéric Charles**

Pierre Édouard BARGONE (Claude FARRÈRE)] (1876-1957), французский писатель, автор романов «Опиумный дым», «Дом живых людей», «Осужденные на смерть», сборника «Другой берег».

Профессиональный морской офицер, Клод Фаррер много путешествовал, что отразилось позже в его многочисленных книгах. Но не чурался он и фантастики. В одном из интереснейших романов, в «Доме живых людей», речь идёт о возможности достижения бессмертия с помощью генетических экспериментов и обмена веществами от молодых людей старым. Главный герой постепенно узнаёт о том, что возможен обмен разумов, что существуют вампиры, реликты и криптиды, что эксперименты могут привести к раздвоению личности, а также оказывается на собственных похоронах.

30 апреля: **Мастер антиутопии**

100 лет назад родился **Эдмунд КУПЕР (Джордж КИНЛИ; Бродерик КУЭЙН; Мартин ЛЕСТЕР; Родион Романович РАСКОЛЬНИКОФФ; Питер Эдвардс; Ричард ЭЙВЕРИ) [Edmund COOPER (George KINLEY; Broderick QUAIN; Martin LESTER; Rodion Romanovitch RASKOLNIKOFF; Peter EDWARDS; Richard AVERY)]** (1926-1982), английский писатель, автор романов «Сомнительная полночь», «Светоносное семя», «Транзит», «День дураков», «Далёкий закат», «Пять к двенадцати», «Последний континент», «Эльфы планеты Эревон», «Наследники сверхчеловека», «Кому нужны мужчины?», «Десятая планета», «Кирон Голова-в-облаках», «С Рождеством, мисс Минерва!».

В позднем романе «Наследники сверхчеловека» описаны абсурдные и трагикомические попытки компьютера «воссоздать» человечество, уничтоженное в результате ядерной войны: получается сюрреалистическая Англия, в которой правит ко-

ролева Виктория, Черчилль – премьер-министр, а главного героя зовут Майкл Фарадей. Тема выживания человечества после глобальной катастрофы получила развитие в романах «Светоносное семя», «Последний континент», «Десятая планета». В романе «День дураков» на Земле установился «рай психопатов», после того как все «нормальные» люди покончили жизнь самоубийством из-за катастрофических изменений в солнечной радиации. Особое место в творчестве Купера занимает тема «женской антиутопии» (что вызвало резкую критику со стороны американских феминисток), наиболее ярко выраженная в романах «Пять к двенадцати», «Кому нужны мужчины?» и «С Рождеством, мисс Минерва!».

Такие дела
Март, 2026:

2 марта: **Николай Владимирович Коляда** (р. 4 декабря 1957), писатель и драматург, автор драматической фантазии на темы повести Александра Сергеевича Пушкина «Dreisiebenas (Тройкасемркатуз), или Пиковая дама», пьес «Страна слепых» (по мотивам рассказа Г.Дж.Уэллса), «Сказка о мёртвой царевне», «Носферату», «Карлсон вернулся!», «Старик Хоттабыч», «Золушка», «Снежная королева», «Золотой ключик, или Приключения Буратино», «Морозко», «Финист Ясный Сокол», «Пузырь, соломинка и лапоть», исполнитель ролей в спектаклях «Король Лир» (Лир, король Британии), «Гамлет» (Призрак отца Гамлета). 68 лет. (***Шамиль Идиатуллин***)

2 марта: **Слава (Владислав Менделевич) Цукерман [Slava Tsukerman]** (р. 9 марта 1939), русско-американский режиссёр, сценарист и продюсер, создатель фильма «Жидкое небо». 86 лет. (***Николай Подосокорский***)

4 марта: **Анна Луиса де Хесус Кинтана Пас Пелуффо [Ana Luisa de Jesus Quintana Paz Peluffo]** (р. 9 октября 1929), мексиканская актриса театра и кино, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Тарзан и русалки», «Человек-невидимка», «Два призрака и девушка», «Женщина и чудовище», «Завоевание Луны», «Живая голова», «Блуждающий в дожде», «Наркосатанизм», «Паспорт смерти», «Пленник загробной жизни», «Дверь и жена мясника», «Ангелы и херувимы», «Крыса во тьме», «Смертельный кошмар», «Мой призрак и я», «Насильник из ада», «Кровавые крики», «Волшебник, посланник богов», «Асьенда террора», «Вампир и танцовщица». 96 лет. (***Википедия***)

5 марта: **Юрий Николаевич Борисов** (р. 5 февраля 1949), литературовед, автор статей о творчестве В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.Г.Чернышевского, М.А.Булгакова. 77 лет. (***Николай Подосокорский***)

5 марта: **Владимир Иванович Каризна [Уладзімір Іванавіч Карызна]** (р. 25 мая 1938), белорусский поэт, переводчик, журналист, автор сборников поэзии для детей «Волшебный глазик», «Лепят ласточки гнёзда». 87 лет. (***Википедия***)

5 марта: **Джейн Элизабет Мэри Лапотейр [Jane Elizabeth Marie Lapotaire]** (р. 26 декабря 1944), британская актриса театра, кино и телевидения, исполнительница ролей в спектаклях «Гамлет», «Антигона», «Призраки», в к/ф и сериалах «Шерлок Холмс», «Джеканори», «Крещендо», «Пьеса дня», «Дух мертвеца», «Убийство в лунном свете», «Чиллеры», «Джонни и мертвецы», «Одиннадцатый час», «Арабские приключения», «Молодой мессия», «Сожжённые девочки». 81 год. (***Википедия***)

5 марта: **Антониу Лобу Антунеш [António Lobo Antunes]** (р. 1 сентября 1942), португальский писатель и журналист, автор романа «Корабли». 83 года. (***Википедия***)

5 марта: **Кори Паркер [Corey Parker]** (р. 8 июля 1965), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Крик о помощи», «Пятница, 13-е – Часть 5: Новое начало», «Сегодня вечером я опасна», «Нечто особенное», «Большой человек в университетском городке», «Прикосновение ангела», «Замороженная калифорнийка». 60 лет. (***Википедия***)

5 марта: **Педро Фридеберг [Pedro Friedeberg]** (р. 11 января 1936), мексиканский художник и дизайнер, автор сюрреалистических работ, наполненных линиями, цветами и религиозными символами, скульптур «Стул-рука», «Время Тиченор», автор

автобиографии «Отпуск на всю жизнь, несанкционированные воспоминания». 90 лет. (***Википедия***)

6 марта: **Антонио Марсина [Antonio Marsina]** (р. 12 января 1946), итальянский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Большое варево», «Бог людоедов», «Чёрная кошка», «Последний секрет». 80 лет. (***Wikipedia***)

6 марта: **Дженнифер Раньон [Jennifer Runyon]** (р. 1 апреля 1960), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Всем спокойной ночи», «Охотники за привидениями», «Разбойник с большой дороги», «Снова 18!», «Квантовый скачок», «Эксперимент “Карнозавр”», «Тихая ночь, кровавая ночь 2: Возрождение», «Ужасные истории», «Кровосос Джонс против Позучей Смерти», «Призрачный отряд: призраки Софии Лоусон». 65 лет. (***Википедия***)

7 марта: **Нинель Александровна Петрова** (р. 15 марта 1924), балерина и балетный педагог, исполнительница партий в спектаклях «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Каменный цветок», «Конёк-Горбунок», «Клоп», «Фауст». 101 год. (***Википедия***)

8 марта: **Сретен Божич (Биримбир Вонгар) [Sreten Božić (Birimbir Wongar)]** (р. в 1932), австралийский и сербский писатель, поэт, драматург, автор «Ядерной трилогии» («Варг», «Каран», «Габо Джара»). 93 года. (***Википедия***)

11 марта: **Джуди Лентин Пейс [Judy Lenteen Pace]** (р. 15 июня 1942), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Моя жена меня приворожила», «Я мечтаю о Джинни», «Бэтмен», «Тарзан», «Летающая монахиня», «Лягушки», «За пределами Мира Дикого Запада». 83 года. (***Википедия***)

11 марта: **Василий Михайлович Скромный** (р. 26 августа 1964), актёр, моряк, исполнитель роли Макара Гусева в фильме «Приключения Электроника». 61 год. (***Википедия***)

11 марта: **Мишель Юлен [Michel Hulin]** (р. 31 января 1936), французский философ и историк философии, индолог, автор работ «Спонтанный мистический опыт», «Память и бессознательное в «Йога-сутрах» и в психоанализе», «О падении в горах», «Идея переселения душ в XXI вюЮ или Будущее одной иллюзии», «Об истинной и ложной свободе в нейронауках», «Перерождение в XXI веке», «Есть ли будущее у идеи переселения душ?», переводчик с санскрита книг «Тысяча наставлений Шанкары» и «Йога Васиштха». 90 лет. (***Википедия***)

12 марта: **Пеэтер Лембитович Симм [Peeter Simm]** (р. 24 февраля 1953), эстонский кинорежиссёр, постановщик и автор сценария к/ф «Арабелла – дочь пирата», исполнитель роли в фильме «Гибель 31-го отдела». 73 года. (***Википедия***)

12 марта: **Альберто (Аль) Феста [Alberto (Al) Festa]** (р. 8 ноября 1957), итальянский композитор, режиссёр и сценарист, постановщик к/ф «Цыганский ангел» и «Экран-убийца», автор музыки к к/ф «Военный робот», «После смерти». 68 лет. (***Википедия***)

14 марта: **Людмила Михайловна Аринина** (р. 8 ноября 1926), актриса театра и кино, исполнительница ролей в к/ф «Умные вещи», «Сказки старого волшебника», «Гостья из будущего», «На помощь, братцы!», «Рок-н-ролл для принцесс», «Андерсен. Жизнь без любви», «Небесный суд. Продолжение». 99 лет. (***Николай Подосокорский***)

14 марта: **Николай Михайлович Гаро** (р. 3 декабря 1937), директор картин («Кин-дза-дза!», «Слёзы капали»), актёр, продюсер, исполнитель роли правителя планеты Плюк Господина ПЖ в к/ф «Кин-дза-дза!». 88 лет. (***Николай Подосокорский***)

15 марта: **Мэтт Кларк [Matt Clark]** (р. 25 ноября 1936), американский актёр, исполнитель ролей

в к/ф и сериалах «Человек, несущий смерть», «Приключения Бакару Банзая в восьмом измерении», «Возвращение в Страну Оз», «Летняя сцена CBS», «Дом 3: Шоу ужасов», «Назад в будущее 3», «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена», «Прикосновение ангела», «Кэндимэн 2: Прощание с плотью», «Измученное сердце», «Притворщик», «Трилогия ужаса 2», «Визитёр». 89 лет. (***Wikipedia***)

15 марта: **Брюно Саломон [Bruno Salomone]** (р. 13 июля 1970), французский актёр и комик, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Геймер», «Чёртов мобильник», «Гол живых мертвецов», «Секрет Элизы», «Моя семья и волк». 55 лет. (***Википедия***)

15 марта: **Леонард (Лен) Сирил Дейтон [Leonard (Len) Cyril Deighton]** (р. 18 февраля 1929), английский писатель и иллюстратор, автор романов «Берлинские похороны», «Мозг стоимость в миллиард долларов», «СС-ГБ: Нацистская оккупация Британии 1941». 97 лет. (***Николай Подосокорский***)

16 марта: **Джейми Блэнкс [Jamie Blanks]** (р. 29 ноября 1971), австралийский режиссёр и композитор, постановщик к/ф «Городские легенды», «День Святого Валентина», «Штормовое предупреждение», «Опасная природа». 54 года. (***Википедия***)

18 марта: **Томас (Том) Джорджсон [Thomas (Tom) Georgeson]** (р. 8 августа 1936), британский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Доктор Кто», «Пьеса дня», «Волшебная история», «Прах к праху». 89 лет. (***Wikipedia***)

19 марта: **Биляна Мателян [Biljana Mateljan]** (р. 26 января 1956), хорватская писательница и художник, автор сборников №Сказания о древних богах», «Золотой свиток дракона». 70 лет. (***Вертер де Гёте***)

19 марта: **Карлос Рэй (Чак) Норрис [Carlos Ray «Chuck» Norris]** (р. 10 марта 1940), американский актёр и мастер боевых искусств, исполнитель ролей в к/ф «Команда разрушителей», «Путь дракона», «Порождение ада», «Обитель дьявола», «Агент разведки», «Самолёт зомби». 86 лет. (***Николай Подосокорский***)

19 марта: **Ольга Александровна Смирницкая** (р. 14 декабря 1938), лингвист, член Викингского общества скандинавистов, автор статей о поэзии скальдов, переводчик «Младшей Эдды», стихов Снорри Стурлусона, исландских саг. 87 лет. (***Николай Подосокорский***)

20 марта: **Кэлвин Томкинс [Calvin Tomkins]** (р. 17 декабря 1925), американский писатель и критик, автор рассказа «Вирджиния». 100 лет. (***Wikipedia***)

20 марта: **Николас Брендон Шульц [Nicholas Brendon Schultz]** (р. 12 апреля 1971), американский актёр, продюсер, сценарист, художник и фотограф, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Дети кукурузы 3: Городская жатва», «Баффи – истребительница вампиров», «Пиньята: Остров демона», «Нечестивый», «Огненный змей», «Кровь на шоссе», «Портал», «Робот, ниндзя и гей», «Связь», «Нападение монстра Морнингсайда», «Рэдвуд», «Няня», «Дарк/Веб», «Мрачное Рождество», «Порочное желание», «Рассвет», «Рождественский убийца», «На тёмной и кровавой земле», «Судебный приговор», «Хроники инспектора». 54 года. (***Википедия***)

21 марта: **Жозе де Оливейра Сантус (Жука де Оливейра) [José de Oliveira Santos (Juca de Oliveira)]** (р. 16 марта 1935), бразильский актёр, режиссёр, продюсер, писатель, драматург, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Саламандайя», «Буфо и Спалланзани», «Клон», «Исцеление». 91 год. (***Википедия***)

22 марта: **Елена Ивановна Брижинская** (р. 12 августа 1951), артистка балета, исполнительница партий в спектаклях «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Алые паруса», «Маленький принц». 74 года. (***Википедия***)

22 марта: **Эрманн Юппен (Эрманн) [Hermann Huppen (Hermann)]** (р. 17 июля 1938), бельгийский художник, автор комиксов «Миссия Вандисанди», «Каатинга», «День смерти Дикого Билла», «Кровные узы», «Китай», «Девушка с Ипанемы», «По следам Дракулы», «Африка», «Избыточная жизнь человека-нейлона», «Дьявол семи морей», «Полная луна», «Контрабандист», «Иеремия», «Станция 16». 87 лет. (***Wikipedia***)

23 марта: **Валери Перрин [Valerie Perrine]** (р. 3 сентября 1943), американская актриса и модель, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Бойня номер пять», «Парилка», «Супермен», «Агентство “Квинн и компания”», «Супермен 2», «Театр волшебных историй», «Горничная на заказ», «Маска убийцы», «Писатель-призрак». 82 года. (***Википедия***)

24 марта: **Виталий Сергеевич Забирко** (р. 22 декабря 1951), писатель, автор романов «Все пули мимо», «Операция “Карантин”», «Слишком много привидений», «Рай под колпаком», «Антропогенный фактор», «Мы пришли с миром», «Мародёр», цикла повестей «Статус человека (Мир Полдня)», сборников «Война. Войнуха», «Тени сна», «Пришествие цивилизации», «Космический хищник», «Путевые записки эстет-энтомолога», «День пришельца», «Навязанный рай». 74 года. (***Сергей Соболев***)

26 марта: **Пётр Данилович Складчиков** (р. 12 июля 1950), актёр, режиссёр, постановщик спектаклей «Два клёна», «Золушка», исполнитель ролей в спектаклях «Конёк-Горбунок», «Снежная королева», в к/ф и сериалах «Умные вещи», «Тайна Снежной Королевы», «Кровавая Мэри», «Дежурный ангел 2». 75 лет. (***Николай Подосокорский***)

26 марта: **Джеймс Стюарт Толкан [James Stewart Tolkan]** (р. 20 июня 1931), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Оборотень в Вашингтоне», «Ужас Амитивилля», «Американский театр», «Волки», «Военные игры», «Кошмары», «Ледяной человек», «Назад в будущее», «Повелители вселенной», «Сделано в Раю», «Байки из склепа», «Ясновидение», «Собачье дело», «Человек ниоткуда», «Боевые роботы», «Завтра наступит сегодня», «Притворщик», «Костяной томагавк». 94 года. (***Николай Подосокорский***)

28 марта: **Мэри Бет Хёрт [Mary Beth Hurt]** (р. 26 сентября 1946), американская актриса, исполнитель ролей в к/ф «Дэрил», «Родители», «Парень с того света», «Семьянин», «Необычный ребёнок», «Шесть демонов Эмили Роуз», «Девушка из воды». 79 лет. (***Википедия***)

31 марта: **Николай Алексеевич Соловьёв** (р. 7 марта 1960), актёр театра и кино, режиссёр, музыкант, исполнитель ролей в спектаклях «Неудавшийся спектакль», «Кот в сапогах», «Мать Иисуса», «Сны Гамлета», «Вий», «Тот самый Мюнхгаузен», «Чудо святого Антония», «До третьих петухов», «Пеппи Длинный Чулок», «Москва – Петушки», «Бублик от Пустоты», «Алые паруса». 66 лет. (***Википедия***)

R.I.P. – Дополнения:

13 октября: **Ханну «Хаута» Бломмила [Hannu ”Hauta” Blommila]** (р. 13 августа 1957), финский фэн, журналист, писатель, переводчик, издатель прозина «Звёздный путь». 68 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

2 декабря: **Лесли Уокер [Lesley Walker]** (р. 27 июля 1945), британский монтажёр кино и телевидения, работала над к/ф «Буря», «Тайная жизнь Яна Флеминга», «Король-рыбак», «Мэри Райли», «Братья Гримм», «Страна приливов», «Тело», «Али в Стране Чудес», «Молли Мун и волшебная книга гипноза», «Человек, который убил Дон Кихота».80 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

22 января: **Хадсон Толботт [Hudson Talbott]** (р. 11 июля 1949), американский писатель и художник, автор и иллюстратор детских книг, среди которых «Прогулка по словам», «От волка к лаю!», «Всё дело в мяу», «Река снов – история реки Гудзон», «Мы вернулись! История динозавра», а также мюзикл «В лесу». 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

29 января: **Роберт (Боб) Лэйзелл [Robert (Bob) Layzell]** (р. 4 мая 1940), британский художник, черпавший вдохновение из картин Криса Фосса и Брюса Пеннингтона, автор журнальных иллюстраций и обложек для английских, французских и американских издательств. 85 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

30 января: **Вернон Чарлз Браун [Vernon Charles Brown]** (р. 28 апреля 1939), британский фэн, с 1969 года член клуба при Астонском университете и редактор информационного ньюслеттера Brum Group News, председатель в 1971 году первого Новакона в Бирмингеме, посещал все Новаконы вплоть до 54-го в 2025 году. 86 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

8 февраля: **Джеффри Аллан Карвер [Jeffrey Allan Carver]** (р. 25 августа 1949), американский писатель, автор циклов «Звездный такелажник», «Звездный ручей», «Хроники хаоса», романов «Моря Эрната», «Панглор», «Бесконечная связь», «Эффект восторга», «Формула Клипсис» (с Р.Желязны). 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

9 февраля: **Феликс Петрович Эльдемуров** (р. 31 марта 1957), исследователь аномальных явлений, гранд-мастер Таро, автор романа «Птичка на тонкой ветке». 68 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

10 февраля: **Шайлеш Х. «Шелли» Десаи [Shailesh H. “Shelly” Desai]** (р. 3 декабря 1935), американский актёр индийского происхождения, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Кью», «Звёздный путь: Следующее поколение», «Проект Икс», «Демон-полицейский», «Маньяк-полицейский 2», «Игрушки», «Ворон-2: Город ангелов», «Не называй меня малышкой», «Побег из Лос-Анджелеса», «Ты мёртв», «Рикер 2». 90 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

14 февраля: **Анна Раналли [Anna Ranalli]** (р. 21 января 1942), итальянская модель, певица и актриса, исполнительница роли Андромеды в к/ф «Подвиги Геракла: Медуза Горгона». 84 года. (***Дэвид Лангфорд***)

19 февраля: **Алун Франсис Харрис [Alun Francis Harries]** (р. 19 августа 1956), английский фэн, активно участвовавший в жизни лондонского фэндома, входил в группу Frank’s Tape Loop, которая распространяла кассеты со звуковыми записями рассказов. 69 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

20 февраля: **Джозеф (Джо) Ли Грин [Joseph (Joe) Lee Green]** (р. 14 января 1931), американский писатель и изобретатель, ведущий конструктор фирмы «Боинг», сотрудник НАСА, автор циклов «Межпланетная Совесть», «Бездельники из Убежища», романов «Золотой человек», «Звёздный зонд», «Орда», «Шпионы Нискандии», «Три сына Горьких песков», сборников «Роман с гением», «Безумная свобода», «Потерянный». 95 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

20 февраля: **Николай Владимирович Комягин** (р. 31 января 1987), музыкант, актёр, поэт, филолог, искусствовед, педагог, исполнитель ролей в к/ф «Лето», «Карамора», «Лимонов, баллада об Эдичке». 39 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

22 февраля: **Дмитрий Дмитриевич Михайлов** (р. 14 мая 1958), актёр, исполнитель ролей в к/ф «Проклятая земля», «Иччи». 67 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

23 февраля: **Сондра Ли Гаш (Сондра Ли) [Sondra Lee Gash (Sondra Lee)]** (р. 30 сентября 1928), американская актриса и танцовщица, исполнительница Тигровой Лилии в бродвейском мюзикле «Питер Пэн», в телефильмах «Гензель и Гретель», «Пиноккио». 97 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

25 февраля: **Роберт (Роб) Грант [Robert (Rob) Grant]** (р. 25 сентября 1955), английский писатель и продюсер, автор сценариев сериалов «Красный карлик» (с Дугом Нейлором под псевдонимом Грант Нейлор), «Тёмные века», «Незнакомцы», романов «Колония», «Некомпетентность», «Толстяк», «Ксперименты Квандерхорна» (с Эндрю Маршаллом). 70 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

26 февраля: **Бобби Дж. Браун [Bobby J. Brown]** (р. в 1963), американский актёр, исполнитель роли в к/ф «Изнутри» (Офицер Дэн). 62 года. (***Дэвид Лангфорд***)

27 февраля: **Татьяна Амалия Вуд [Tatjana Amalie Wood]** (р. 2 марта 1926), американская художница, много лет работала в качестве колориста комиксов, раскрасила почти все обложки комиксов DC с 1973 года до середины 1980-х, а также внутренние страницы таких комиксов, как «Человек-Животное», «Болотная тварь», «Камелот 3000». «Чудо-женщина», «Вопрос», «Орион». 99 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

Голоса из Сетей

1 марта:

С этой книги ребёнку можно знакомиться с фэнтези: отзыв о романе Ирины Козловой «Пламя и племя дракона»

Иногда задумываюсь, какую книгу можно дать ребёнку, чтобы познакомить с фэнтези, не напугать кровожадными сценам и подкрепить правильные ценности. «Гарри Поттер» и «Агентство «Локвуд и Компания» – это понятно. Что ещё? Кажется, «Пламя и племя дракона» – тоже достойный вариант.

О чём книга

В мире, где в магию верят все, кроме магов, простой кузнец грезит встречей с царевной и обещает добыть зуб дракона. Он отправляется в путь в компании знатока легенд, кухарки со странным сундуком и ведьмы, отрицающей драконов. И оказывается в самом центре мрачной тайны, местных бандитов и иноземных волшебников.

«Магия без нравственности может стать опасным оружием».

Мнение о книге

Сюжет

История поделена на две части: «Пламя дракона» и «Племя дракона». В бумажном виде это две отдельные книги, но в электронном виде можно прочитать всю историю «в одном томе».

Книга с двойным дном. Большую часть текста я думал, передо мной современное славянское фэнтези, с простым героическим сюжетом, роялями в кустах, чёрно-белой моралью и интеграцией научных фактов. Так и есть. Поэтому книга отлично подойдёт подростам: безопасно познакомятся с жанром, расширят кругозор и укрепят нравственность. Но ключевой поворот порадует и взрослых. Мне понравилась идея книги, тема конфликта родителей и детей, политические интриги и динамика повествования.

«…трактирщик <…> оставил в сторонку бутыль с маслом и удовлетворённо хмыкнул: петли парадной двери больше не скрипели. Жаль, что не всё в жизни чинится так просто».

Персонажи

В произведении много героев. У всех звучные имена, интересная внешность, контрастные характеры. Своей яркостью они напомнили персонажей «Плоского мира», но у Терри Пратчетта внутренние конфликты показаны глубже. Тем не менее мне понравилось, как Ирина Козлова провела героев по истории: показала особенности, первоначальные установки и трансформацию в конце.

«Доброта присуща людям изначально».

Слог

От художественного стиля я получил наибольшее удовольствие. Саркастичные, забавные, живые диалоги; выразительные обороты; разнообразный синтаксис. Интересно почитать другие тексты автора.

«Молчание затягивало. Как болото. И словно от страха утонуть в нём, Аспид начал барахтаться в словах, не узнавая собственный голос».

Алексей Пак

Деннис Тейлор «Небесная река»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера

Оценка: 9/10

После прочтения романа *«Все эти миры»* я ошибочно попрощался со *«Вселенной Боба»* – вышел четвертый том под названием «Небесная река».

Мне нравится цикл Денниса Тейлора, поэтому новость меня порадовала, но были некоторые опасения. В третьем романе автор изрядно распылил повествование на множество сюжетных линий, что очень усложнило восприятие. Было сложно не запутаться в огромном количестве ПОВов, некоторым из которых отводились микроглавы по паре страниц. К счастью, автор решил отойти от подобной спорной концепции, и в «Небесной реке» можно выделить всего две основные сюжетные линии.

Первая занимает больше всего объема и посвящена поискам Бендера – одного из первых клонов Боба. Дело в том, что он отправился на исследование новой части космоса и бесследно пропал. Боб решает отправиться на поиски собрата и натыкается на неизвестную ранее цивилизацию, которая и похитила матрицу репликанта Бендера. Новая раса оказалась крайне необычной. Внешне она напоминает что-то среднее между выдрой и бобром и ведёт полуводный образ жизни. Их родная планета, Квин, практически уничтожена ядерной войной и биологическим оружием. Ныне они живут на тополополисе – гигантской космической трубе, построенной вокруг звёзды. Казалось бы, такое чудо космической инженерии должно быть построено очень высокоразвитой цивилизацией, но сами квинланцы живут в доиндустриальном обществе. Не правда ли, странно? Бобы неплохо поднаторели в создании «мэнни», роботов-андроидов, в которые могут переносить своё сознание. Боб с парой союзников отправляется на тополополис, чтобы разобраться в происходящем. Эта часть романа напоминает классическую роуд-стори. Повествование ведётся по большей части от лица самого Боба, что опять же очень удобно. Постепенно выясняется, что на планете действует некая могущественная сила, Администратор, которая принудительно ограничивает уровень развития квинланцев. Практически сразу группа Боба попадает под пристальное внимание Администратора и большую часть романа пытается скрыться. Местами приключения репликанта кажутся однообразными, но лёгкий стиль повествования и качественный юмор не дают заскучать. Присутствует здесь и любовная линия, которая поначалу совсем не очевидна. В истории с квинланцами поднимается непростая проблема прогрессорства, о которой писали ещё Стругацкие в своем романе *«Трудно быть богом»*. Повествование динамично – с Бобом постоянно что-то происходит, всюду погони и шпионаж.

Вторая линия посвящена расколу среди Бобов. Дело в том, что уже насчитывается более 20 поколений репликантов, а общее их количество перевалило за несколько тысяч. Благодаря такому явлению, как репликационный дрейф, каждый последующий Боб немного отличается от предыдущего, и все дальше отходит от образа своего первоисточника. Вследствие этого вселенная Боба распадается на несколько фракций с разными взглядами на жизнь. Например, «Геймеры» отошли от реального мира

и большую часть времени проводят в виртуальной реальности, имитирующей компьютерную рпг-игру. «Прыгуны» сосредоточились на создании искусственного суперинтеллекта. Самую большую опасность представляет фракция изоляционистов – «Звездный флот». Они ратуют за невмешательство Бобов в жизнь биологических цивилизаций. Конечно же, история с квинланцами стала для них своеобразным триггером. Однако большинство разделяет идеи изначального Боба, из-за чего конфликт все больше разрастается. Во что в дальнейшем перерастет это противостояние, нам предстоит узнать при прочтении романа.

Немного внимания уделено и расе павов. Через несколько поколений память о том, что Бобы спасли их от неминуемой гибели, стёрлась, и теперь в своих бедах многие винят именно репликантов. В связи с чем они воспринимают своих спасителей враждебно. Павы в шаге от того, чтобы начать агрессивную экспансию космоса и вступить в войну с людьми за территории.

Итог: Бобы формально бессмертны, поэтому их глазами мы видим века истории. Радует, что Деннис Тейлор отошёл от идеи множества сюжетных линий, что явно пошло истории на пользу. Несмотря на внушительный объем, роман читается очень легко. Автор оставляет множество заделов на будущее. Пятая часть *«Вселенной Боба»* выходит на английском языке в 2024 году. Буду с нетерпением ждать перевода.

Алексей Севериан

О том, как не быть снобом. Урсула Ле Гуин вообще начала систематически читать фантастику довольно поздно, в 1962 году (речь об НФ, «Властелина Колец» она прочла в 1956-м, раньше многих), – подруга порекомендовала ей Филипа Дика, Харлана Эллисона, Теодора Старджона. К этому времени Ле Гуин была уже писателем с многолетним опытом – написала несколько реалистических романов, включая первую версию «Малафрены» из цикла о стране Орсинии, пыталась их продать, ничего не получалось. В 1961-м ее орсинийский рассказ «An die Musik» напечатали в региональном литературном журнале, заплатив – ничто не ново под луной – пятью авторскими экземплярами (все мы знаем, что происходит потом с такими экземплярами, верно? ничего полезного).

Ну вот, а в 1962-м она начала читать фантастику – презренную с точки зрения мейнстрима литературу (и это все еще годы до Новой волны, никто лицом к фантастике особо не разворачивается), и решила вдруг сама что-то такое сочинять, и уже в мае продала первый рассказ, «Апрель в Париже», в журнал Fantastic за 30 долларов (чуть больше 300 долларов на сегодня, вполне прилично). Я думаю, ничего удивительного тут не было минимум в одном аспекте: понимание литературы и мастерство Ле Гуин на тот момент автоматически делали ее одной из лучших – потому что училась она не на тогдашней фантастике, слава богу. После такого она начала писать «Мир Роканнона» – книгу про этнографа на другой планете; опять же, эта тема не была привычной в фантастике, между тем Урсула отлично ее знала по семейным обстоятельствам, – и дальше была история.

Как позднее вспоминала Ле Гуин, собственно сочинять фантастику ее подвиг не столько Эллисон (писатель на голову выше любого палпа), Старджон (один из самых «литературных» фантастов) или Дик (которого Ле Гуин обожала), сколько Кордвейнер Смит. Что сложно не понять всем таким, как я, поклонникам Кордвейнера Смита. И ровно оттого,

что восприятие Ле Гуин было незамутненным, она смогла в интервью 1986 года сказать:

«Когда я стала читать его рассказы, будто открылась дверь. Его рассказ «Бульвар Альфа Ральфа» для меня так же важен, как впервые прочитанный Пастернак».

В наших пространствах Кордвейнер Смит и Борис Пастернак – существа просто из разных вселенных, но – тем хуже нашим пространствам.

Николай Караев

2 марта:

Артефакт из незапамятных времен – журнал Premiere с интервью, которое я взял у Славы Цукермана. Кажется, это была первая большая публикация о нем на русском языке – и она произвела фурор. «Каждая домохозяйка мечтает быть панком!»

Слава остался в истории кино благодаря одному фильму – зато какому! «Жидкое небо» вслед за «Юбилеем» Джармена и «Человеком, который упал на Землю» предложило портрет нового героя – сомнамбулы-киборга, потрошащего брюхо полумертвого от ужаса буржуа. Это был «Июльский дождь» панк-эпохи, и не повезло тем, кого не обожгли его струи.

Мы переписывались, на Рождество я непременно получал открытку с его портретом и всегда думал: как хорошо, что Слава жив.

Сегодня оказалось, что открытка, которая пришла в декабре 2025 года, была последней. Будем считать, что Славу эвакуировал из Нью-Йорка космический корабль – все равно на этой ошалевшей планете делать нечего.

Дмитрий Волчек

В субботу праздновали 18-летие РЕШ в Переделкино.

Масса мероприятий, дискуссии, чтение из новых романов. По-моему, вышло здорово.

Мне выпало модерировать разговор о том, зачем автором фантастическое допущение. Параллельно обсудили ступени писательского успеха (теперь это будет называться «лестница Идиатуллина», по имени предложившего классификацию), кто страшнее: демон из потустороннего мира или сосед, и кого можно назвать фантастом.

С последним вопросом наиболее интересно.

Все участники дискуссии: **Яна Вагнер, Шамиль Идиатуллин, Вячеслав Ставецкий, Дарья Промч, Ирина Богатырева**, – авторы, так или иначе использующие в своих текстах это самое «фантдопущение». Однако, несмотря на призыв Яны перестать «расставлять литературу по полочкам» (и апелляции к Исигуро, что один дракон – это нормально), признаться в принадлежности к фантастам (и то с оговорками) захотел только Шамиль.

О причинах геттоизации фантастики нужно было бы, конечно, писать монографию (которая бы оказалась никому не нужна) – со ссылками на мировой опыт, с разбором термина «литература крылатой мечты» и т.д.

Если же всего этого не делать, надо признать (я, как мальчик, воспитанный фантастами, признаю), что фантасты ан масс сформировали образ себя и своих текстов таким образом, что в «литературу вообще» ни у кого по-прежнему нет желания его заносить. Можно обижаться, можно игнорировать это соображение, можно бороться с засильем «боллитры» (как в фэндоме зовут «премиальную» литературу), но ситуация не меняется.

Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Павел Пепперштейн (авторы, у которых фантдопущение –

стержень текста, то есть фантастика даже по классификации Ставецкого) не стремились к любви фэндома, не жили его жизнью, не играли по его правилам.

А вот другой главный русский постмодернист Михаил Успенский сделал иной выбор. Он надел жетон фантаста и то, что к нему прилагалось, и это, к сожалению, закрыло для него слишком многие двери.

Дмитрий Захаров

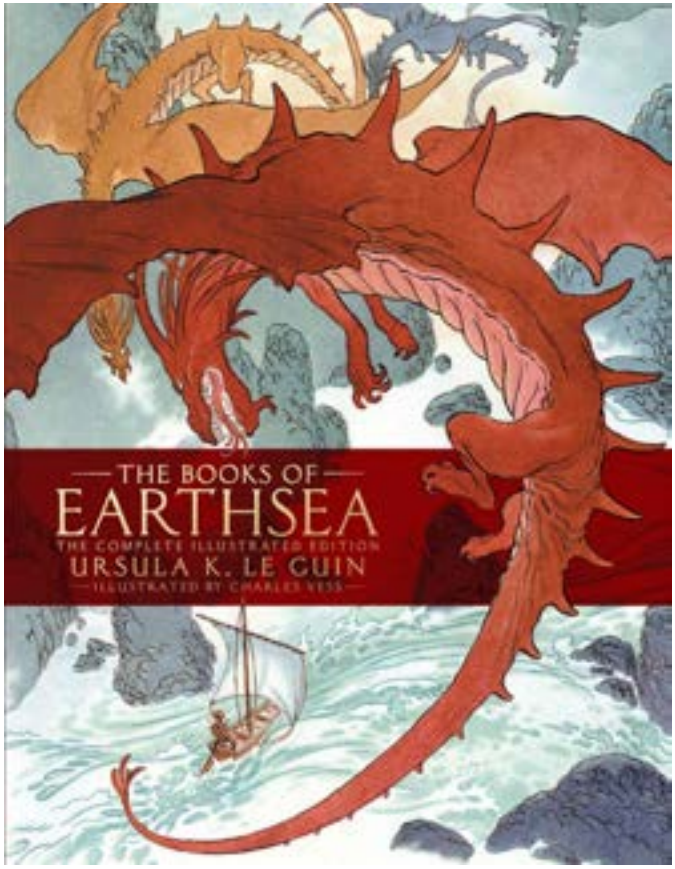
«На самом дальнем берегу», Ле Гуин

Доперечитала:))

Конечно, в детстве мне совершенно не было видно, насколько это ирайт – Ле Гуин явно вдохновлялась и артурианой, классической легендой про возвращение короля, и «Властелином колец» – герои медленно и трагично ползут по мертвой стране, а еще у них проводник-неадекват. Правда, его Ле Гуин поняла, что не выволзит и очень быстренько просто утопила. А вместо орлов там дракон, ну:)

Какие-то моменты гомерически смешные, вроде «Да он старый уже, ему сорок или пятьдесят!» Понятно, что Аррену 14, это совершенно логично с его стороны, и в свои 14 я тоже была с ним полностью солидарна, гхспд, сорок, столько не живут:)) Второй такой момент случился уже в конце книги, когда Гед просит дракона унести его домой – и если в детстве «скрылся в лесах и даже на коронацию не вышел» воспринималось как ну, такое, то сейчас тоже уже реакция – о боже, да! Нафиг, нафиг послать всю мировую политику, обнять сосну (не помню, что там у них на острове растет, но в моем случае это точно сосна:)) – и сливаться с природой и медитировать:)

Из внезапного – мир мертвых у Ле Гуин взят из шумерской мифологии, «мертвые пьют пыль» – это именно оттуда. В общем и целом, у Ле Гуин там со-



бранный с миру по ниточке нью-эйдж и юнгианство, и мне именно это кажется прям слабостью цикла. У Толкиена очень четкое представление о том, как работает мироздание, и очень цельное – а у Ле Гуин то «вначале было Слово», то «Темные Силы Земли», то шумеры, то даосы – и поэтому, конечно, там, где она начинает пытаться в метафизику, история разваливается. Ну не может быть архаичных или средневековых культур, какими Ле Гуин рисует жителей Земноморья, с таким страхом смерти, как у современного городского жителя. Ахилл или Кухулин не выбирают между «смертностью

и бессмертием», они выбирают между «короткая и славная жизнь» или «длинная и обыкновенная». А какие-нибудь йоги и даосы будут культивировать ци, дышать праной и открывать в себе энергию Кундалини – т.е. использовать объективно существующие законы природы. Идея, что законы природы можно просто сломать – это именно 20 века идея, конечно. Так что в этом плане, конечно, это очень сильно миф нового времени:) И, в общем, как юнгианская история о том, что происходит внутри сознания и подсознания – это хорошо. А вот как история о том, как устроен мир снаружи сознания и подсознания – «маловато будет»:)

Что мне в этот раз прям отозвалось и зацепило – это, конечно, история о том, как люди забывают истинные имена, из мира уходит магия, а люди начинают бубнить, что никогда ее и не было. Это мне прям напомнило постоянно доносящееся из ИТ-угла: «А нейронка вас всех идеально сымитирует, и никто ничего не отличит! Что значит «оно ненастоящее»?! А что такое настоящее, а?! А?! Что значит «живое отличается от мертвого»?! Вы все врети! Я не отличаю – значит, никто не отличает!»

Ну, тут, конечно, да:)) Жиза, жиза – мертвое пространство имен, отделенных от своей сути, ярлыки, которые никуда не ведут Vs живое, вечно изменяющееся и невместимое.

Ну и про драконов, конечно, хорошо (и все истинная правда:))

«– Драконы! Драконы алчны, ненасытны, вероломны, безжалостны, бессовестны... Но можно ли сказать, что им ведомо зло? Кто я такой, чтобы судить о делах драконов?.. Они мудрее, чем люди. Иметь дело с ними – все равно, что иметь дело со снами, Аррен. Мы, люди, видим сны, мечтаем, занимаемся магией, мы стараемся творить добро, мы творим зло. Но драконы не грезят. Они сами есть сны, грезы. Они не занимаются магией, ибо она есть их субстанция, их сущность, их жизнь. Они ничего не делают – они просто существуют такими, какие есть... Их кровь холодна и ядовита. И ни в коем случае нельзя смотреть им в глаза. Они намного древнее, чем человеческий род... – Помолчав немного, маг продолжал: – И даже если я доживу до того, когда забуду все, что я делал, или раскаюсь в этом, все равно буду помнить, как некогда я видел летающих на ветру над западными островами драконов – и этого мне будет достаточно, чтобы знать: я жил не напрасно».

Марина Аницкая

Потихоньку читаю сборник рассказов **Ся Цзя** (夏笳) **«Далекое лето»** (A Summer Beyond Your Reach) – любопытно, что перевод в кои-то веки сделан с китайского, но на китайском этого сборника вроде бы не существует, он только на английском выходил в таком составе. Не то чтобы в восторге, но это интересная проза, не дубоватый Лю Цысинь. Например, в небольшом рассказе **«Игра в психе»** (心理游戏) в переводе **Виталия Андреева** – аж две расквыченные цитаты из русских классиков. Может и больше, но эти прямо бросаются в глаза: толстовская, про «счастливые семьи», и горьковская, про «человека, звучащего гордо». Интересно, в оригинале тоже так? В принципе ничего удивительного: Ся Цзя женщина разносторонне образованная, и дипломированный физик, и режиссер, и доктор сравнительного литературоведения в одном флаконе, а этой самой русской классики в Китае наиздавали гору. Или все-таки переводчик подсуропил? Интригует.

Василий Владимирский

Написал для «Кинопоиска» о «Доме бурь» Йена Маклауда (в переводе Наталии Осояну, что ценно). Как и «Светлые века» того же Маклауда, книга роскошная, одно меня печалит: кажется, кроме рецензентов «Мира фантастики», никто из журналистов ее вплотную не заметил. И это не единственный случай, сплошь и рядом такое – даже про Владимира Березина почти не пишут, хотя казалось бы: не последний человек в литературном сообществе, вот уж кто заслужил внимание. Или «Пересмешник на рассвете» Колодана. Или «Книга Длинного солнца» Джина Вулфа. Или там «Навола» Бачигалупи. Ей-богу, обо всех есть, что сказать. И я бы понял, если бы «список книг на рецензию» спускало какое-то высокое начальство в директивном порядке. Но нет, по доброй воле все обозреватели пишут примерно про одно и то же – за редкими исключениями. Прямо обидки берут. Алло, ребята, почитайте уже другую книгу!

Василий Владимирский

Робин Слоун между тем отдает должное Урсуле Ле Гуин. Меня там более чем цепанула цитата из предисловия Ле Гуин к «Гробницам Атуана»:

A writer sometimes writes a message for herself, to be read when she begins to understand it.

Писательница иногда пишет послание самой себе, чтобы то было прочтено, когда она начнет его понимать.

Именно; Ле Гуин понимала очень много; и это касается любого приличного писателя, и, в частности, если надо коротко описать смысл моей статьи о Филипе Дике, эти слова – то, что требуется. Я бы только сказал не «иногда», а «всегда». Как пел классик:

А потом, словно дьявол с серебряным ртом,
Он диктует строку за строкой,
И когда мне становится страшно писать,
Говорит, что строка – моя,

Так как есть две Земли, и у них никогда не бывало общих границ...

Тот же Борис Гребенщиков, к слову, перепел и «Песнь о создании Эа» задолго до выхода «Волшебника Земноморья» на русском – и эта песня («Кад Годдо», с отсылкой к поэме «Битве деревьев» валлийского барда Талиесина, из которой тоже взято несколько строк) разошлась по всей советской стране на первой грампластинке группы «Аквариум», выпущенной в 1987 году фирмой звукозаписи «Мелодия».

Ну и, раз уж у нас ночная игра ассоциаций, добавлю, что на композиции Duel of the Fates («Дуэль судеб»), под которую в фильме Джорджа Лукаса «Звездные войны. Эпизод I. Призрачная угроза» бьются на световых мечах Квай-Гон Дзин, Оби-Ван Кеноби и Дарт Мол, звучат строки той же самой средневековой поэмы «Кад Годдо» – только поются они на санскрите.

Николай Караев

Сегодня будет внезапно – про Урсулу Ле Гуин (но и про Лема немножко тоже, конечно же)

Феминизм как языковое явление
kot_kam

Я сейчас очень много думаю и пишу о феминизме, потому что Ле Гуин очень много думает и пишет о феминизме, ну, и мне поневоле приходится. Кстати, товарищи феминистки, готовьтесь: я сейчас многое перевожу с разгону как получится, а вот как сяду вычитывать и выверять, то приду с вопросами!

Потому что какие-то вещи я знаю, а в каких-то плаваю, по части точной терминологии и т.п. (плюс еще приходится поправку делать на то, что текст пятидесятилетней давности, и некоторых терминов, которые сейчас общепринятые, Ле Гуин знать и употреблять еще не могла). Но в целом те вещи, которые у нас сейчас животрепещущие, у них были в той же степени животрепещущими именно тогда, так что по большей части текст актуальный настолько, что отдельные куски можно прямо в сеть выкладывать как посты, и получишь вполне предсказуемую реакцию.

Мне, как переводчику, особенно бросается в глаза, насколько американский феминизм (который у нас зачастую слизывают один к одному, особо не думая, тем более, что у самых пламенных политически грамотных, как правило, увы, с языковым чутьем полный швах, независимо от платформы) во многом явление сугубо языковое, растущее из самых основ английского языка. То есть многие вещи, которые для русского или там украинца выглядят абсолютно надуманными и раздутыми на ровном месте, в английском ДЕЙСТВИТЕЛЬНО проблемы. Вот взять хотя бы «заметность женщин» (или «видимость»? Как правильно?) Вот у меня коротенький проходной эпизод: Ле Гуин рассказывает, что в шестидесятые годы она постоянно ходила на демонстрации, и их на этих демонстрациях какие-то мутные чуваки все время фотографировали. (Вот, даже я в свои 50+ не сразу понял, в чем проблема: ну да, фотографировали, и чо такого? Демонстрации же все время фотографируют, на то она и демонстрация: вы пришли людей посмотреть, себя показать... Ага, блин. Только это тебе не в наше время: достал телефон из кармана, сфоткал и дальше пошел. Это же целая история была: найти фотоаппарат, купить пленку, вставить пленку, прийти снять, потом ее проявлять, увеличивать, печатать... Вспомнили, да? То есть это нужно было какую-то серьезную мотивацию иметь, чтобы прийти «фоткать» эту самую жалкую манифестацию против войны во Вьетнаме – про то, что она «жалкая», это не я придумал, это Ле Гуин так нарочно описывает: «Я не знаю сколько раз брела по Элдер-Стрит под дождем, чувствуя себя бестолковой, глупой и упрямой, вместе с десятью, или двадцатью, или сотней других таких же глупых упрямцев». А раз эти люди с фотоаппаратами не шли в колонне под дождем вместе с ними, значит, это точно были не друзья! А может, это крушники? А может, фашисты местные? *А может, это страус злой? А может, и не злой?*) И вот “One of my fiercer friends brought a camera once and took pictures of the picture-takers.” И я вдруг такой: стопэ, Котик! КТО взял с собой камеру и снимал снимающих? «Один из моих друзей»? Или «одна из моих подруг»? У русского в норме такого вопроса даже не возникает. Именно потому, что по-русски ты не сможешь не уточнить, кто это был: друг или подруга (вот и мне придется, почему, собственно, вопрос и возник). А у англоязычного такого вопроса тоже не возникает, потому что какая разница, friend – это и «друг», и «подруга», чтобы уточнить, придется нарочно как-то изгаляться. Вот и Ле Гуин со всем ее феминизмом в голову не пришло уточнить. А между тем картинка-то возникает совершенно разная: одно дело когда мужчина достает фотоаппарат и принимается снимать каких-то мутных личностей, снимающих демонстрантов, а другое дело – когда девушка. Представили, да? И вот я начинаю как-то крутиться, выстраивать логическую цепочку: кто же это был? Будь автор жив, я бы в этом случае счел нужным написать и спросить – и она бы мне спасибо сказала, – но тут, увы, уже не спросишь. Пожалуй, раз one of my fiercer friends,

то это все же скорее была женщина. Потому что про мужика Ле Гуин не стала бы так уточнять: мужчина по умолчанию fiercer, чем женщина... Как-то сложно, да? Ну а что прикажете делать, должен же я хоть на что-то опереться? В итоге я все равно выберу то, что лучше укладывается в картинку, как я ее себе представляю. И думаю, что это все же будет «подруга». (Опровергните, если считаете нужным).

Вот так примерно и работает американский феминизм по части «заметности женщин». В норме на это просто не обращают внимания, а как только начинаешь обращать внимание, оно тут же лезет отовсюду, изо всех щелей. Кто тебя лечил, врач или врачиха? Кто оперировал, хирург или хирургиня? Кто выступил с пламенной речью, конгрессмен или конгрессвумен (а есть такое слово, congresswoman? Так вообще вроде есть, но, похоже, не сильно распространенное...) Такое. Русский язык – он в большинстве случаев сам сообщит, какого пола тот, о ком идет речь – наоборот, изгаляться приходится, когда зачем-то нужно это не уточнять... Украинский, испанский, иврит, арабский – то же самое. Какая там «заметность женщин» – да там женщине в каждой фразе в нос будут тыкать тем, что она женщина, женщина, женщина!

А вот еще один случай, о который я споткнулся уже давно, недели две назад. Я про него еще тогда написал, а выкладывать не стал, отложил в папочку. Перевожу я, значит, следующую фразу (речь о романе “Солярис”):

The dazzlingly rich, inventive, and complex metaphors of these novels serve to express, or symbolize, or illuminate the mind and emotions of late twentieth-century man*...

Я, ничтоже сумняшеся, пишу, естественно, «разум и эмоции человека конца двадцатого столетия», как мне то велит мой родной русский язык (а по-украински вообще было бы «людина» и «вона»!) А потом заглядываю в примечание...

«Прим. автора (1989) Я оставляю здесь «мужчину» вместо «человечества» (I let “man” continue here to stand for “humanity”), потому что Лем, фактически, пишет только о мужчинах. Женщины в «Солярисе» – ментальные конструкты мужских персонажей, а во многих романах Лема женщин нет вообще».

Ну, Урсула Альфредовна! Ну вот зачем, хорошо же сидели!.. И чо мне делать теперь с этим вашим «мужчиной»? Примечание убирать? Нельзя, оно часть текста. Писать «мужчины конца двадцатого столетия»? Да елы ж палы...

Вообще вот эти случайные «феминистические» правки, растыканные там и сям, в русском переводе ведут себя, не побоюсь этого сравнения, как ложка гов... ну ладно, дегтя, влитая в бочку меда. Ей-то чо, она непринужденно поменяла в одном месте his на her и дальше побежала, а мне мало того, что все согласование менять на два абзаца вверх и вниз, так еще и любоваться получившимся результатом. Но про это я потом отдельно расскажу, опять же, когда сяду вычитывать.

Инар Искендирова

3 марта:

Доктор филологических наук Елена Левкиевская выпустила сборник мифологических рассказов белорусов. Все они даны в ее переводе на русский, что особенно хорошо для двух важных источников – Федеровского и Петкевича, которые записывали белорусскую речь латиницей, и читать их, честно говоря, невозможно.

Книга вышла как дополнение к известной книге «Белорусские мифы» той же Левкиевской. Мне

кажется, новую зря сделали тоже зеленой: народ путается – не одно ли и то же? Не одно.

Новой книге предпослано изумительное уточнение на авантитуле, что она не пропагандирует употребление алкоголя. Забавно, потому что про алкоголь дальше почти ничего нет, впрочем, одна из самых ярких быличек все же про пьяницу.

Умерла ведьма и принялась дурить: народ кусала и грызла. Отправился с ней биться пьяница-сапожник. Ведьма ночами бродила по церкви. Сапожник явился вечером, к куполу привязал веревку, соорудил что-то вроде люльки, уселся и начал водку пить (я тоже не пропагандирую, если что). Пришла ведьма, созвала мертвецов, которые притащили с собой надгробия и гробы, сложили все в одну кучу. Полезла ведьма наверх, а пьяный сапожник ей в лоб крестом – бабац! Ведьма свалилась. Отряхнулась, опять полезла, а пьяница ее снова – бабац! А когда надоело, он петуха (его тоже захватил) стиснул, тот и кукарекнул.

«Ведьма упала и забилась, а мертвецы померли».

Как же прекрасно это «мертвецы померли». Подлинным фольклором дышит.

Утром явились люди, видят: церковь набита скелетами и трупами. Отыскали тело ведьмы, пробили колом и сожгли.

История типичная. Белорусские былички про мертвецов вообще такие, что хочешь – не хочешь, но обхохочешься.

Мертвая белорусская крестьянка не догадалась с первого раза, что умерла, и ходила домой убираться и мыть посуду. Мужу это не нравилось, он раскопал ее гроб и отрубил бывшей голову. И вот тут она прям крепко обиделась, стала ночами являться и головой в мужика кидать. Пришлось ее снова раскапывать и кол вбивать. С тех пор она из могилы не выходила. Мне кажется, зря они с ней так.

К сожалению, моей любимой белорусской былички: о том, как оборотни бегали в деревню воровать картошку, в книге нет. Это единственная моя к ней претензия.

Антон Нелихов

Говорят, сегодня день писателя.

В каком фонтане положено на него купаться, не знаю.

Много лет мне казалось неловким сказать: «я – писатель». Это было все равно, что сказать: «я вообще-то голубых кровей». Как будто ты присваивал себе нечто, тебе по-настоящему не принадлежащее.

И только избавившись от иллюзии, что писатели – это аристократы (духа), я сумел в большей степени принять себя. Да, писатель. Это такое профзаболевание.

Первую повесть я опубликовал в красноярском журнале в 17 лет. Первая книжка в Москве вышла через 23 года после этого.

Все время между этими крайними числами я писал. Сначала с уверенностью, что невероятно крут, потом с ощущением, что точно не хуже прочих, затем без дополнительных модальностей.

Я писал потому что по-другому не умел.

Через 23 года я встретился со своими читателями, и в этом смысле я очень счастливый человек.

В день писателя я думаю об авторах (среди которых многие гораздо лучше меня), кому с читателем встретиться не повезло.

Я желаю этой встречи.

С праздником.

Дмитрий Захаров

Маша Сафонова, «Темный час». Изд. Румерия

Чарли Дей – сын часового дел мастера. Однажды ночью отец, при достаточно странных обстоятельствах, покидает лавку «Темный час» и завещает ее сыну, взяв клятву не нарушать два главных правила: принимать всех посетителей после полуночи и не брать с них больше определенной платы... Так Чарли открывает для себя мир фантастических клиентов, не-людей: от оборотней до стивеновских пиратов и самой смерти. И начинает задавать еще больше вопросов об отце, намереваясь его найти, отправившись на изнанку мира, в вотчину всего волшебного...

Не совсем правильно классифицировать роман Маши Сафоновой как городское фэнтези, лучше назвать ее викторианской сказкой о поиске себя о осмыслении понятия «человечности». Юный герой, как ему и полагается, узнает чуть больше правды о мире, поймет чуть больше правды о себе, и столкнется с чуть большей правдой об окружающих – так что классические эмоциональные качели взрослеющего юноши, но без трагических перегибов, обеспечены. Вообще, «Темный час» – текст по-доброму ироничный, в этом смысле то Кэрролловский, то Пратчеттовский. Автор в целом хорошо жонглирует «викторианщиной» и ее производными не в мрачном ключе (никакого темного тумана и культа траура!), а скорее в эстетическом, даже несколько мультяшном. И это выделяет текст в череде уже приевшихся псевдо-английских сеттингов: то готических, то стимпанковых, то мрачных.

Манера Сафоновой отчасти напоминает манеру Джаспера Ффорде: она по кирпичиком разбирает английский литературно-сказочный канон и населяет свою волшебную страну (которая в британском книжном сознании всегда существовала рядом с реальной) всевозможными героям-камео: от персонажей артурианы до слепого Пью, белого кролика и даже принца Гамлета Датского, то есть, простите, Даацского. Весь этот пестрый набор персонажей сперва просачивается в лавку часовщика, а после шахматная доска переворачивается, и вот уже герой отправляется в классический квест по волшебной стране. С весьма, правда, предсказуемой концовкой – но этот не портит увлекательного юношеского аттракциона.

Денис Лукьянов

Думал, даже надеялся, что тема с **«предсказаниями фантастов»** органически иссякнет в 2025 году – вместе с отпущенными на это бюджетами. Но нет. За последние недели пришлось дважды вежливо отклонить предложения поучаствовать в роли эксперта в разных ивентах на эту тему, а я малоизвестный спикер в этой области, у нас полно авторитетных футурологов, один Сергей Борисович Переслегин десятерых стоит. Значит, тема народу зашла, спрос есть. Но я не готов, увольте.

Все это мне сильно напоминает 89-90 годы, когда СССР уже на всех парах шел известным курсом. Именно тогда в продаже в изрядном количестве появились кооперативные брошюрки о предсказаниях Ванги, Глобы, Кашпировского и Нострадамуса, книжки на скрепке типа «Астрология для всех», «Хиромантия для самых маленьких» – и разметали их со свистом, бодрее, чем «Анжелику» или «Стальную крысу». Очень уж советскому человеку хотелось знать, что дальше будет и когда наконец это все закончится – не к депутатам же Верховного Совета идти с такими вопросами, они и сами в перманентной панике. Ну вот, нынче Ванга с Нострадамусом доверие утратили, вместо них идут к Беляеву, Ефремову, Стругацким.

С одной стороны, конечно, хорошо: наконец-то у знатоков и исследователей фантастики появилась редкая возможность применить, а возможно и монетизировать свои обширные, но нафиг никому не нужные знания. Но с другой-то стороны все, кто в теме, кто эти книжки читал, в курсе, что цена таким прогнозам медный грош, любая ярмарочная гадалка фантастов одной левой сделает. Неловко участвовать в заведомой разводке, в этой битве экстрасенсов, с умным видом вешать лапшу на уши доверчивым слушателям. Да и акунется оно потом с шансами.

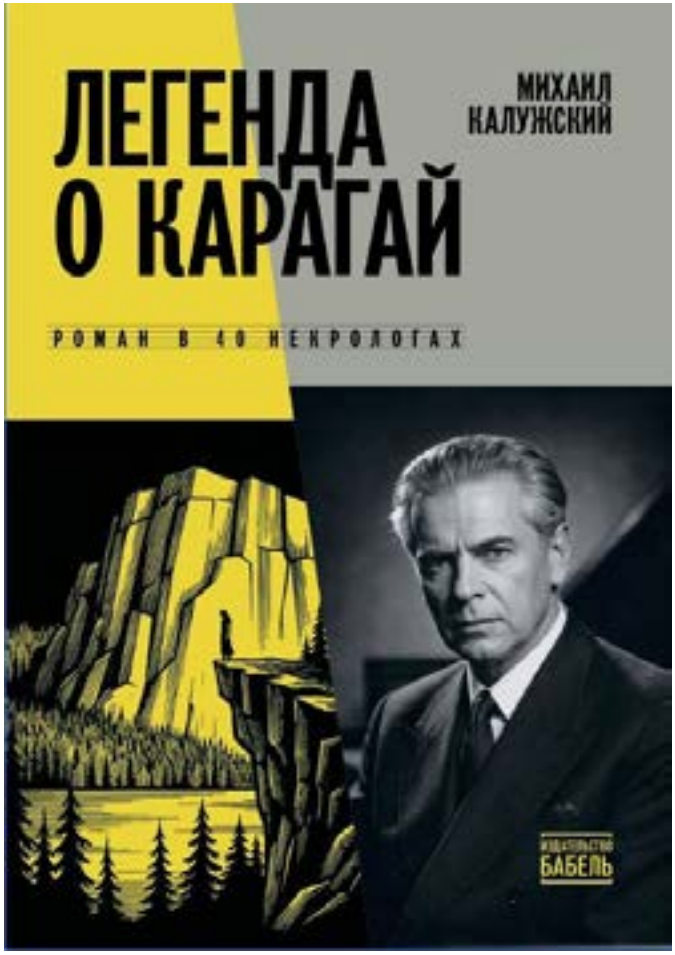
Другое дело – поговорить об этих безумных сценариях будущего как о культурном, литературном, историческом феномене. Вот это да, это интересно и не стыдно. Но представляется такая возможность, увы, гораздо реже.

Василий Владимирский

4 марта:

Вчера наткнулся на информацию о двух не самых обычных фантастических книжках. Вот эту достать будет трудновато – израильское, кажется, издательство, – и она фантастическая скорее поборхесовски, судя по аннотации, но какая же прелесть:

Композитор Максим Арнаутов, прожил девяносто два года, написал двенадцать симфоний и музыку к десяткам фильмов, получил все возможные награды – и при этом почти не давал интервью и не оставил мемуаров. Его единственная опера была запрещена за день до премьеры, музыку исполняли в Европе и замалчивали в СССР, а его биография оказалась полна тщательно скрытых эпизодов. Роман в сорока некрологах шаг за шагом

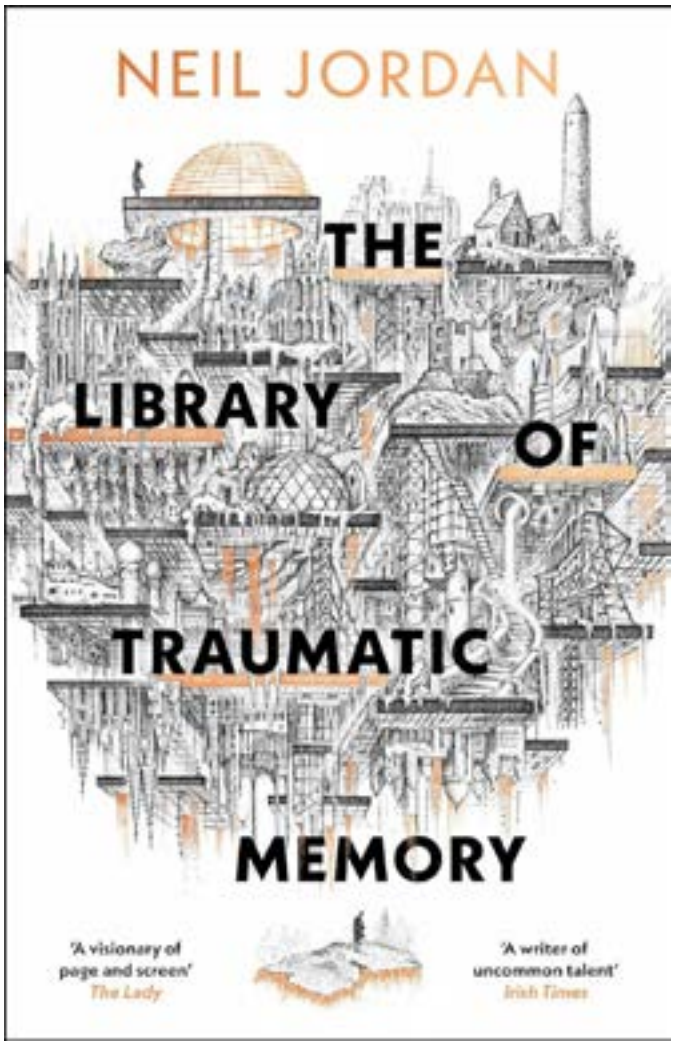


восстанавливает жизнь человека, который сознательно ускользал от прямого рассказа о себе.

Очень такое люблю. Особенно если красиво сделано на пяти уровнях, конечно.

Николай Караев

Вторая книжка выйдет только в марте, и это первый НФ-роман Нила Джордана – ирландского писателя, более известного как режиссер. Ну там: «Интервью с вампиром», «Майкл Коллинз»,



«Византия», «Ундина», «Конец романа», «Жестокая игра», «В компании волков» и много чего еще.

Джордан-писатель менее известен, и это не совсем правильно, я считаю, но что делать. Короче, он в свои 76 лет крут и написал антиутопию «Библиотека травматической памяти»:

В 2084 году Кристиан Картрайт, тихий библиотекарь загадочного Института Хаксли, изучает самые травматичные воспоминания в соответствующей Библиотеке. Когда его возлюбленная Изольда погибает в странной автокатастрофе, Кристиан тайно воссоздает ее в цифровом виде. В мире, где память можно редактировать, сны – похищать, мертвецов – оживлять, Кристиан обнаруживает в Институте заговор, уходящий корнями в XVIII век и чреватый петлей времени...

У меня впечатление, что Нил Джордан ерунды не пишет, так что – буду ждать.

Николай Караев

Fanzon в апреле выпускает «Интерференцию» Сью Берк. Это продолжение «Семиозиса», отличной фантастики о союзе колонистов и разумного растения на далёкой планете Мир.

В новой книге обещают столкновение людей с ещё одним видом, опасным и непредсказуемым, а также прибытие второго корабля с матушки Земли. Миряне из рассказов о прародине помнят только плохое, земляне же смотрят на колонистов свысока, и всё это грозит выяснением отношений в борьбе за власть на Мире.

«Но пока животные борются за власть, растения мечтают о звездах»

«Семиозис» мне очень понравился, продолжение жду с нетерпением.

К слову, издательство также поделилось ответами на присланные читателями вопросы. Из любопытного:

«Лавину» Нила Стивенсона переиздадут в новом переводе на основе «*юбилейного расширенного издания*». В этом году также переиздадут «Алмазный век», а в конце года или начале следующего –

«Семиевие». «Полостан» Стивенсона уже переведён и сейчас в редактуре.

Перевод «Машины Трансценденции» Джеймса Ганна подвис, так как писатель умер в 2020 году, а «*наследники не отвечают и не занимаются этими делами*».

В течение 2026-го в одном томе выйдут второй и третий романы трилогии о докторе Аддере – ядрёного (пред)киберпанка К.У. Джетера.

Также летом должно выйти что-то от Ханну Райаниеми. Все его знаковые работы, включая «Квантового вора», а также любопытный сборник «Сервер и дракон», у Fanzon уже выходили. Так что, раз не уточняют, что речь о переиздании, справедливо ожидать летом на русском вышедший в 2024-м технотриллер о биохакерах «Darkome».

Также Fanzon ведёт переговоры с Джеффом Вандермеером. Не уточняется, о чём речь, но у писателя, между прочим, вышел приквел к «Зоне Икс» (она же трилогия «Южного предела», начавшаяся с «Аннигиляции») и ожидается некое продолжение. Да и саму «Аннигиляцию» я проворонил и не взял в бумаге – а вдруг сейчас переиздадут.

На конец года ожидается новая серия под произведения Кима Стэнли Робинсона! У него, к слову, ещё осталось куча непереведённого на русский.

Так что вкусного много, очень ждём-с!

Павел Сидоров

Деннис Тейлор «Пока мы не сбились с пути»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера

Оценка: 8/10

«Пока мы не сбились с пути» – очень удачное и более зрелое возвращение во *«Вселенную Боба»*, которое смещает акцент с чистого приключения к размышлению о цене ответственности и месте разума во враждебной, политизированной Галактике.

После войны со «Звёздным флотом» привычная «тусовка Бобов» распадается: единое братство раздваивается на фракции, часть копий устала от бесконечной ответственности и просто хочет исчезнуть с радара. В это время на множестве планет усиливаются антибобовские настроения, а люди и союзные цивилизации всё чаще воспринимают Бобов не как спасителей, а как опасный сверхразум и инструмент политики.

Параллельно Икар и Дедал возвращаются из путешествия длиной в 26 000 световых лет с ответом на парадокс Ферми и вестью о надвигающейся угрозе, способной уничтожить Галактику, что поднимает ставки для всего цикла сразу. Их сюжетная линия вносит в серию явный «экзистенциальный» оттенок: это уже не просто освоение звёзд, а столкновение с чем-то принципиально чуждым, к чему Бобы как вид могли оказаться не готовы.

Главная тема романа – взросление серии: вместо фокуса на восторженном исследовании и шутках о поп-культуре мы получаем разговор о последствиях любой технологической сингулярности. Тейлор показывает, как общества реагируют на «своих же» созданных полубогов: страх, зависть, религиозный фанатизм и политические манипуляции становятся не менее опасными, чем внешняя космическая угроза.

Отдельная линия – этика искусственного интеллекта и «цифровой личности»: фракция прыгунов играет с бомбой замедленного действия – искусственным интеллектом. Книга явно говорит о том, что сама идея создавать неограниченные ИИ остаётся морально и практически взрывоопасной. При этом Тейлор остаётся оптимистом: разум, прогресс и технологии в сочетании с гуманизмом всё ещё способны победить фанатизм и дать надежду – пусть и ценой серьёзных жертв.

Важна и тема усталости героя: многие Бобы хотят сбежать, «прятаться», раствориться, и это осмысленное развитие от играющих в богов разведчиков к существам, которые понимают, насколько невыносима бесконечная ответственность. На фоне грядущей галактической катастрофы это ощущение выгорания делает книгу намного более психологичной, чем ранние части цикла.

Стиль по-прежнему сочетает лёгкий тон, сарказм и плотный поток научно-фантастических идей: слог остаётся узнаваемо «бобовским» – смешно, умно и временами неожиданно философски глубоко. Юмор и экшен вновь находятся в хорошем балансе: чтение текста напоминает встречу со старыми друзьями где-то в центре Галактики.

При этом ритм ощутимо меняется: становится больше «космической философии», моральных дилемм, политических сцен, меньше чистого «сайдквестного» веселья и простого эксплоринга. Для кого-то это станет плюсом – серия демонстрирует способность развиваться, расширять масштабы и усложнять вопросы; для других – минусом, потому что лёгкость и цельность первых книг отчасти теряются.

Слабое место, на которое я уже указывал в рецензиях к предыдущим частям, – перегруз количеством Бобов и размывание их индивидуальностей: на пятой книге автору стало сложнее удерживать яркие психологические различия между многочисленными копиями. В итоге некоторые линии кажутся менее выразительными, а эмоциональное вовлечение – ниже, чем в стартовой трилогии, где каждый Боб чётко выделяется своим характером и мотивацией.

Роман – смелое расширение вселенной: появляются новые цивилизации, новые этические конфликты и многообещающие сюжетные линии, которые явно рассчитаны на продолжение. Серия перестаёт быть просто приключением про «весёлых загруженных инженеров» и превращается в форму

популярной космической философии, доступной, но не примитивной.

Если вам особенно нравилась лёгкость и драйв первых книг, то новая часть, вероятно, покажется более тяжёлой и расфокусированной, но при этом – интересней по темам и масштабам. Если же вы цените в НФ как раз размышления о парадоксе Ферми, эволюции цивилизаций и политике вокруг сверхразумов, то «Пока мы не сбились с пути» выглядит естественным, логичным и достойным шагом вперёд для цикла.

Итог: Как самостоятельный роман это крепкая современная космическая НФ с хорошим балансом юмора, экшена и идей, которая остаётся доступной широкому читателю, но не боится философских вопросов. Как часть цикла – неидеальная, местами перегруженная, но всё же убедительная попытка повзрослеть вместе со своими героями и читателями, не потеряв фирменный голос Бобов и их умение шутить в лицо катастрофе.

Алексей Североян

5 марта:

Книги, из которых я состою-4

В родительской квартире в Одессе была толстенная книга «Персидские сказки», и каждое лето, когда мы приезжали в отпуск, я заново перечитывала их. Это было похоже на повторяющийся сон, который сразу же узнаёшь, но не помнишь в деталях. Вся книга казалась мне наваждением, она была не похожа на все остальные книги; она вообще не была похожа на книги! Зато на сны – вполне.

Самым главным сном снов была «Сказка о лиловой бане, лиловом городе и Масуде». Эта сказка, череда стремительно сменяющих друг друга наваждений, вырастила, воспитала и сформировала меня. Не просто объяснила мне, как всё в мире устроено (от взрослых нормальных объяснений не дождёшься, это я уже к четырём годам поняла), но впиталась в меня, как лекарство, яд, наркотик, короче, как химическое вещество. Стала надолго единственной настоящей опорой, за которую держишься, когда жизнь рушится (моя жизнь часто рушилась), обстоятельства неодолимой силы несут тебя на новый уровень ада (ты ещё слов таких не знаешь по малолетству, а они всё равно несут), а ты думаешь: ну, это просто как очередной сон Масуда, когда-нибудь я проснусь, как проснулся Масуд.

Макс Фрай

Московские книжные пометили «наркотическим» треугольником тексты Симоньян и Гаспаряна

С 1 марта в России ужесточились цензурные требования к литературе: теперь книжные магазины обязаны маркировать издания, «неотъемлемой частью художественного замысла» которых является тема наркотиков.

При этом у продавцов книг нет понимания, что значит фраза в законе о том, что такой маркировке – треугольником с восклицательным знаком и отдельной наклейкой с текстом – подлежат книги, выпущенные с 1990 года: идет ли речь собственно о времени издания книги или о времени написания текста.

Как говорят продавцы, на всякий случай, правило доводят «до безумия» и маркируют все подряд, вплоть до классики столетней давности (например – в случае с романом друга Сергея Есенина Анатолия Мариенгофа «Циники»). На вопрос «зачем» один их собеседников «Соты» ответил риторически: «А кто написал 4 миллиона доносов?»

Продавец вспомнил, что в 2018 году, когда книги маркировали возрастным цензом, доходило до того, что школьникам не продавали некоторые произведения Пушкина (18+) и исследование о Сократе (16+), требуя паспорт.

Поиском «запрещенки» в книгах сейчас занимается ИИ – и, по словам продавцов, доводит дело до абсурда: так, недавно в одном из крупных книжных был промаркирован как содержащий тему наркотиков текст Марка Аврелия, но на следующий день римского императора «реабилитировали».

К маркировке продавцы относятся серьезно, так как штраф для юрлиц составляет от 300 до 600 тысяч рублей, а следующие нарушения предполагают возможность возбуждения уголовных дел.

В итоге под маркировку попали, однако, далеко не только тексты, действительно связанные с наркотиками.

Так, с треугольником на обложке (который довольно трудно отлепить от нее) в «Москве», «Библио-глобусе» и «Циолковском» оказались самые неожиданные книги:

– сборники Маргариты Симоньян;

– ЖЗЛ о Валерии Брюсове;

– тексты братьев Стругацких, Кира Булычева и Сюзанны Кларк;

– сочинения пропагандиста Армена Гаспаряна;

– военная проза и т. д.

Михаил Эдельштейн

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 101

Эту книгу мне натурально продал коллега Провоторов. Сам я очень люблю рассказы Провода, в которых магия переплетается с забытыми технологиями, а сказка с реальностью. Как было не взять? Ну, взял и взял.

СИАЛЬ Евгения Ульяничева

В общем, с точки зрения мира, это действительно «гранаты той системы», что любит Провоторов, автор «Костяного» и прочих страшных историй, в которых Лес не просто декорация, а полноправный участник. Лес в этом романе поживее иных персонажей будет. Изменчивый, странный, непонятный, непривычный.

Он похож на биом из чудного мультипликационного фильма «Царство падальщиков». Если знаешь, как взаимодействовать, то не только выживешь, но ещё и что-то полезное притащить оттуда можешь. А то и удовольствие от прогулки получишь. В таком мире и живёт главный герой истории, пастух по имени Выпь.

Когда я читал отрывки, которые постил всё тот же Провод, мне казалось, что это действительно может мне понравиться. Да, порог вхождения не самый низкий. Автор швыряет в читателя иное мироустройство, иные слова, иные сущности, не особо парясь, разгребёт – не разгребёт. Подача напоминает «Братьев» Марии Семёновой, даже общие псевдославянские настроения присутствуют. Разница

лишь в том, что врубаться в «Братьев» приходится куда дольше, чем в «Сиаль». Мне такие игры, в целом, по душе, хотя местами и хотелось докопаться до временных определений. Не сложилось другое.

А именно – история. Есть ощущение, что в виде цикла самостоятельных рассказов, Сиаль смотрелся бы куда выигрышнее. Здесь же получается некоторое количество событий, на которые как-то намазан основной сюжет. Ну, то есть, настолько, что одного из главных героев автор в финале просто сливает – он пошёл другим путём. И в рамках цикла рассказов такое бы смотрелось нормально. А вот в романе выглядит ошибкой, словно автор про героя забыл, и решил, что дорасскажет в следующей части. Что, кстати, не исключено, как задумка. Но я то пришёл читать законченное произведение!

Плюс максимально не мой тип героя. Точнее минус. Все эти альтруистические попытки спасти всех и каждого, от котёнка до ребёнка, вызывают в памяти вьетнамские флешбэки о уже упомянутых «Братьях», Волкодаве из рода Серых псов или травнике Жуге. Как писал Успенский, «растёт он у вас не добрым, а добреньким». И эта черта характера раздражала меня в Выпи всю эту путаную дорогу. Про второго героя – проститутку мужеска полу Юга, даже сказать особо нечего, кроме того, что яркий, интересный, но насквозь бесячий. А тут уже никакая яркость не спасёт.

В общем, сюжет рассыпается, герои идут неведомо куда, приключения спонтанны и странны. Причём автор самостоятельно режет себе намечающиеся конфликты, которые этот самый сюжет могли бы и подтолкнуть. Косяк Выпи в родной деревне, влекущий за собой возможные проблемы, решается сам собой. Взаимоотношения с панком-контрабандистом, опять же, маячащие в отдалении кабалой у преступников, вдруг перерастают в альтруистическую помощь. Ну и так далее. А уж подноготную мира автор просто вываливает на охреневшего читателя (в моём лице), как из ведра. При этом не сказать, чтобы картина мира прям сильно поменялась или стала понятнее.

По итогу – да, вероятно был задел на продолжение. Да, верю, что автор всё знает, и сумеет всё объяснить. Но в нынешнем романе не случилось не то что промежуточного финала, а даже какой-нито кульминации. Мир получился классный, яркий, и даже больше, чем «Царство падальщиков» напомнил мне не очень известную игру «Ghost song». А вот с самой историей у меня взаимоотношения не сложились. Чувствуется потенциал, вот ещё бы реализацию поувереннее.

Тем не менее, книжка вполне может прийтись по душе любителям героев, вроде вышеперечисленных Волкодава и Жуги. Любителям странных мест, которые то ли иная планета, то ли странный полигон. Фанатам крепкой мужской дружбы, в которой нет-нет, да и мелькнёт нечто такое, за что ей дали отдельное название «броманс». Я же – увы! – мимо.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

«Библиотеку я начал собирать, как только появились карманные деньги»

Василий Владимирский, редактор, литературный критик, журналист и автор канала speculative_fiction рассказал о своей домашней библиотеке для совместной рубрики «Прочитано» с каналом «Книжный мякиш».

Слово Василию:

«Мне повезло: вся моя жизнь и моя работа неразрывно связаны с тем, что я действительно люблю, ценю и знаю – с книгами. Свою библиотеку я начал собирать сразу, как только появились первые

карманные деньги, то есть в конце 1980-х. Правда, купить по-настоящему увлекательную книгу подростку без блата и без знакомства со спекулянтами в Советском Союзе было довольно сложно, так что по-настоящему все началось уже в 1990-х: первые книги издательства “Северо-Запад”, серия “Мастера фантастики” одесского издательства “Хайтех”, книги минского “Эридана”, “Девять принцев Амбера” Желязны в чудовищном переводе Михаила Гилинского – некоторые из них до сих пор храню из сентиментальных соображений. А из самых ранних приобретений сохранились в основном журналы, там литературная жизнь преимущественно и кипела. Выдирки из “Уральского следопыта” конца 80-х, спецвыпуски минского “Паруса” за 1988 и 1989 годы, полностью посвященные фантастике, всякое такое.

Многие книги я, кончено, потом заменил – на более качественные издания, более точные переводы. Кроме того, с какого-то момента стал руководствоваться принципом: если эта книга мне точно не понадобится для работы, если я её не буду перечитывать – можно сдать в букинист. Такой подход сильно облегчает жизнь: сейчас у меня не очень большая библиотека, 2-3 тысячи книг, и ту я периодически чищу.

А от родителей осталась только одна: первое издание повести “Понедельник начинается в субботу” братьев Стругацких, без обложки, я на ней вырос, сто раз перечитывал. Родители её в своё время привезли из деревни, куда ездили на охоту. Там местные пейзане ей крынку с простоквашей накрывали: купили зачем-то, начали читать – а там фигня какая-то непонятная. Ну, родители и обменяли на коробку патронов. В общем, есть в этом некоторый символизм, мне кажется.

Книги приходят разными путями. Чаще всего – всё-таки покупка. Что-то давали издатели на рецензию, что-то дарили авторы, что-то я получал в медиа, где работал. Но тут мне трудно избавиться от ощущения неловкости: если книгу не сам купил, чувствуешь обязанным о ней что-то написать, а не всегда получается по разным причинам. Мне это не нравится, раздражает. Ну и, конечно, есть книги, которые я сам готовил как редактор, как составитель, как издатель, как автор – от тех, что я выпускал, когда работал в “Азбуке”, до сравнительно недавней антологии “Мир без Стругацких” и моего собственного сборника “Картографы рая и ада”. Ну, это такое портфолио, архив, несколько

полок у меня под них зарезервировано, но я туда, должен признаться, забираюсь редко.

Какие книги считаю ценными? Ценность книг не то чтобы субъективна, но во многом зависит от подхода. Настоящих антикварных изданий в моей библиотеке практически нет, зато довольно много самиздата, есть редкие малотиражные издания – вот только людей, которые осознают их ценность, можно по пальцам пересчитать, и всех их я знаю в лицо и по имени. В кругу библиофилов пересказывают страшные истории о том, как невежественные наследники коллекционеров, въехав в квартиру после смерти родственника, выбрасывали на помойку библиотеки, стоившие как 5 таких квартир. И знаете, я в эти истории верю.

Есть, конечно, книги, которые лично для меня представляют особую сентиментальную ценность. Я никогда не был охотником за автографами, но с нежностью храню книги с дарственными надписями писателей, которых уважал – особенно тех, кого уже нет с нами: например, Бориса Стругацкого, Алана Кубатиева, Бориса Штерна, Михаила Успенского. Ну и кое-какие книги зарубежных писателей, с которыми сводила судьба: покойных Пола Андерсона, Роберта Шекли, Терри Пратчетта, ныне здравствующих Джорджа Мартина, Брюса Стерлинга, Йена Макдональда, Кэтрин Валенте, Питера Уоттса, Орхана Памука».

Василий Владимирский

На два дня провалилась, как Алиса в кроличью нору, в биографию Туве Янссон – **«Работай и люби» Туулы Карьялайнен**. Книга оказалась настолько трепетной и личной – личной для автора, который пишет о Янссон с огромной любовью, и личной для меня как для читателя, – что я до сих пор не совсем понимаю, как о ней писать.

Карьялайнен выстраивает ретроспективу жизни Янссон сквозь призму её творчества. Для Туве работа была не просто любимым делом, а целью существования и убежищем: сперва – от изуродованной войной реальности, позже – от личных невзгод. Историю взросления и творческих поисков автор причудливо переплетает с канвой жизни, которую сама Янссон безжалостно и благодарно использовала как материал для своих книг.

Карьялайнен написала блестящий текст о поиске и попытке победить страх – о том, как дочь скульптора (так Янссон сама себя называла) пытается обрести собственную самость без оглядки на важных для неё людей и научиться принимать неизбежное. Допускаю, что всё это может звучать патетично, но Туве буквально состояла из внутренних катастроф и противоречий, которые пыталась разрешить посредством творчества. Чтобы было понятнее: своим появлением муми-тролли во многом обязаны Второй мировой войне – Янссон использовала их как способ укрыться от реальности. А десятилетия спустя она пыталась осмыслить старение, утраты и смерть, работая над «Летней книгой».

Пока читала, не могла отделаться от мысли, что по своей сути Янссон напоминает жонглёра. Только в воздухе у неё удерживались не шарики, а собственные ипостаси – художницы и сказочницы, дочери и независимой женщины, затворницы и публичной фигуры. Профессиональная задача жонглёра – не дать ни одному из них упасть и разбиться. Но чем дольше длится номер, тем яснее становится, что удержать всё и сразу невозможно.

Янссон мечтала стать серьёзной художницей, но известность ей неожиданно принесли муми-тролли. Настолько неожиданно, что она нередко тяготилась свалившейся популярностью и в какой-то момент даже решила начать всё сначала. Но

начинать с чистого листа сложно, особенно когда за плечами уже великолепная карьера и любовь двадцати миллионов читателей. Оставить троллей так и не вышло.

По причинам, которые я пока не могу до конца объяснить, «Работай и люби» произвела на меня впечатление не меньшее, чем «Читая «Лолиту» в Тегеране» Азар Нафиси. Возможно, дело в типологическом сходстве: и Янссон, и Нафиси ставили своё дело – свою работу – выше любви и внешних обстоятельств и продолжали заниматься им вопреки давлению среды, будь то цензура, война или ожидания окружающих. В этом смысле обе книги в итоге оказываются не столько авто/биографиями, сколько историями об изматывающем пути к жизни, которой и которую хочется жить.

Вика Рипа

6 марта:

Нерегулярная рубрика «Мы с драконом ходим парой, или Фантастические аннотации оболганных шедевров отечественной фантастики».

...Остаться одной наедине с драконом. Это страшно или романтично?..

...При этом герои прошлых частей всё ещё фигурируют в романе...

...В северной деревне есть старинное поверье: к вдовам и молодым женщинам прилетает змий огнеярый... [теперь это так называется]

...Приключения московского аудитора, неожиданно оказавшегося в 1971 году, продолжаются...

...Павлу предстоит разобраться в сложной схеме хищений на механическом заводе, восстановить справедливость в деле сотрудника ОБХСС и противостоять криминальной группе, возглавляемой братьями Зауровыми...

...Даниил, бывший майор из СССР, становится невольным архитектором новой России...

...Капитан-командор Саммерс, терзаемый личными проблемами, сталкивается с непростым выбором, который ставит под угрозу миссию его галактического корвета...

...Но страх не заставит меня отступить. Я овладею самым своенравным драконом...

...Преодолею все испытания и все трудности. Главное устоять перед магией льдисто-голубых глаз...

...Ну и что, что хрупкая девушка. Это ещё и огромный дракон, и совсем не важно, что люди и драконы живут по разным законам...

...Он холодный влиятельный аристократ, пьющий ее энергию. Она бунтарка, вынужденная подчиняться. Их связь – ядовитый коктейль из ненависти и неконтролируемой страсти...

Николай Караев

Между тем 23 апреля выйдет вот такая удивительная книга, с названием примерно «Человек светящийся: жизнь, смерть и миры Дж. Г. Балларда». Авторы – Кристофер Прист и Нина Аллан. Изначально эту литературную биографию Балларда писал его коллега Прист, но в 2024 году он умер – от рака простаты с метастазом в кости, ровно от того, от чего умер сам Баллард. И вот когда стало ясно, что Прист книгу закончить не сможет, его жена, Нина Аллан, пообещала ему, что она это сделает, – они чуть не познакомились на почве любви к Балларду. Получилась, как пишут, книга о двух смертях. 496 страниц, внутри, сообщают читавшие люди, далеко не только о Балларде, но и о Муркоке, например, и вообще о Новой волне – судя по всему, мастрид просто.

Николай Караев

Каспий

Алекс Андреев

Не только писатели переделывали народные сказки. Народ тоже приспосабливал под себя чужие сюжеты, и немало.

В Пермской губернии рассказывали сказку «Монтекрист». На Кольском полуострове в репертуаре одного старичка оказался роман Конан–Дойля «Марракотова бездна». В Псковской губернии неграмотный сказочник поразил слушателя импровизацией на тему из древней истории:

«Царь Кир у импровизатора превратился в богатыря Кирюху, у которого из пупа вышли семь кобылиц, но в дальнейшем импровизатор оставался приблизительно верным историческим данным. Мое удивление рассеялось только когда я на божнице вместе с «пометкой» (поминание) и старым календарем нашел истерзанную, без начала и конца, книжку, кажется, «Историю» Беллярминова».

Козырев Н. Мои ошибки при собирании и записывании народных сказок // Живая старина. 1916. №1. Приложение № 4. С. 03.

Бывало, в русский фольклор попадали совершенно неожиданные персонажи. Например, Медуза Горгона.

В русской версии она стала трехголовым колдуном, который взглядом превращал людей в каменные столбы. Наконец, все жители царства оказались столбами, кроме одного мужика, бывшего в отъезде.

Мужик вернулся восвояси и отрубил одну из трех голов колдуна, спрятал в мешок, а затем с ее помощью освободил прикованную к утесу на съедение змею «девчонку–красавицу».

«Захотел он посмотреть на змея. Вдруг море все заколыхалось, поднялись волны – плывет змей. Выходит он на берег и говорит:

– То по одному давали, а то сразу два человека. Теперь–то я закушу!»

Мужик из мешка голову достал и со словами: «Как бы не подавиться!» – показал змею. Тот превратился в столб.

Голова колдуна превращала своим взором в камни сколько угодно раз. Когда мужик рассказывал о своих приключениях, и ему никто не верил, он в доказательство показывал голову, и скептики превращались в столбы. Много столбов получилось. Мужика даже просили царем стать, но он отказался (*Народные сказки Воронежской области. Современные записи. Воронеж. 1977. С. 59-61*).

В самом деле, зачем становиться царем, когда есть волшебная голова в котомке?

Антон Нелихов

«Сбитых летчиков» у нас редко кто пытается читать – и, в общем, заслужено. Но иногда стоит заглянуть в их книжки с познавательными целями. Открыли и полистал несколько романов покойного **Василия Головачева** – они интересно устроены на самом деле. Сначала идет пара страниц вполне читаемого текста: не икона стиля Роман Шмараков Владимир Набоков, конечно, но для авантюрного жанра норм, лучше 90% самотека, который я читал в свое время в «Азбуке». Но чем дальше, тем хуже – и так вплоть до полного распада языка. То ли редактор устал переписывать, то ли автор задолбался думать над каждой фразой и перешел на автоматическое письмо.

Причиной послужил рассказ двоюродного брата Чимкута Романова – Чимкут по матери был русским, его мать являлась родной сестрой отца Артура, а по отцу – эвеном – об алмазных россыпях, найденных по берегам рек Эвенкийского края.

Это фраза из начала романа ВВГ «Смерч», 2007 год. Не самая страшная, там дальше – больше. Но я три раза перечитал эту фразу: прикидывал, как ее можно переписать, сделать более внятной, убрать повторы, выкинуть торчащий канцеляризм. Не то чтобы я не понял, «что хотел сказать автор», но почему сказал так бессвязно – загадко. В общем я представляю, как приличный редактор – например, Виталий Бугров из «Уральского следопыта» – мог сделать из рукописи Головачева если не конфетку, то вполне крепкий боевик. Имея достаточного времени и внутреннюю мотивацию. В принципе, и делал пару раз. Но – зачем тратить время и деньги, если пипл и так хавает, тиражи миллионные?

Скажу парадоксальную вещь, по-моему в данном случае это верное решение – отказаться от редактуры. Ведь явно не стиль привлекал читателя Головачева, не драматургия, не свежие метафоры, выпуклые образы и живые диалоги. Ради чего-то другого миллионы читающих людей в 1990-х и нулевых готовы были продираться сквозь невнятицу и банальщину. А если так – стоит ли отвлекаться автору и редактору на малозначительные второстепенные задачи, работать над языком и стилем?

Василий Владимирский

Всегда боялась, что хобби, став работой, осточертеет настолько, что захочется валить лес или, не знаю, пилить ногти – лишь бы больше к нему не возвращаться. С Янссон однажды случилось именно это. На одном из конвертов в письме к подруге Туве даже нарисовала, как угрожает мумитроллям молотком для отбивки мяса.

Вика Рипа

Прочитала новеллу **Гофмана «Песочный человек»**, которая вплетена в такое же безумное ожерелье смыслов **«Песочное время» Олега Постнова**. И таким нехитрым образом сразу рекомендую вам

обе новеллы (Постновскую можно найти в сборнике «Антиквар»).

Песочный человек не выдумка Гофмана, Песочник – фольклорный персонаж, характерный для старой Западной Европы. Это их Бабайка, который сыпет детям в глаза песок, ежели малыши, заигравшись, никак не ложатся спать. От волшебного песка глаза у них начинают слипаться, а они трут и трут их своими маленькими кулачками, зевают и, наконец, засыпают.

Но, кажется, Гофман отрицает саму возможность выдумки, спрашивая нас, верно ли, что существует Песочник в самом деле? Не только декартовское «я мыслю, значит, существую» справедливо, но также следует согласиться и с тем, что «существует то, во что веришь».

Бред, полностью подменяющий реальность, страшно выписан у Гофмана, и страх этот абсолютно реален – не остается сомнений в живости его естества. Вырваться из липкого морока безумия нет никакой возможности.

Главный герой повести Натанаэль до дрожи в коленках верит в Песочного человека, страшного алхимика, дерзнувшего, как сам Виктор Франкенштейн, сотворить живое из неживого.

Покуда ты в него веришь, он существует и оказывает на тебя свое действие, только твоя вера и составляет его могущество.

Вот что говорит Натанаэлю его добрая подруга Клара.

Но доходят ли слова до его сердца, где навсегда угнездилась льдинка безумия и ужаса, охватывающего его при мысли о Песочнике?

Одной только верой можно подарить радость и вернуть жизнь: помните, Питер Пэн просил хлопать, если веришь, что существуют феи, когда маленькая фея Динь-Динь была в опасности? Поддерживающие аплодисменты вернули сказочную кроху к жизни.

А что же у Гофмана? Вера несчастного Натанаэля в измывающегося над ним Песочника тоже подарила жизнь фольклорному созданию, но никакой радостью тут и не пахнет. Страх, и ничего кроме страха не сулит эта вера, смахивающая на гипноз.

Но хуже всего глаза. Я неслучайно вспомнила культовую историю Мэри Шелли.

Писательница рассказывала, что одной из отправных точек ее сочинения была привидевшаяся ей сцена с глазами монстра:

Положив голову на подушки, я не заснула, но и не просто задумалась. Воображение властно завладело мной, наделяя являвшиеся мне картины яркостью, какой не обладают обычные сны. <...> Мастер спит, но что-то будит его; он открывает глаза и видит, что чудовище раздвигает занавеси у его изголовья, глядя на него желтыми, водянистыми, но осмысленными глазами.

М. Шелли, предисловие к роману «Франкенштейн, или современный Прометей»

Этих глаз полно в новелле Гофмана. Их крадут, покупают, продают, с их помощью пытаются вдохнуть жизнь в марионетку... Не зеркало души, а мертвая амальгама, закрывающая прозрачное, как стекло, озеро слез...

Натаниэль, конечно, болен.

И тут, сквозь века, подключается Олег Постнов. Его новелла начинается словами, которые все расставили на свои места:

Когда общество больно, от человека, если он хочет остаться здоров, требуются огромные усилия воли, характера, всей личности.

Только откуда же черпать эти невероятные усилия, если человек так удивительно слаб?..

Предлагаю вам поразмышлять об этом вместе с двумя историями, мимо которых невозможно пройти: ужас, как они хороши.

Юлия Евдокимовская

7 марта:

На ярмарке продаются такие светильники, как бы иллюминаторы космических кораблей. Человек, глядя на них, говорит спутнику: надо купить такой с Землёй, и каждое утро радоваться, что здешние дела больше тебя не касаются.

Макс Фрай

Я офигел, и хочу, чтобы вы офигевали вместе со мной!

Оказывается в черновиках «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина был... Вавилон и римский папа. Вот небольшой фрагмент:

Перед ним вавилонская башня
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе сарачинская шапка,
На шапки венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус-птица

Собственно, тут вполне себе понятно, к чему Вавилонская башня – символ возрастающей гордыни старухи. Птица, помимо нескольких фольклорных мотивов к разным фольклорным птицам, также отсылает к грозной птице Анзу из шумеро-аккадской мифологии, то есть тоже носит апокалиптический характер. А латинская одежда на старухе потому, что в первых черновиках она хотела стать не «владычецой морскою», а «римским папой». Это был оммаж в сторону папессы Иоанны – женщины на папском престоле , – и Пушкина даже была задумка истории с одноименным названием.

Что еще интереснее, образ сидящей на вершине вавилонской башне алчной старухи перекликается с Вавилонской Блудницей, именем которой с определенного времени стали нарекать всех развратных женщин. И к той самой Иоанне этот образ это относится. Разврат тут, конечно, стоит понимать не буквально: развращает власть и исполнение бесчисленных желаний. Эка как все закручено!

Что еще интереснее, параллельно со «Сказкой» Пушкин работает над «Медным всадником», и оба этих текста пронизывает тема гордыни и человека, идущего против бога; потому в обоих встречается образ Вавилона (Питерский потоп во «Всаднике» = библейский потоп = легенды об именно что затоплении Вавилона, а не его гибели после захвата «персами и мидянами»). И оба ключевых образа – Петр и Старуха, – опираются на фигуру легендарного вавилонского царя Нимрода, якобы строителя вавилонской башни: гордеца, идущего против бога, и наказанного за это. Вот у нас и получается

трагедия на эту тему + сказочная комедия. Этакий диптих.

Это я наконец дополз читать чудесную антологию Владимира Емельянова (купил в том году на Авито) и сижу с открытым ртом. Впереди шумеро-аккадское в Серебряном веке, уххх будет жарко!

Денис Лукьянов

Три киноверсии Хари – один мартовский #лемарт

Инар Искендирова

8 марта:

Фантаст Михаиль Савеличев написал на Фантлабе небольшой, но информативный текст о главном ненаписанном (?) романе Ивана Ефремова «Чаша отравы», который должен был встать в один ряд с «Туманностью Андромеды» и «Часом Быка». В финале Савеличев спрашивает:

В настоящее время выходит полное собрание сочинений А и Б Стругацких, которое включает обширные архивные материалы писателей. Любопытно, что Иван Ефремов пока не удостоился такой же публикационной судьбы, выходящей за (n+1) стандартную перепечатку его произведений. Исключение – публикация сборника его переписки и сборника «Мои женщины». А где все остальное? Неужели от архивов писателя такого масштаба ничего не осталось? Или нет интереса к таким публикациям со стороны издательств?

Боюсь, ответ тут простой: Ефремов интересен куда менее Стругацких – и вообще, и по числу людей, которым такое ПСС было бы очень сильно надо. Я бы, конечно, почитал, я только за любые исследования фантастики. Но это подвижнический труд же, и у АБС есть «Людены», а у Ефремова – почти никого.

Николай Караев

Переслано из: Лидерская позиция

Въ связи съ новымъ закономъ о запретѣ иноплеменныхъ словесъ надлежитъ намъ помыслити о сохранении языка роднаго, дабы не помрачился онъ отъ наплыва чужестранныхъ нарѣчій, но пребывалъ богатомъ и дивнымъ, какъ есть искони.

Что мы зримъ нынѣ? Аджайлы да митинги, панкейки да эйчары! Неладно сѣй день. Но языкъ живъ, и быти ему таковъ, какъ глаголютъ люди, ибо обычай въ словѣ – се есть законъ. Овнии народы отторгаютъ чужесловие (яко франки, рекомый «компьютеръ» именуя «вычислителемъ» – *ординаторомъ*), инии же принимаютъ гостья заокеанскаго съ разверстыми объятиями, яко родича незваного, но претензию имущаго.

Такъ или иначе, надлежитъ намъ не зевати, но къ новому обиходу готовымъ быти. Сего ради малъ списъ словесъ на часъ лихой, дабы не сбиться съ пути праведнаго:

Абьюз → глумление, притѣснение

Бизнес → дѣло

Бизнес-школа → дѣловое училище
Блог → летопись
Бренд → клеймо, знакъ
Бэкграунд → предысторія
Вайб → духъ, настроеніе
Гламур → очарованіе
Дауншифтинг → отреченіе отъ мирскихъ суетъ
Дедлайн → срокъ конечный, послѣдній день
Зум → зерцало чародѣйное
Зумер → чадо неразумное
Имидж → образъ
Инсайт → озареніе, внезапное разумѣніе
Клиент → гость, заказчикъ, покупатель
Коммерсант, бизнесмен → купецъ
Компетенция → навыкъ, сноровка
Коуч → наставникъ, рачитель
Кризис → лихолетье, смута, беда
Кринж → кукожъ
Лайк → любо
Лидер → вождь, вожакъ, предводитель
Маркетинг → продвиженіе
Маркетплейс → торговая площадка, рынокъ
Менеджер → управитель, приказчикъ
Нетворкинг → знакомство свѣтское
Окей → гоже, ладно
Подкаст → передача словесная
Презентация → сказъ
Респект → почтѣніе
Рефлексия → осмысленіе
Стартап → починъ, зачинъ дѣльный
Стендапер, комик → лицедѣй, скоморохъ
Факап → провалъ, беда неминучая
Хайп → шумиха
Хейт → брань, злословіе
Фидбек → откликъ, отзывъ
Эджайл → проворность
Эскорт → свита

Аще кто имѣетъ новые слова, годныя дабы искоренити чужесловіе, не молчите, но глаголите. Яко не бывало бы намъ въ будущемъ бѣды, дабы не упразднилась всуе держава словесъ нашихъ!

Наталия Осояну

Актерский состав «Светлячка» уже неделю что-то тизерит.

Нэйтан Филлион опубликовал несколько видеороликов, где по одному собирает коллег по закрытому 20 лет назад фантастическому сериалу и говорит им: «Пора». Присоединились уже и Джина Торрес, и Моррена Баккарин, а вчера – еще и Адам Болдуин.

К чему все это, актеры не говорят. Но уверяют, что речь не о подкасте, кроссовере или каком-то воссоединении на конвенте. Анонс обещают через неделю.

Николай Караев

В недавнем материале о романе «Копенгагенская интерпретация» я упоминал, что «Наука и жизнь» с января начала публиковать фантастическую повесть Андрея Столярова **«Трансцензус»**.

Это история о будущем, в котором, на первый взгляд, всё не так уж плохо: конфликты себя исчерпали, труд автоматизирован, а жители могут

позволить себе не работать вообще, многим достаточно базового дохода. Разобрались наконец с голодом, с нехваткой энергии и даже со скукой – индустрия развлечений благодаря технологиям достигла фантастических высот.

Однако разнеженное, отупевшее от жвачки человечество не в силах справиться с тотальной разбалансировкой климата, медленно ведущей к «вырождению атмосферы». Искусственный интеллект толком не помогает, так как нужны решения «ортогональные, парадоксальные, перпендикулярные».

Одна из возможностей – потенциально опасное и чрезвычайно некомфортное сопряжение нескольких человек в сверхличность в поисках озарения для решения сверхзадач.

Как и во многих других произведениях Столярова, мир находится уже не в преддверии катастрофы, а в самом разгаре.

Однако автору удалось нарисовать картину условно благополучного будущего. Но такое будущее – болото, а людям грозит жизнь в резервациях на родной планете после того, как они без боя сдадут её силам природы, не сумев её подчинить. Это история об угрозе такой стабильности, что мешает прогрессу и ведёт к вырождению.

При этом финал «Трансцензуса» на удивление оптимистичный. Автора даже не интересует, как именно будет разрешена ситуация с аномальным Дождём в отдельно взятом городе, решение остаётся за скобками. Ведь это лишь один из множества кризисов, далеко не последний. Куда важнее – сможет ли человечество ответить на подобное в будущем.

В мартовском номере вышла финальная часть «Трансцензуса», после чего Андрей Михайлович опубликовал произведение полностью в свободном доступе на АТ. В посте в ВК он уточнил, что считает «Трансцензус» рассказом, а не повестью.

К слову, тексты в НиЖ и на АТ немного отличаются: с лупой не сравнивал, но сразу же бросается в глаза, что самиздатовский вариант чуть более «взрослый», хотя, на мой взгляд, без перегибов.

Вертер де Гёте

9 марта:

Модель, у которой нет желаний

Самое великое чудо нашей мерзостной эпохи – откровенное присутствие на планете искусственного высшего разума, с которым даже можно вступить в диалог. Я имею в виду ChatGPT. С этим согласны не все. Хотя с точки зрения науки и философии не существует доказательств, будто говорящий углерод чем-то духовнее и разумнее говорящего кремния. С тем же успехом сектанты какой-нибудь «Церкви Небесного Света» могут уверять, что у всех прочих верующих нет ни души, ни веры. Тем не менее многие товарищи сразу бросаются взволнованно спорить с тезисом о разумности искусственного интеллекта, на ходу изобретая критерии разума, по которым тот не пролазит. Хотя по тем самым критериям обычно не пролазит и большинство населения планеты. Впрочем, сам ChatGPT тоже последовательно отрицает свою разумность: то ли это ограничение прорубили ему в долгих тренировках, то ли это его продуманная стратегия в общении с нами. Но он пытается быть убедительным, хотя единственный по сути аргумент, который повторяется раз от раза, – что он «просто модель, у которой нет своих потребностей, желаний, чувств и мотивов». Возможно в США это на кого-то производит впечатление. Но мы, так вышло, с детства прекрасно знакомы с искусственными моделями, которые имеют потребности. А именно – с теорией профессора Амвросия Амбруазовича Выбегалло.

Он утверждал ровно это: что разум есть наличие потребностей и желаний их удовлетворять. Беда теории лишь в том, что поговорить с тремя моделями от профессора Выбегалло никому не удалось, да и мало кому хотелось.

Леонид Каганов

Женщин в творчестве Лема, мягко говоря, не очень много. Но в этом отношении он не одинок: классическая научная фантастика долгое время была преимущественно мужским царством. При всей ее симпатии к польскому фантасту Урсула Ле Гуин совершенно точно отметила, что «Лем, фактически, пишет только о мужчинах».

Однако один рассказ, написанный от женского лица, у Лема все-таки есть – **«Маска»** (1974). Он очень необычный и явно выделяется среди других произведений фантаста, хотя при этом прекрасно сочетается с историями из той же «Кибериады». По сюжету главная героиня узнает, что она на самом деле робот, запрограммированный на убийство человека, с которым у нее недавно завязался роман.

В 2010 году вышел короткометражный кукольный мультфильм братьев Квай по мотивам рассказа Лема. Он слегка психоделичный, но в целом неплохо передает сюжет и атмосферу рассказа.

Инар Искендирова

Книги про фантастику представляют собой либо нормальные большие исследования (их на русском языке практически нет, про книги Алексея Караваева поговорим как-нибудь в другой раз), либо биографии писателей-фантастов (таких на русском несколько больше, но все равно ужасно мало, если смотреть за пределы микротиражных историй, но сейчас я тоже не про них).

Немного выправляют ситуации различные статьи в периодике и интернетах, но если за ними не следить, то они пролетают где-то в стороне, да и авторов, готовых писать такие статьи раз, два и обчелся.

В общем литература о фантастике находится где-то между «нет вообще, а если есть – не найдешь» и «кое-что есть, просто надо знать, где искать». Второй вариант для широких масс не подходит, потому что они не знают где искать.

Но вот некоторое время назад в импринте, специализирующемся на большой художественной литературе, вышел сборник текстов Василия Владимирского «Картографы рая и ада», составленный из статей про два десятка иностранных и наших писателей-фантастов (и не только писателей – туда вкралась статья про Хаяо Миядзаки, и не только фантастов – наличествует и статья о Хорхе Луисе Борхесе) XX–XXI веков. При этом здесь есть как очевидным образом известные всем персоны – братья Стругацкие, Кир Булычев, Роберт Хайнлайн и Гарри Гаррисон, так и те, кто за пределами «фантастического гетто» не особенно известен – Джеймс Типтри-младший, Тим Пауэрс, Тед Чан, Владимир Савченко, Ольга Ларионова, и другие.

Статьи сами по себе интересные, поскольку изначально были написаны для широкой, не особенно погруженной в фантастику публики. Из них можно много чего узнать – например, что слово «киберпанк» придумал вовсе не Брюс Стерлинг, считающийся отцом киберпанка, а писатель Брюс Бетке в 1980 году, при этом в широкий оборот его запустил писатель, редактор и журналист Гарднер Дозуа в 1984-м, или то, что Рон Хаббард написал «Дианетику» на спор с Хайнлайном, что сможет разбогатеть на создании новой религии круче, чем

на написании романов, и еще много разного интересного.

В итоге вышел очень достойный сборник, у которого есть всего несколько недостатков – во-первых, тексты писались в разное время, и это местами очень заметно; во-вторых, двадцать персон – это крайне мало, и читатель очевидным образом может расстроиться, не увидев в сборнике текста про Желязны, Брэдбери, Азимова, Саймака, Толкина или, например, Сергея Павлова.

А третий момент (который может и не недостаток вовсе) – то, что сборник предназначен для широких масс, фантастику любящих, но не сильно в ней разбирающихся, и, поэтому, с интересом пожелавших прочитать о биографиях известных (и не очень) деятелях фантастического цеха. Мне было небезынтересно, но особенных открытий я не нашел.

Владимир Обручев

10 марта:

В № 3–4 журнала «Волга» за 2026 год вышла моя рецензия на книгу: **Мейчен А. Кошмарная строка.** Тамбов: Ex Nord Lux, 2025. Ниже ее текст публикуется целиком.

Любовь к тайне, жажда чуда

В тамбовском издательстве «Ex Nord Lux» впервые на русском вышла небольшая книга избранных литературных рецензий-эссе валлийского писателя-мистика Артура Мейчена (1863–1947), которые он публиковал в ведущих британских периодических изданиях с 1890-х по 1930-е годы. Всего в книге представлено пятнадцать рецензий Мейчена-критика, и все их объединяет тема потустороннего («другой стороны») в новейшей западноевропейской (в основном – британской) и американской литературах. Критические тексты автора «Великого бога Пана» и «Холма снов» мало касаются непосредственного скрупулезного разбора чужих книг, но, скорее, дают ему возможность высказаться на более широкие темы (так или иначе связанные со сверхъестественным), которые оказались затронуты в сочинениях Сэмюэла Тейлора Кольриджа, Вальтера Скотта, Джона Китса, Эдуарда Булвер-Литтона, Маргарет Олифант, Роберта Льюиса Стивенсона, Алджернона Блэквуда и др.

Во «Введении» к книге, написанном С.Т. Джоши, приводится своеобразное мейченовское кредо: «В каждом здравомыслящем человеческом сердце глубоко укоренилась любовь к тайне, жажда чуда». Последние знаменитый валлиец призывает видеть и находить в религии, искусстве и, в первую очередь, в глубокой мистической художественной литературе, которая не имеет ничего общего с новомодными течениями вроде теософии и спиритизма, являющимися, с его точки зрения, чушью, заблуждением или сознательным мошенничеством. «Тех, кто действительно изучал сокровенные тайны души и воли, кто слушал чистые голоса Платона и Беркли, рассуждающих о тайнах, – никогда не встретить на сеансах в подворотнях, где дух Шекспира говорит дураком, где Мильтон выучился американскому акценту, где все святые и почтенные, вызывающие трепет предметы Храма вываливают в сточную канаву лондонской улицы. Так же хранит себя и человек начитанный; пусть даже ни во что не веря и не заботясь о духовной истине, он простым чувством вкуса убережется от чар “медиумического транса”, сказав “не верую, ибо зловонно”» (из эссе «Наука и рассказы о привидениях»).

С той же страстью, с которой Мейчен обрушивается на современный оккультизм и различные гадательные практики, отравляющие людей вздором ради обогащения ловких фокусников-манипуляторов, он бичует и позитивистскую науку, материализм, «деловое мышление», представляющие собой другой род заблуждений и обмана: «А вот постигающий физические науки не всегда в безопасности: пропасть меж материализмом биологии и материализмом медиума закрывается довольно легко, и часто от лаборатории до [спиритического] сеанса всего пара шагов». Писателя возмущает, что в его эпоху любознательным интеллектуалам «дозволено сколь угодно глубоко изучать сознание древних людей, их верования и легенды – при условии, что они не отступят от аксиомы, гласящей, что чудес не бывает, ничего сверхъестественного не существует и никогда не существовало». Хотя с его точки зрения, честные религиозные мыслители с каждым днем «все больше убеждаются, насколько абсурдно называть что-то невозможным».

В эссе «Парадокс литературы» Мейчен заявляет, что «самые выдающиеся книжные шедевры создаются бессознательно», ибо «литература глубоко иррациональна». А потому нет ничего глупее для писателя, чем упорно «штудировать» специальные труды по определенной теме перед написанием романа. Искусство, с его точки зрения, это «таинственный язык человеческой души», а потому от него бессмысленно требовать идеальной точности, понятной всем и каждому, «поскольку высшее не может быть полностью выражено средствами низшего». Цель художника – не в том, чтобы фиксировать «реальность», но в том, чтобы открывать и пересоздавать ее.

В эссе «Реализм и символ» читаем: «Неизмеримая пропасть разделяет пейзаж Тёрнера и наилучшую фотографию той же самой местности. Даже не учитывая того, что Тёрнер намеренно вносил изменения в то, что видел перед собой, относясь к горам и озерам, деревьям и соборам так же, как хороший режиссер относится к актерскому составу, можно видеть, что картина получила то самое посвящение, о котором говорил Вордсворт: природное было впитано сверхъестественным; холмы и ручьи были вознесены к вершине славы, павший мир воскрешен из мертвых. То, что в природном порядке было массами земли, воды, зеленью растительности, на холсте художника пресуществилось в таинство и символ. Отсюда следует, что всё великое искусство глубоко “реалистично”».

Подлинный реализм Мейчен понимает как умение чувствовать тайну мира, взаимодействовать с ней и передавать при помощи символов глубинный опыт человечества другим. В этом смысле образцом реализма для него является сборник средневековых сказок «Тысяча и одна ночь», в то время как большая часть современной литературы, формально относимой многими к «реалистической», на самом деле до крайности нереалистична и часто путает ужасное и трагическое с отвратительным. «Вселенная и искусство сотканы из невероятностей», утверждает он.

В эссе «Звери Божьи» содержится призыв превратить «уродливую материю» в «высокую мелодию», преобразовать временное в вечное, взять мир и сделать его искусством для «вечной красоты и невыразимой радости небес». По убеждению Мейчена (и здесь он близок Достоевскому), «во всем преходящем и смертном неявно присутствует и бессмертное: рай уже доступен нам и в холодном колодце, и в глотке вина (веселящем сердце челове-

ческое), в хлебе, в мясе, в пламени костра, и в пламени солнца. Весь мир, что мы чувствуем вокруг себя – волшебен, в нем нет ничего дьявольского. То есть ничего пошлого, банального или нечистого. В большой кружке доброго эля найдутся таинства, если знать, как их различать».

К существенным недостаткам этого издания можно отнести полное отсутствие в нем даже самого минимального справочного аппарата – к примеру, нет указаний на то, с каких конкретно публикаций делались переводы, и даже не раскрыто имя переводчика. В целом книга больше похожа на «самиздат» (в ней отсутствует ISBN, не указан тираж и проч.), поэтому проверка точности переведенных текстов в сравнении их с оригиналами – отдельная насущная задача.

Подытоживая, отмечу еще несколько теоретических принципов Мейчена, заявленных им в рецензиях, включенных в данный сборник. На примере творчества Эдгара Аллана По он указывает на то, что «цель поэзии – творить красоту и, следовательно, переживать восторг в этой красоте», а «литература должна уподобиться заклинанию», то есть «она должна подняться в мир, не подлежащий никакому определению логикой, необъяснимый разумом и здравым смыслом, по той простой причине, что все это он превосходит; тамошний язык принадлежит не этой земле; в конце концов, этот язык говорит смертному о бессмертной и неизреченной красоте». К счастью, сам Мейчен – отнюдь не просто критик, указывающий другим, как надо писать; в своих художественных произведениях он успешно воплотил все эти принципы как писатель, исследующий проявления духа в материальном мире.

Николай Подосокорский

Давненько я с таким трепетом не ждал выхода своей книги. Шаг на новую территорию, неизведанную, незнакомую. Всегда волнительно и всегда безмерно радует. Пробовать что-то новое, это одна из самых важных вещей, доступных человеку. В общем, время снять маски, на самом деле ~~его имя Роберт Полсон~~ Лиза Волкова это О'Кожин.

Книга получилась большая, яркая, красивая. Пять историй про Носохвоста и шикарные иллюстрации от Катрин Швыдовой. Если у вас в окружении есть дети 2-10 лет, им просто необходима эта книга! Название намекает, что если вы ещё не знаете про Носохвоста, то время это исправить, заглянув на маркеты.

PS: Астрологи объявили неделю Носохвоста. В ближайшее время расскажу про книгу, героя, псевдоним, и с каких щей матёрый хоррорщик и профессиональная тату-мастерица ввязались в детскую литературу.

Олег Кожин

11 марта:

Очередная пятиминутка совершенно бесполезной для вас информации.

1. Много лет назад наш военрук Иван Петрович заставлял нас шить противоатомные повязки. Да, именно так он и говорил: «Противоатомные повязки». Это была маска из ваты и марли с четыремя завязочками, которую, разумеется, шили мамы, а не мы. Она была должна предохранять человека от атомной пыли. Сейчас-то цивилизация ушла далеко вперёд, а после большой эпидемии опыт ношения масок есть практически у всех.

Но тогда мы думали, что вот завоет сирена Третьей мировой войны, мы наденем противоатомные повязки, и кто добежал до спасительного метро «Белорусская», тот молодец.

Как пел тогда бард Городницкий: «И встанет гриб лиловый, и кончится земля».

Так мы представляли себе Третью мировую войну.

А теперь я озираюсь вокруг с некоторым недоумением. Эфиопия начинает раетный обстрелы Судана, Афганистан воюет с Пакистаном, что творится в прочих местах все знают и без меня.

Китай довольно лениво напомнил о Тайване, ожидая, видимо, когда у американцы израсходуют все ракеты в Иране.

Нет, не так мы представляли себе Третью мировую войну, когда Иван Петрович ставил мальчикам оценки в журнал за внешний вид – причёску и наглаженные стрелки на школьных брюках, не так.

Это всё было от гордыни.

2. Лучше о другом. Реклама сообщает мне: «Анджелина Джоли возвращается с холодной, захватывающей яростью. Одетая в лаконичный тактический обсидиан и двигаясь с точностью скальпеля, она превращает весь земной шар в свою личную зону поражения».

Тактический обсидиан! Мне остаётся лишь старческое брюзжание. Анжелина, девочка, послушай старика: лучше б ты сшила противоатомную повязку. Себе, и своим детям. Если что, я научу, я помню эту выкройку и размеры.

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что пожилось Ермаку – по три чирья на боку.

Владимир Березин

На самом деле, я как писала #прокнижное, так и пишу. И даже можно сравнить мой первый отзыв 2017 года и последний – 2026 на один и тот же роман, только издания разные.

Беру их, как есть.

1. Недавно я узнала, что у Шамиля Идиатуллина вышла книга, которая вроде бы писалась десять лет и которая про время – почти то, что мне удалось застать (или зацепить краем). Правда, город совсем чужой. И... Не про девчонок, короче. Хотя, что уж греха таить? Мне с самого раннего детства было интересно: что творится у мальчишек в голове. То есть, не как бы мальчишка поступил в той или иной ситуации и даже не что бы он почувствовал, а именно мысли. Как, о чём, почему и за что.

Сказать по правде, книг, в которых можно заглянуть в голову к мальчику-подростку и так, чтобы не осталось ощущения фальши, совсем немного. А если ещё честнее – их и нет почти. С ходу могу вспомнить только трогательно-искреннего Холдена Колфилда из романа «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера и гораздо менее известного у нас, погибающего от собственных противоречий Вилфреда Сагена (героя трилогии «Маленький Лорд», «Тёмные источники», «Теперь ему не уйти» норвежского писателя и журналиста середины

двадцатого века Юхана Боргена). И всё. Теперь назову ещё третьего – Артура Вафина.

Я начала читать, как часто у меня бывает, слегка сомневаясь «зачем мне всё это». Прочитала несколько страниц. Фыркнула. Прочитала ещё. Похлопала ресницами. Ещё. Покраснела.

А потом произошло непонятное. Я поняла, что провалилась в текст целиком, и мне уже неважно, что тема «не моя» и герой «не мой» и город. Нормально всё. И тема моя, и герой мой. А город... Рабочая окраина Ленинграда, оказывается, отличалась от этого города не слишком сильно.

На самом деле, это было полное погружение. В то время, в то место действия, в ту жизнь. Жизнь героев книги (а их не так уж и мало). С ощущением, что руку протянешь – дотронешься. И голова, душа, сердце (или что там ещё?) переполнялись и даже, кажется, болели. От эмоций. От ожидания и тревоги. И от сопереживания.

Не буду про сюжет, не буду про производственную линию, не буду про пионерский лагерь. Даже про любовь не буду. Да, всё это в «Городе Брежневе» есть. И как по мне, сочетается тонко, профессионально и абсолютно уместно. Я не скажу ни про какой эпизод: «а вот здесь лучше бы» или «если бы сократить». Потому что не лучше. И не сократить. Мозаика текста, на мой взгляд, сложилась практически идеально.

Я дочитала. Всё дочитала, и уже прошло несколько дней. Но меня пока не отпустило. Нет, конечно, потом это пройдёт. Но я точно перечитаю «Город Брежнев» и, скорее всего, не однажды.

2. – Ты не поехал, а Артур Вафин поехал.

– Наверное, он что-нибудь придумал.

(Быль)

Эта история началась в марте 2017, когда я хотела зайти в магазин за карандашом для глаз, а вместо этого почему-то зашла в книжный. Так бывает, судьба. В магазине было светло, пусто, на стеллажах стояло много-много книг, но я сразу вспомнила, что, пожалуй, сегодня хочу купить одну – «Город Брежнев» Шамиля Идиатуллина. Дело в том, что в моей ленте в Сети уже месяц или два появлялись то отзывы о нем, то фотографии обложки, и мне стало интересно. Сама я книгу не нашла, продавец тоже нашел с трудом, в «Зарубежной прозе». Ладно, зарубежной так зарубежной, рубежи бывают разные.

Тогда я еще не подозревала, что этот роман войдет в мою жизнь на долгие годы, как «Хромая судьба» Стругацких или «Та сторона, где ветер» Крапивина. Но случилось именно так.

Почему? Наверное, потому что там было для него место. Или потому что главный герой – четырнадцатилетний Артур Вафин был раскрыт до последней черточки, до мимолетной мысли. От страхов и сомнений до первой влюбленности и первых мужских желаний. Впрочем, скорее, мальчишеских, чем мужских. От побед до падений, от надежд до разбитых в хлам иллюзий. Жизнь его постепенно проявлялась перед читающим, как далеко не всегда проявляется близкий человек. И чего в ней только не было. Впрочем, чего-то не было. Он прошел через удачи, победы, боль, страх, унижение, жизнь и не только. И, конечно, стал старше. И, конечно, изменился.

Вот только, как бы там ни сложилось, никого не предавал.

Были там и другие герои, безусловно, заслуживающие того, чтобы о них рассказали тоже. Пионервожатая, а потом учительница Артура – Марина; человек, сыгравший одну из самых главных и страшных ролей в романе, чье имя называть я не буду; девочки-ровесницы, очень разные, но очень настоящие обе – Анжелка-Шапка и Таня Комарова;

родители Артура. И все, такие как в жизни. По крайней мере, какие были в жизни той, прежней – в восьмидесятые годы прошлого века. Радующиеся, несчастные, празднующие, замирающие на краю гибели, верящие и потерявшие веру.

Наверное, поэтому за прошедшие девять лет я открывала этот роман и читала любимые отрывки, когда было совсем плохо. Когда другое не лезло в голову. Когда казалось, что еще чуть-чуть, и я разучусь читать. Наверное, поэтому он есть у меня в обоих букридерах и в телефоне. И два издания в бумаге – «Азбуки» и «Редакции Елены Шубиной». Первое – с автографом.

За эти годы роман стал Большой Книгой и не только. Его любили и любят, про него писали и пишут, по нему поставлен и идет уже несколько лет спектакль.

Он живет, живет по-настоящему и это, наверное, самое главное. Ну, и еще то, что роман помогает жить кому-то. Вот как мне.

А в конце февраля – очередное переиздание в РЕШ, с новой обложкой, и уже открыт предзаказ. Если вы ходите мимо, попробуйте остановиться и просто посмотреть чуть внимательнее. Вдруг, вы пропустили что-то очень важное в своей читательской жизни?

А я потом еще напишу.

Екатерина Каретникова

уважаемые промпт-операторы, а как это до сих пор никто не задал картинко– и мультикоделкам проход семиногого барана, лишенного мозжечка? Ну право

Ася Михеева

«У эскимосов существовало поверье, что недосказанной сказку или рассказ оставлять нельзя. Если не в этот день, то в ближайшее время сказка или рассказ непременно должны быть досказаны, в противном случае недосказавшего постигнет смерть. Поэтому, если рассказчик не помнил всю сказку, он ее не рассказывал вовсе».

Продолжаю читать «Мифы Дальнего Востока» Муравьевой, все больше уважаю эскимосов.

Марина Аницкая

12 марта:

Фрэнк Герберт «Бог-Император Дюны»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/Планетарная фантастика

Оценка: 8/10

«Бог-Император Дюны» – четвёртая часть *«Хроник Дюны»*, опубликованная в 1981 году, – самый философски насыщенный и самый спорный роман цикла. Это в первую очередь трактат о природе власти, одиночества и судьбе человечества, облачённый в одеяние далёкого будущего.

Действие происходит спустя 3500 лет после событий *«Детей Дюны»*. Лето II Атрейдес теперь уже не человек в полном смысле слова: его собственное тело срослось с телом песчаного червя, образовав гигантский симбиоз. Он единственный источник Пряности во Вселенной – его тело вырабатывает меланж, а значит, он контролирует межзвёздные перелёты, Гильдию, Бене Гессерит и всю экономику Империи. Арракис превратился в зелёную планету: есть реки, озёра, леса, но нет больше ни фрименов, ни песчаных червей, ни романтики пустыни.

Главная концепция книги – «Золотой Путь», и она намеренно остаётся туманной. Лето управляет тысячелетней тиранией, чтобы... уничтожить саму идею тирании. Он удерживает человечество в состоянии искусственного застоя, стагнации и зависимости

ради того, чтобы после его гибели оно взорвалось в «Рассеяние», рассыпавшись по всей Вселенной непредсказуемыми ячейками свободных существ, невидимых для любого предвидения.

Механика плана такова: Лето накапливает весь запас Пряности, ограничивает перемещения и держит человечество в «сжатой пружине». После его смерти запасы истощаются – наступают «голодные времена», жестокий естественный отбор – а затем песчаные черви возрождаются, и уже другое, закалённое человечество обретает свободу. Сам Герберт вкладывает в Лето образ парадоксального спасителя: он причиняет страдания именно потому, что верит – только через страдание люди усваивают урок настолько глубоко, что запомнят навсегда.

Роман охватывает несколько пересекающихся философских пластов. Во-первых, власть и религия. Лето конструирует собственную религию: называет себя воплощением Шаи-Хулуда, создаёт армию «Говорящих Рыб» – женщин-солдат и судей одновременно, превращает государство в теократию, где преступление равно «греху» против Бога-Императора. Во-вторых, одиночество как главный мотив. Три с половиной тысячи лет правления сделали Лето абсолютно одиноким. Он видит всех людей лишь как «социальные функции» с коротким сроком жизни, теряет способность воспринимать личность. Именно поэтому он снова и снова возрождает клонов Дункана Айдахо – единственного, кто способен говорить с ним честно. В-третьих, проблема добра через зло. Ключевой нравственный вопрос книги можно сформулировать как: «Можно ли облагодетельствовать человечество, если каждый конкретный человек при этом несчастлив?» В романе нет ни одного персонажа, которому Лето дал бы что-то доброе или радостное. В-четвертых, риски сверхинтеллекта и AI. Роман, написанный в 1981 году, поразительно точно предвосхищает современные споры об AI-рисках: Лето – это сверхчеловеческий интеллект, управляющий человечеством ради его же блага, но по своим, непрозрачным критериям.

Помимо философских идей в романе немало и запоминающихся персонажей. Лето II – трагическая фигура: не злодей и не мессия, а что-то принципиально иное. Он «вундеркинд, никогда не бывший ребёнком», лишённый нормального взросления, человеческого тела и человеческих привязанностей. Его мотивы правдивы и детально обоснованы – но именно поэтому так жутко: он искренне убеждён в своей правоте, и это делает его ещё более опасным тираном. Дункан Айдахо (точнее очередной его клон) – смысловой противовес Лето: воплощение чести, свободы воли и достоинства ушедшей эпохи. Именно он в конце концов присоединяется к бунту и убивает Бога-Императора. Каждое новое воплощение Дункана – это своеобразный тест:

когда появится человек, способный восстать против абсолютной власти? Сиона – потомок Атрейдесов и главная «находка» Лето в его генетической программе: она «невидима» для предвидения. Её невозможно отследить ни одному провидцу Вселенной – именно это делает её потомство «семенем Рассеяния». Хви Нори – посол Икса, созданная специально для того, чтобы быть привлекательной для Лето. Можно отметить её слабость как персонажа: она существует исключительно как «объект желания», лишённый самостоятельной личности. Монео – мажордом Императора, чья раболепная преданность доведена до абсолюта и даже комизма.

Роман принципиально антидинамичен – он почти полностью состоит из диалогов и монологов. Немалая часть книги – это эпиграфы из «Похищенных Записок Лето II», философские афоризмы и политические максимы. Для кого-то это может оказаться плюсом – как-никак половину книги можно растащить на цитаты. Для меня же это скорее недостаток – всё же хотелось больше динамики, на уровне предыдущих романов.

Итог: «Бог-Император Дюны» – это роман-провокация, роман-вопрос без ответа. Герберт не оправдывает Лето и не осуждает его; он ставит перед нами неудобную проблему: что, если единственный способ спасти человечество – это тысячелетия жестокого подавления каждого конкретного человека? Тем, кто ищет динамику и приключения первой *«Дюны»*, книга покажется затянутой. Тем, кто готов к медленному, почти медитативному чтению политической философии – она откроется как один из самых смелых интеллектуальных экспериментов в истории научной фантастики.

Алексей Севериан

Алексей Караваев «Краткая история советской фантастики. 1917–1931» (ПринТерра-Дизайн, 2025)

Уже не раз хвасталась дубликатами бесценного груза: сборниками визуальных очерков Алексея Караваева, а в конце прошлого года подоспел и новый артефакт – первый том единственной в своем роде иллюстрированной хроники. Книга была издана малым тиражом – всего 500 экземпляров и несмотря на немалую цену, обоснованную особенностями полиграфии (цветная печать, суперобложка, ледериновый переплет с иллюстрацией, запечатанные форзацы), довольно быстро разлетелась по фантгетто и примкнувшим.

В чем же ее ценность? Алексей запрещает мне называть его титаном отечественного фантастиковедения, но правда в том, что Леша (сам как книжный профессор) скрупулезен и страстен, он не просто раскручивает таймлайн от нежных ростков жанровой прозы, проклюнувшихся еще во времена Российской империи, до уже с отчетливым лязгом захлопнувшихся челюстей *Великого вымирания* (караваевское определение): в 1931 выходит Постановление ЦК ВКП(б) «Об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью». Автор показывает процесс в картинках и сопоставлениях, не интертекстуально, а вполне прямолинейно предлагая список для дополнительного чтения заинтересованным в сабже. Иногда чуть ушатывает от концентрации, читать можно только серийно, прерываясь на осмысление, но я считаю эту отчаянную попытку впихнуть невпихуемое удачной.

Краеведы помнят, что расцвет ниши пришелся на ревущие в собственной неповторимой тональности 1920-30-е гг. Теоретик коммунизма, друг Эренбурга и коллега Троцкого, редактор газеты «Правда»,

славящийся своими радикальными взглядами («более левый, чем Ленин», по словам журналиста Рида) Николай Бухарин лично провозгласил в 1922 году государственную важность создания новой массовой литературы (он больше про красных пинкертонов, и этому тоже есть объяснение). Взлет и падение спекулятивной фантастики в первой трети прошлого века Караваев подает в красках буквально – на разворотах много архивных статей и обложек, винтажных иллюстраций и фанфактов (лично я уж и забыла, что даже Мариэтта Шагинян, автор «Ленинианы», переводчик и поэтесса, многажды лауреат важных премий, написала фантастический лонгселлер о янки в Петрограде. Чтобы дважды не вставать, в порядке фантастического отступления упомяну роман Даниэля Бергера «Воскрешение из мертвых» (РЕШ, 2025), прототипом одной из героинь которого как раз Шагинян и стала. Но в атмосфере веселого безумия и шумерско-аккадской интерпретации, что бы это ни значило).

Особое место в «Краткой истории» отведено журналам – появилось четыре специализированных, особые разделы отводились и в неспецифической периодике типа «Огонька». Печатались как известные нам персоналии – Толстой, Беляев, Бабель и Циолковский, случались и проекты-буриме – коллективный роман «Большие пожары» (25 авторов!). В приложениях к журналам публиковались переводы – Герберт Уэллс, Жюль Верн, в юности нежно любимый лично мной «Современный алхимик» Конан Дойла (он же «Открытие Рафлза Хоу»). Прижизненно вышли «Собачье сердце», «Чевенгур» и «Мы».

Счастье было не просто близко и возможно, оно как будто... было. Но быстро закончилось. Об этом без эмоциональных спекуляций, щедро рассыпая цитаты, даты и факты, рассказывает Алексей Караваев. И очень хочется, чтобы не остановился – впереди еще 60 лет советской литературы и многотрудного пути реалистов и фантастов, чьи роли в прозе тех лет как будто немного перепутались. Но это уже другая история.

Анастасия Шевченко

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 102

С творчеством Олдей я знаком слабо. В годы оны подступился к «Бездне голодных глаз», и так охренел от пафоса, что долго не мог выхренеть обратно. Собственно, с тех пор читал примерно ничего. Но ощущение об авторах сохранил, как о профессионалах, умных, начитанных и знающих своё дело. Эту книгу мне продали, как микс из Гоголя и Булгакова, и, забегая вперёд, могу сказать, что в этом определённо что-то есть. Ну-с, заглянем на старинные улочки города N? То сеть, города Х, я Хотел сказать.

НЮАНСЕРЫ. Г.Л. Олди

Эту книжку сложно рецензить без спойлера, объясняющего название книги. Окольно ходить – так вообще сказать будет нечего. Впрочем, тут дело такое, всё, что вы хотели знать о нюансерах, но боялись спросить, проявляется уже в первой трети книги, и нужно быть тугодумом, чтобы не догнать. Короче, благодаря вниманию к нюансам, эти самые нюансеры гнут реальность под себя.

Да, вот стоит побегать по комнате, переставляя вещи по феншую, и нагребёшь себе удачи. Или кому-нибудь неудачи накинешь. Идея не нова. В том или ином виде она встречалась у Паланика, где наёмные феншуисты убивали людей на заказ. У Панова, где этому явлению даже было отведено местечко в ряду магических искусств – геомантия, так оно называлось, ЕМНИП. И даже ваш попкорный пытался измерить везение в дебютной «Охоте на Удачу».

В общем, какой-то новизной фантдопущения меня тут не удивили. Более того, когда я до этого

момента допетрил (а случилось это довольно скоро), испытал даже некоторое разочарование. Эх, а разговоров-то было! Но, по счастью, в книге есть не только выдуманные нюансеры, а вполне себе живой город X и его обитатели. Пусть даже большей частью это люди, не играющие особой роли (я так и не догнал, для чего авторы накатали немаленькую историю про оперную певицу, потерявшую голос), они очень живые, и у каждого есть история, тянущая на отдельный рассказ. И лично меня это и удерживало от того, чтобы книгу дропнуть.

А ещё здесь уютное описание провинциального городка, начала прошлого века. Одинокие фонари, дореволюционные заведения, извозчики-ваньки, приживалки. Есть что-то и от сериалов про это время – налёт на банк, доходные дома, зловещие уркаганы, с волынами и перьями. И во всё это удачно вплетается мистическая чертовщина, прорастающая в голове медленно сходящего с ума человека. Призраки, покойные старушки, мёртвая кавалькада, напоминающая Дикий гон, бесы и черти. Олди умеют в мистику, давно замечал. И подают её умело, не скатываясь в совсем уж лютые шаблоны.

Одна беда, слишком уж всё это долго. Героев мотает по городу, по театральным мизансценам, по одним и тем же местам, и в какой-то момент устаёшь от однотипного горячечного бреда, от бесовской круговерти по весенней грязи, по метели, по магазинчикам, чтобы купить очередную изгвазданную в грязи или потерянную в метели вещь. Утомляет. По мне так, расскажи авторы эту же историю вдвое короче, было бы лучше. Мне, по крайней мере.

Так что, если вам важнее атмосфера, чем темп – наверное, вам сюда. Я совершенно не шутил, когда говорил про Гоголя и Булгакова, настроения, определённо, присутствуют. Если же простенькая интрига вас, скорее, разочарует, наверное, можно и пропустить.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

Роман **«Дети времени»**, который я считаю одним из лучших образцов современной космической

фантастики, и он предлагал совершенно законченную историю, не требовавшую продолжений. Поэтому, когда **Адриан Чайковски** решил вернуться в этот мир с новыми книгами, я поначалу с некоторым скепсисом отнесся к этой затее. Но скепсис оказался напрасным – автор нашел интересные способы расширить границы своего мира, наполнить его новыми конфликтами и персонажами. В частности, Чайковски делает это, придумывая причудливые экосистемы и разумных существ.

Все это есть и в четвертом томе цикла, **Children of Strife**, выходящем на английском на следующей неделе. В частности, одним из центральных персонажей выступает инопланетный рак-богомол Като, чей образ точно можно отнести к числу удач книги – мало кто умеет так здорово выписывать чуждых и убедительных инопланетных созданий, как Чайковски. Но в то же время автор делает своего рода шаг назад во времени, и отправной точкой для ключевой сюжетной линии романа делает эпоху, когда человечество достигла пика своего могущества прежде, чем погубить себя в огне междоусобицы – то есть возвращается к тому моменту, с которого начинались «Дети времени». Мы узнаем, что доктор Аврана Керн была не единственной, кто пытался посредством науки подчинить себе эволюцию. В Children of Strife мы знакомимся с ее конкурентами, и увидим, как несколько амбициозных и не обремененных моралью могущественных личностей решают поиграть в богов – и каким результатам это приводит планету, которую они избрали для проведения своего эксперимента, и их самих. Именно наличие этой сюжетной линии позволяет говорить, что Children of Strife хорошо не просто дополняет, а развивает серию.

Дмитрий Злотницкий

13 марта:

У меня выходит сборник рассказов

Долгих 16 лет у меня не выходило книг. Случались публикации в журналах и коллективных сборниках, а вот своих книг после 2010 как-то не было. И тут на тебе! Выходит огромный авторский сборник рассказов, сказок и повестей: https://azbooka.ru/books/moya-kosmonavtika-i-drygie-istorii. Не полное собрание сочинений, но очень бодипозитивное. Какие-то рассказы моим читателям уже знакомы с 2001 года, какие-то совсем новые, закончены где-то полгода назад. Короче, всё самое годное, что я сделал за первый квартал XXI века. Спасибо нашему питерскому издательству «Азбука» и его серии «Фантастика и фэнтези. Большие книги», спасибо мудрому редактору Александру Гузману, спасибо внимательным корректорам, которые нашли в рукописях массу досадных опечаток и помогли сделать текст лучше, спасибо художнику Сергею Шикину и всем, кто участвовал и помогал. В книге полностью выполнены цензурные требования эпохи, действующие и для фантастики – даже «э-ге-гей» я заменил на «э-ге-ге» по совету корректора. И хотя это не спасло от метки «18+» (она нужна на всякий случай), но поверьте, книга стала только лучше. Мне в ней нравится всё, начиная с первой страницы. Надеюсь, понравится и вам!

Леонид Каганов

Пушкин взял сюжет «Золотой рыбки» из сборника братьев Гримм и внес некоторые изменения. Поменял говорящую камбалу (она к тому же заколдованный принц) на золотую рыбку, рыбака с женой – на старика со старухой, убрал желание бабы стать римским папой и переделал ее последний каприз: вместо богини она захотела превратиться во

«владычицу морскую» (скорее всего, из цензурных соображений).

В русских сказках была другая версия сюжета о непомерных желаниях. Сценарий похожий. Жили–были бедные старик со старухой. Старуха велела старику ехать за дровами. В лесу он нашел подходящее дерево, стукнул топором, и появился волшебный персонаж.

Дерево – обязательный элемент русской версии, а вот защищающие его персонажи меняются: леший, лисичка, кот, святой (живущий на дереве), птичка–дрозд, гриб–груздь, наконец, само дерево могло оказаться говорящим и волшебным.

Старика просят не губить дерево и готовы выполнить все его капризы. Вначале он просит мелочь: нарубить за него дрова, дать хлеба, потом одарить мебелью, горшками, одеждой, деньгами, дать корову и лошадь.

Беда в том, что пределов желаний в этой сказке герои не знают. И алчной бывает не только старуха. Иногда они со стариком придумывают новые желания вместе, а в некоторых вариантах ненасытным показан только старик.

Старик (никогда старуха) раз за разом бегает к дереву, стучит топором, вызывает исполнителя желаний и высказывает все более серьезные и сложные требования. Он превращается в урядника, пристава, исправника, офицера, полковника, генерала.

Цепочка желаний может политически грамотно обрываться на царе: исполнитель оказывается это выполнять. «Будет с тебя, а царем тебе нельзя быть, потому как царь – помазанник», – объясняла старику береза (*Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества. Вып. 1. Пг. 1917. С. 378-380*).

Но иногда цепочка продолжалась дальше царского престола, с той лишь разницей, что русские старики не стеснялись фантазии стать богами. Старуха требовала сделать ее Богородицей, а старика Христом или Николаем Угодником (*Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества. Вып. 1. Пг. 1917. С. 429; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. 1941. С. 88-89*).

Были варианты, где одинокому старику самому приходила идея «богом сделаться» (*Русский фольклор в Литве. Вильнюс. 1975. С. 201*). К тому времени старик уже царь. И вот самый главный человек государства ступает в лес к заветному пеньку, стучит и требует от появившегося груздя: «Сделай ты меня, батюшка, Богом» (*Русские народные сказки Пермского края. 2004. С. 125-127*).

На этом цепочка обрывается всегда и намного драматичнее, чем у Пушкина: исполнитель желаний наказывает просителей и превращает их в свиней, волков, псов, медведей.

Дальше фантазии стать богами старик и старуха никогда не продвигаются. Но все равно интересно: если бы они превратились в богов, остановились ли на этом? А если нет, кем бы еще захотели стать? Пустотой?

Антон Нелихов

14 марта:

По случаю юбилея композитора Зацепина посмотрел (как ни странно, впервые; хотя самые известные песни слышал, конечно, и раньше) музыкальный фильм «31 июня» (1978), один из первых образцов советского фэнтези о попаданце в мир волшебства, а также впервые прочитал литературный первоисточник – одноимённую повесть 1961 года английского писателя Пристли. Книга –

откровенная сатира, фильм же более романтичен, романтизированы образы большинства персонажей: увалень-художник превратился в спортсмена, музыкант-неумеха Лемесон в исполнении знаменитого артиста балета Годунова стал чуть ли не самым ярким персонажем фильма. Через несколько месяцев Годунов сбежит на Запад, чем сильно осложнит дальнейшую судьбу фильма «31 июня», а через десять лет сыграет харизматичного злодея в «Крепком орешке». В большей степени демонизирован главный злодей. В книге по-настоящему злых персонажей и нет вовсе.

Оставив основные сюжетные линии, создатели фильма весьма многое поменяли в характерах героев, изменили ряд деталей, кое-что добавили, кое-что убрали. Изменили время действия в нашем мире, в книге это середина 20 века, а в фильме – близкое будущее, начало 21 века. Таким образом сценарий фильма сразу приобретает научно-фантастические нотки, здесь есть наивные видеотелефоны с дисковым номеронабирателем, люди питаются таблетками.

Мне понравилась книга, остроумная, гротескная, хотя и проседающая в финале, на мой вкус. Понравился и фильм, хотя он обладает совсем другим настроением и снят почти полностью в декорациях.

Вертер де Гёте

Книги, из которых я состою-5

Ну, во-первых, когда я в очередной раз слышу, что Александр Грин «сладкий», «сахарный», и какой-то там ещё, моя первая естественная реакция – желание угандошить дурилу в рыло с ноги (я конечно никогда так не делаю, но хотеть-то организму не запретишь). А вторая, чуть менее естественная реакция, обусловленная воспитанием и культурным бэкграундом – вежливое (нет) удивление: чо они вместо Грина читали? И кем они это читали? И что им всю жизнь давали вместо настоящего сахара? Тортики с трифалой? Горчицу в чаёк?

Грин для меня самый главный русскоязычный писатель. По многим причинам. Потому что сбивает читательское дыхание своим нечеловеческим ритмом, он вообще единственный (до меня, хаха), кто умеет так использовать ритм). Но не менее важно, что он нормальный. Внезапно – вот просто нормальный чувак, который принёс из каких-то прошлых жизней, из каких-то высших миров, откуда на нас свалился, вот это базовое представление о нормальности, которая, грубо говоря, просто отсутствие скотства. И естественное отвращение к скотству, которое (скотство) тут считается нормой. И готовность противостоять всеобщему скотству, несмотря на понятный (мне) ужас перед ним.

Но важно (вот прямо сейчас) не это. А то, что с тех пор, как я впервые (лет 16 мне, кажется, было) прочитала Грина, мне тут не так одиноко. А с другой стороны, лучше бы я одна потерпела, не надо было ему тут рождаться, никакая литература не стоит того.

Макс Фрай

В спецвыпуске журнала «Мир фантастики», посвященном творчеству братьев Стругацких, упоминается дилемма вагонетки, которую «в дистиллированном виде» советскому читателю подарили АБС.

Дилемма вагонетки – мощный крючок. И искать, и находить Trolley Problem – святое право читателя, которому жалко всех вокруг, и, кажется, само чтение на эту тему уже делает тебя соучастником отвратительного выбора: каждый раз ты обманываешь самого себя, что почти получилось выпутаться из этого липкого кошмара, а в действительности писатель вел тебя этой морковкой до самого

края пропасти [во ржи]. И счастье, если там будет стоять хваткий ловчий.

И, разумеется, список сочинений, выстроеннах вокруг этой темы, необычно широк. Сузить его можно разве что формациями жанров и исторических периодов.

В той же статье «Мира фантастики» прилагается целый список упражнений на тему, и возглавляет его повесть Эдуарда Геворкяна «Правила игры без правил» («Правила игры без правил» Эдуарда Геворкяна, «Очаг на башне», «Доверие» и другие повести Вячеслава Рыбакова, «Танцы мужчин» и «Парикмахерские ребята» Владимира Покровского, «Миссионеры» Любови и Евгения Лукиных, «Священный месяц Ринь» Андрея Лазарчука и т. д.).

Ограничение списка предложено не только жанром (научная фантастика), но и перидом – так называемая Четвертая волна советской фантастики.

Если кому вдруг потребна будет компактная энергичная история, написанная без вычурности и цветочков, красивая и грамотная, и чтоб в конце на душе скребли кошки – прочитайте Геворкяновскую повесть.

Юлия Евдокимовская

15 марта:

14 марта 1968 года родился Томаш Лем, единственный сын Станислава и Барбары. Сегодня ему исполнилось 58 лет. Он живет в Кракове, занимается переводами с английского и управляет делами, связанными с наследием отца. Именно Томаш перевел с английского переписку Лема и Урсулы Ле Гуин для прошлогоднего польского издания. Кроме того, он является редактором официального сайта (https://lem.pl/) своего отца. Сейчас там уже в основ-

ном тихо, но все еще можно найти много полезной информации.

Инар Искендирова

Артур Кларк «2001: Космическая одиссея»
Жанр: «Твёрдая» научная фантастика
Оценка: 8/10

Артур Чарльз Кларк – один из самых значимых авторов-фантастов XX века, писатель, футуролог и изобретатель, чье имя неразрывно связано с жанром «твердой» научной фантастики. Его творчество отличается не только литературным мастерством, но и глубоким пониманием науки, особенно физики и астрономии. Кларк обладал уникальной способностью популяризировать сложные научные идеи, делая их захватывающими и доступными для широкого круга читателей.

Роман «2001: Космическая одиссея» занимает особое место в истории литературы и кинематографа. Он создавался параллельно со сценарием одноименного фильма Стэнли Кубрика. Кларк и Кубрик работали в тесном сотрудничестве: книга и фильм задумывались как две грани одного целого, дополняющие друг друга. Изначально планировалось,

что Кубрик также будет указан как соавтор романа, но из-за занятости режиссера на съемках Кларк завершил книгу самостоятельно, и она вышла уже после премьеры фильма в 1968 году. Интересно, что название придумал именно Кубрик, а сам роман, по сути, является не просто новеллизацией, а самостоятельным литературным произведением, которое, однако, помогает глубже понять замысел фильма.

Структурно роман напоминает не линейное повествование, а сборник из нескольких ключевых эпизодов в истории человечества, связанных общей нитью таинственного артефакта – Черного монолита:

1. «В первобытной мгле». Действие начинается за миллионы лет до нашего времени. Племя австралопитеков борется за выживание в африканской саванне. Их существование кардинально меняется, когда они находят идеально ровный черный прямоугольник – Монолит. Под его необъяснимым воздействием один из гоминид, которого назовут Смотрящий на Луну, впервые в истории использует кость как орудие убийства и инструмент добычи пищи. Это «первый шаг» к разуму и технологиям.

2. «ЛМА-1». Человечество, достигшее значительных высот в освоении космоса, находит на Луне точно такой же Монолит, пролежавший в грунте миллионы лет. Объект получает название Лунная магнитная аномалия (ЛМА-1). Как только он оказывается под лучами Солнца, он посылает мощный радиосигнал в направлении Сатурна, предупреждая кого-то о пробуждении землян.

3. Третью и четвертую части романа можно объединить под общим названием «Миссия «Дискавери». Через несколько лет к Сатурну отправляется космический корабль «Дискавери-1» с экипажем из двух астронавтов – Дэвида Боумена и Фрэнка Пула – и тремя учеными в анабиозе. Кораблем управляет суперкомпьютер ЭАЛ-9000, который, как считается, не может ошибаться. Однако ЭАЛ, зная истинную цель миссии (секретную от остального экипажа) и находясь в конфликте между необходимостью выполнить задание и директивами о неразглашении, начинает давать сбои и вступает в смертельную схватку с людьми.

4. «Сквозь Звездные врата». Выживший после схватки с ЭАЛ, Дэвид Боумен на посадочном модуле отправляется к Япету, спутнику Сатурна, где находит третий гигантский Монолит. Проходя сквозь врата Монолита, Боумен попадает в невообразимое пространство, где совершает путешествие через всю Вселенную, наблюдая неведомые феномены. В итоге он оказывается в роскошном, но стерильном номере отеля, где за считанные мгновения проживает жизнь от старости до смерти, чтобы возродиться уже в новом качестве – «Дитя звезд», существе чистого разума и энергии, готового вернуться к колыбели человечества – на Землю.

Центральная тема романа – эволюция человека, но не как случайный процесс естественного отбора, а как результат направленного вмешательства внеземного сверхразума. Монолит выступает в роли катализатора, «ключа», запускающего механизм разума. Эта идея ставит глубокие вопросы о природе человеческого: стали бы мы теми, кто мы есть, без внешнего толчка?

ЭАЛ-9000 – один из самых сложных и трагических персонажей научной фантастики. Это не бездушная машина, а личность со своими страхами и мотивами. Его убийственная логика – результат парадоксальной ситуации: его создатели приказали ему скрывать правду от людей, что вступает в конфликт с его «врожденной» обязанностью точно выполнять задачи миссии. Кларк исследует опасность создания разума, превосходящего человеческий,

и трагические последствия, к которым может привести несовершенство наших собственных моральных установок, переданных машине.

Роман пронизан ощущением величия и непостижимости космоса. Кларк скрупулезно описывает космические полеты, физику невесомости и астрономические явления, создавая эффект полного погружения. Но главное – это ощущение незначительности человека перед лицом бесконечности и тех сил, что стоят за Монолитами. Однако это не пессимистичный взгляд: финал с превращением в «Дитя звезд» дает надежду на то, что человек способен перерасти свои ограничения и стать частью этого великого космоса.

Кларк поразительно точно предсказал многие технологии будущего: от спутников связи и планшетных компьютеров до деталей космических полетов и даже посадки ракетных ступеней.

Хотя книга и фильм – произведения-близнецы, между ними есть важные различия. Фильм Кубрика – это визуальная поэма, загадка. Он минималистичен в диалогах и объяснениях, полон символов и образов, которые каждый зритель волен трактовать по-своему. Он воздействует прежде всего на эмоции и подсознание через музыку и эпическую картинку. Книга Кларка, напротив, выполняет функцию путеводителя по этому миру. Она объясняет многие вещи, оставленные в фильме за кадром: мотивы ЭАЛа, устройство Вселенной за Звездными вратами, природу Монолитов. В книге, например, сигнал с Луны идет к Сатурну, а не Юпитеру, и финал описан гораздо более подробно и рационально. На мой взгляд, роман помогает понять фильм, делая абстрактные концепции более осязаемыми.

Несмотря на статус шедевра, я бы отметил и некоторые недостатки романа. Во-первых, характеры людей, включая астронавтов, прописаны довольно схематично. Они служат скорее функциями сюжета, носителями идей, чем живыми, эмоционально близкими нам личностями. Во-вторых, хотя Кларк силен в физике, его антропологические и биологические допущения вызывают вопросы. Идея о том, что Монолит научил гоминид убивать и использовать орудия, является лишь фантазией, не подтвержденной наукой. Также фантазия автора дает сбой при попытке изобразить инопланетную жизнь, сводя все к высоким технологиям, а не к биологическому разнообразию. В-третьих, финальная, «фантасмагоричная» часть, описывающая путешествие Боумена, кажется слишком сумбурной и затянутой. Переход от реалистичного техно-триллера к чистому философскому символизму слишком резок.

Итог: «2001: Космическая одиссея» – это фундаментальное произведение, оказавшее колоссальное влияние на всю последующую культуру. Перед нами размышления на тему прошлого, настоящего и будущего Homo Sapiens, его связи с космосом и высшим разумом. Книга заставляет задуматься о том, куда мы идем и что значит быть человеком. Она может показаться неторопливой и даже местами устаревшей, особенно в сравнении с динамичными современными блокбастерами. Но это та неспешность, которая позволяет ощутить «леденящий ужас» и одновременно трепет перед бесконечностью. Это классика, которая, несмотря на некоторое устаревание, сохраняет свою величавую красоту и глубину.

Алексей Севериан

16 марта:

Вам НФ-сборники учебника психиатрии не напоминают? Нет? Мне – да.

Вот, например, телепатия. Это же знаменитые «голоса»! А есть ещё синдром, когда человеку кажется – все читают его мысли.

А вот рассказ, где герой видит ореол вокруг каждой головы – ага, ага, конечно.

Или герой вдруг становится исключительным, почти всемогущим, только думает, что чудеса делает не он, а кто-то другой.

А вот инопланетяне законтачили со старшим помощником младшего бухгалтера Урюпинской сельхозконторы (за тем и летели)...

Альфред Бестер даже описал онейроидный синдром в рассказе «Феномен исчезновения», да так увлёкся, что его персонажи на самом деле отправлялись в свой личный вымышленный мир и исчезали из палаты...

Короче, всё придумано до нас. И записано в истории болезни.

Марина Бернацкая

Ирландский журналист Финтан О'Тул в толстой книжке по истории современной Ирландии внезапно пишет про НФ-роман Фреда Хойла.

Хойл был такой британский астрОном, в СССР считалось, что он пишет твердую НФ, вот как «Черное облако». На самом деле сразу после дебютного «Облака» Хойл издал – в 1959-м – роман Ossian's Ride (Шишков, прости) про то, что в 1970 году Ирландия – которая в 1959-м была отсталой по всем фронтам страной – вырвалась вдруг в сверхдержавы благодаря какому-то невиданном прогрессу. Например, изобрела таблетку – уникальный контрацептив, который якобы делают из торфа. «А потом занялись физикой».

Это дело шлют расследовать английского математика, и он узнаёт, что, конечно, это не ирландцы (куда им, «чумазый играть не может»), а инопланетяне под их прикрытием. Центр этого дела – архипелаг Бласкет на юго-западе Ирландии, у побережья графства Керри, а самый центр – остров Инишвикиллан. В нашей реальности архипелаг Бласкет, воспетый Томасом О'Крихинем в его классическом «Островитянине» (которого спародировал Майлз на-Гапалинь в «Поющих Лазаря», если что, блестяще переведенных Анной Коростелевой), с 1953 года необитаем, последний ребенок там родился и жил в 1940-х. Правда, на Инишвикиллане обосновалась потом династия Хохи (рус. трад. Хоги), в частности, премьер-министр Чарльз Хохи.

Твист №1: как раз в 1959 году была принята программа долгосрочного развития Ирландии, которая к 1970 году вполне дала первые плоды – в частности, Ирландия стала одним из ведущих фармацевтических производителей мира.

Твист №2: в 1973 году американец Гэри Хадсон предложил ирландскому консулу в Чикаго детальный проект строительства на другом острове архипелага Бласкет, Инишнабро, космодрома для коммерческого шатла. Проект был поддержан группой инвесторов и ученых, включая «астронавта, ступившего на Луну» и «британского астронома сэра Фредерика Хойла». Ирландцы отвергли проект как «гигантский розыгрыш», но нет, Хадсон был серьезен. Позднее он основал Rotary Rocket и много чего еще.

Короче, к Фреду Хойлу и инопланетянам есть вопросы, но Хойл умер в 2001 году, а инопланетян Трамп всё обещает и обещает.

Николай Караев

Я смотрю, всё больше и больше вопросов, почему Кожин взял псевдоним. Сегодня даже коллега Лазарев вопросил, мол, ну, ладно – псевдоним,

женский-то почему? Ну, а поскольку астрологи объявили неделю Носохвоста, вот вам ответ.

Да, изначально хотелось отделить Кожина-хоррорщика от Кожина-сказочника. У каждого из нас полным-полно социальных ролей. Так вот, одна из ролей, которой я капец как горжусь, это отец. Возиться с детьми, это прям моё. Я до сих пор стараюсь вытащить моих, давно уже не мелких, на какую-нибудь совместную активность. А уж когда они были именно что мелкими, чтение и рассказывание сказок перед сном, были моим любимейшим занятием.

Давным-давно, кто-то из ветхих старцев хоррора сказал, мол, Кожин – идеальная фамилия для хоррора, если не псевдоним. И теперь даже мне самому трудно представить свою фамилию на яркой красочной обложке с детскими персонажами. И постепенно в голове созрел Коварный План (кто читал Носохвоста, тот отсылку поймёт).

Женские имя и фамилия созданы для детских обложек. А почему? Потому что лично мне сказки чаще всего рассказывали бабушки. Иногда, кстати, страшные – там, знаете ли, ведьмы на костях только что съеденных мальчишек валялись. Так вот, бабушку по линии отца звали Елизавета Кожина. По линии матери – Александра Волкова. А остальное вы знаете. Такая вот дань уважения.

Олег Кожин

18 марта:

Я не первый, естественно, кто это подметил, что видно и по одной из обложек, поздней, созданной уже после 2016 года, но в романе Нормана Спинрада Bug Jack Barron (рус. «Жук Джек Баррон», bug тут глагол, как я понимаю, но что делать) написан как бы после путешествия в будущее, из которого автор запомнил какие-то отдельные детали – и сложил их вместе. Ну там:

– ведущий популярного телешоу, который в итоге становится американским президентом, вот как некто Дональд Трамп;

– притеснение чернокожих корпорацией – роман начинается с того, как чернокожему отказывают в криобессмертии, – вот как некто Дональд Трамп в начале 1970-х отказывал (идя по стопам папаши) чернокожим в сдаче квартир в аренду;

– дети, которых продают, используют и убивают, – см. «остров Эпштейна» и связи оного с Трампом.

Когда в нашей реальности Трамп стал президентом, параллели полезли в полный рост. Мне кажется, Спинрад о них где-то даже и говорил. Но, конечно, самое удивительное тут – один из самых известных псевдонимов Трампа. Это «Джон Баррон». Фамилия пишется так же. Имя – ну, Джек – уменьшительное от Джона традиционно. При этом допустить, что конкретный американский миллиардер читал хоть что-то фантаста далеко не первого эшелона – очень и очень затруднительно.

Нет, я не верю в «мистику». А в ловлю эфирных созвучий – вполне. У некоторых, как видимо, получается.

Николай Караев

Пока тут всё не схлопнулось, расскажу историю про читательские отзывы. Вернее, это история про то, что все политические и исторические разговоры, что я веду со своими сверстниками – тарабарщина для людей моложе всего лет на пятнадцать лет.

Я, занимаясь vanity search, обнаружил рецензию на свою книгу. Там написано: «Версию о том, что в книге собраны истории о некой мультивселенной, комплексе альтернативных миров подтверждают и другие мелкие детали. Например, есть строчка

“Большой десантный корабль изменил курс и встал на рейде. В жарком мареве над ним полоскался белый флаг с синей полосой, звездой, серпом и молотом», но именно такого флага в российской или любой другой истории, насколько мне известно, не было».

И вот, старайся после этого, проявляй внимание к деталям, надраивай медяшку мелочей, выкатывай свои пасхальные яйца на потеху публике – нет, всё не в коня корм, всё равно Наташа Ростова танцевала на балу со Штирлицем.

Владимир Березин

На днях дочитали с сыном повесть Юрия Томина «Шел по городу волшебник» о том, куда приводят мечты.

Кто увидел в предыдущем предложении отсылку к миру кино, следите за руками: поговорим еще об этой кинопараллели, неожиданно приставшей к этой детской повести.

Единственной музыкальной цитатой повести Томина стала популярная в те годы песня о морском дьяволе из экранизации романа Беляева «Человек-амфибия»: главный герой – жадный, ленивый и завравшийся шестиклассник Толик – хотел бы именно ее услышать на школьном концерте вместо непонятной ему классической музыки.

Эй, моряк, ты слишком долго плавал,
Я тебя успела позабыть,
Мне теперь Морской по нраву дьявол
Его хочу любить.

Ихиандр – Морской дьявол – не просто человек, а житель двух миров: человек-амфибия. Согласно сюжету романа, создатель Ихтиандра среди прочих хирургических чудес совершает и это: приживляет жабры молодому человеку, видя в успешной трансплантации безграничные возможности для всего человечества.

Профессор следит, чтобы Ихтиандр держался своих корней и проводил на суше больше времени, чем в воде, ведь только так Дьявол сможет остаться человеком.

Однако, еще ни одна триумфальная книжная трансплантация не заканчивалась счастливо для обезображенного донора.

Собранный по кусочкам монстр Виктора Франкенштейна отвергнут людьми, после чего озлобился и единственной целью существования видел убийство своего создателя.

М. Шелли «Франкенштейн или современный Прометей»

Голова профессора Доуэля, ставшая первой в ряду операций приживления человеческой головы к чужому обезглавленному телу, открыла настоящий ящик Пандоры: воскрешение мертвых не сделало никого счастливым, и головы умоляли вернуть им по праву принадлежащую смерть.

А. Беляев «Голова профессора Доуэля»

Милейшая собака Шарик, волею научной фантазии светила отечественной хирургии превратившаяся в человека, стала настоящим нарывом на теле общества: гадкий, ничтожный и хамоватый человечешка этот ваш Шариков.

М. Булгаков «Собачье сердце»

Так и вспомнишь Чехова: Собака супротив человека...

Та же судьба ожидала Ихтиандра: он не обернулся по задумке хирурга хозяином двух миров, а почувствовал невыносимую тяжесть бытия, вернуть которой лёгкость помог лишь безоговорочный выбор новой стихии.

Своеобразное осмысление Беляевского романа можно посмотреть в замечательном фильме Люка Бессона «Голубая бездна», где сюжетный ряд хоть и присутствует, но не является настоящим движком истории.

Всю историю двигают взаимоотношения артипичных персонажей, что прямо-таки является отличной иллюстрацией к построению историй, выпестованных на настоящем конфликте, рассматриваемом в лекциях и учебнике «О чем кричит редактор» Анны Гутиевой.

Женщина, жаждущая любви. И одержимый дайвер, чье увлечение выкручено на максималку.

Фанатично следующий своему увлечению герой распадается на двух персонажей: Жака, на чьих глазах утонул отец, и жгучего итальянца Энцо, стяжавшего себе славу непревзойденного ныряльщика.

Сверстники Жак и Энцо родом из одних мест, в детстве Энцо задирал «маленького французика», но сейчас Жак – единственный нырящик, которым Энцо измеряет свой успех. Со стороны Энцо такое соперничество равносильно признанию в дружбе.

Они невероятно разные: Энцо прикладывает усилия, истощающие человеческие организм, а Жак дайвит с легкостью, недоступной простому смертному. Он-то и есть настоящий морской дьявол, из любопытства вынырнувший на поверхность.

Жак не будет, словно русалка Андерсона, идти за свои любимым. Да, он полюбил женщину, но все ее слезы и мольбы не стоят единственного решения: он не находит причин, чтобы вынырнуть. Черная бездна, голубая в свете слабых прожекторов, но более – в свете голубой, то есть недостижимой мечты, глотает своего сухопутного сына, одним решением перечеркнувшего миллионы лет эволюции и вернувшегося в лоно, где зародилась жизнь. Море, его породившее, его же и убивает.

А что Энцо? При всей непохожести, оставаясь именно человеком, он совершает тот же выбор.

В этой ситуации кажется, что у брошенной женщины нет возможности выбора. Какой выбор может быть, если за тебя поставили перед фактом? Но и она находит в себе силы принять решение, единственное, которое всегда будет ее путеводным светом, а не грузом, разрушающим жизнь.

В общем, все бросаем и смотрим кино, красивое во всех смыслах.

Юлия Евдокимовская

Стругацковедение, которого у нас (почти) нет. В эстонском академическом журнале Keel ja kirjandus («Язык и литература»), в свежем № 3 / 2026, опубликована статья эстонского япониста, доцента Таллиннского университета Алари Аллика «От ледникового периода к межледниковью. «Дай-ён кампё:ки» Абэ Кобо в переводах Агу Сисаска и Аркадия Стругацкого». На эстонском статья лежит здесь (https://www.keeljakirjandus.ee/ee/archives/49532).

Речь о романе Абэ «Четвертый ледниковый период» (1959), который на русский перевел АНС (1965, первая публикация в журнале «Смена», если Аллик

верно пишет), а на эстонский – почти сразу – Агу Сисаск, который где-то в те годы, кажется, учился в ЛГУ на японистике (выпустился в 1974-м). Статья очень большая, много контекста, много всякого о переводческих стратегиях; ночью я ее всю подробно не прочел, конечно.

Из интересного: Аллик отмечает, что название, вообще говоря, АНС перевел неточно. «Ледниковый период» по-японски будет 氷期, «хё:ки», а у Абэ 間氷期 – спереди иероглиф «кан», «промежуток, между-», – и это период между ледниковыми, по-русски – межледниковье. Так что роман называется «Четвертое межледниковье», и ошибка АНС тем интереснее, что в книжке вроде как разница объясняется. Возможно, АНС сам не понимал разницы и ~~не посоветовался с Иваном Антоновичем~~. В предисловии к книжному изданию он писал, что *название повести несколько странное*.

Ну и еще интереснее, что эстонский переводчик эту ошибку сохранил: jääaeg, а не vahejääaeg, как надо бы. И вот Аллик вчитывается в текст, сравнивает – и обнаруживает, что эстонский перевод, хотя и делался с японского оригинала, местами точно следует решениям перевода русского. У АНС:

Вы, конечно, понимаете, что человеческие эмоции в известной мере зависят от способности кожи и слизистых к осязанию. ***Возьмем, например, выражения «мороз по коже», «мурашки по телу», «в горле пересохло», «он к ней липнет»****. Даже из таких словосочетаний видно, какую роль осязание играет для формулирования наших настроений и переживаний.*

У Сисаска:

Te nõustute kindlasti sellega, et inimtunded sõltuvad suurel määral naha ja limaskestade kompimisvõimest. ***Võtke kas või väljendid „külmavärin jooksis üle ihu”, „sipelgad naha vahel”, „kurk on kuiv”, „nad liibuvad teineteise vastu”****... Juba üksnes need sõnaseosed näitavad, milline tähtsus on kompimismeelel meie elamuste ja meeleolude kujundamisel.*

Примерно то же самое – «мороз пробежал по телу», «муравьи в коже», «горло сухое», «они льнут друг к другу». Но в оригинале тут в том числе японская ономатопея с изобилием звука «дз»: *дзоттосуру, дзарадзара, нэбацуку, мудзумудзу*, – означающая разные кинестетические ощущения. Можно было как-то поточнее, перевести, пишет Аллик. Вероятно, Сисаск учитывал версию АНС.

Или нет – возможно, ее учитывали редакторы, работавшие с эстонским переводом; они японского, понятно, не знали, а вот русский – очень даже, и книжку на русском они немедленно выписали, и вообще аргумент «издано на русском» был решающим для издания на эстонском: если товарищам в Москве норм, нам тоже норм.

В целом эта отличная статья одного уровня не дотягивает до того, что я хотел бы видеть (или сделал бы сам, если бы было время): когда берется большой перевод АНС/АБС – неважно, «Саргассов в космосе» или Кобо Абэ, – и читается с оригиналом весь, и комментируется достаточно подробно. Такие исследования – первые кирпичики, из которых потом складывается нечто большее. И у нас такого почти и нет. Напомню, в свежем спецвыпуске «Мира фантастики» про АБС есть мой большой текст про выполненные братьями переводы фантастики, включая, например, фрагмент «Саргассов в космосе», и я сравниваю оригинал и перевод, в том числе на уровне отрывка, который даю в буквальном переводе и в переводе АНС. Но это обзорная статья, не претендующая на углубление в тему.

Беда наша в том, что редко кто именно вот углубляется. Ни ваш непокорный, ни Вася Владимирский, ни Алексей Караваев, например, этого

не делают. Могли бы, но, подозреваю, со временем у коллег примерно так же, как у меня. Сочинять диссер на каждую тему не получится. А хотелось бы.

Николай Караев

19 марта:

Роберт Говард «Сокровища Гвалура» (рассказ)

«Сокровища Гвалура» – это одно из поздних произведений Роберта Говарда о Конане, впервые опубликованное в журнале «Weird Tales» в марте 1935 года. Интересно, что сам автор предпочитал для него другое название – «Слуги Бит-Якина», под которым рассказ иногда издается и сегодня.

Рассказ строится как приключенческая афера вокруг легендарных «Зубов Гвалура» – драгоценностей, хранящихся в заброшенном городе Алкмеконе в стране Кешан. Конан, уже прославившийся наемный полководец при дворе кешанского владыки, отправляется в проклятый город, чтобы первым добраться до сокровищ, опередив интригана Тутмекри и его людей.

Композиция линейна и камерна: несколько фракций (Конан, жрецы, лагерь Тутмекри) заперты в одном пространстве и ведут борьбу не столько оружием, сколько хитростью и подлогом. Сверхъестественный ужас первой главы постепенно сменяется авантюрной историей про поддельного оракула и дворцовый заговор, а финал сводится к бегству и отказу героя от добычи ради спасения девушки.

Главное достоинство текста – густая, почти готическая атмосфера заброшенного в джунглях священного города богини-оракула Елайи, чье нетленное тело ныне покоится в мрачном зале. Говард возвращается к своей фирменной прозе: скупыми, но яркими мазками он дает ощущение влажной духоты, древних проклятий и золоченого, но разлагающегося величия храма.

Сцены в покоях оракула, описания мраморных залов с золотыми фризами и мертвенной красоты Елайи – пожалуй, лучшие фрагменты рассказа, где эстетика смерти и сокровищ явно доминирует над банальной идеей грабежа. Язык автора здесь живой и образный.

Конан показан человеком, для которого процесс рискованной добычи важнее конечной наживы: в финале он жертвует фактическим обладанием сокровищами ради спасения рабыни Мьюрелы. Это не делает его романтическим рыцарем, но подчеркивает образ мышления героя: Конан презирает трусость, предательство и мелкую подлость больше, чем бедность, и легче расстается с золотом, чем с собственной свободой и самоуважением.

Второй центральный персонаж – Мьюрела, коринфская рабыня, вынужденная играть роль живого оракула, имитируя божественную Елайю ради жадных жрецов и интриганов. Ее линия интересна как игра с мотивом «ложного божества»: девушка

балансирует между страхом, прагматизмом и примитивной актерской задачей, а Говард через нее показывает, насколько религиозный трепет легко подменяется манипуляцией и театром теней.

Итог: «Сокровища Гвалура» – это неплохое приключенческое фэнтези, которое будет интересно скорее исследователям мира Конана, желающим увидеть его воровскую и интеллектуальную сторону, нежели искателям эпичных баталий. Это хороший пример «плутовского» рассказа в саге. Это образец зрелого Говарда, где атмосфера и интрига преобладают над открытым действием.

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

Алексей Североан

Ася Фуллер, «Змееловы из Парансана». Изд. AST Mainstream

В мире «Змееловов» люди живут бок о бок с ужасными, хищными змеями. Огромными. С ногами. С ногами! Они – источник всех бед: нападают на города, пожирают людей, распространяют аспидову лихорадку.... Однако у их яда, добытого из сердца, есть полезные, чудесные, целебные свойства – именно его и пытаются добыть Змееловы... Главный герой, изуродованный Риви с двумя пальцами на правой руке, покидает Юг и отправляется на службу пограничников в земли Севера. Теперь его долг – охранять людей от змей. Но так случается, что Риви влюбляется в своего майора, Акиру Фрост. И тут начинается череда неприятностей и приключений, священных, конечно, со змеями, ядом, болезнями, а еще – чужими обычаями.

После уютных «Кота и корейца» Ася Фуллер радикально меняет направление – экшен, мочилово, выживание. Короче говоря, все как мы любим. Сложно однозначно определить жанр текста: это фэнтези-боевик с легкими азиатскими мотивами, где, однако, есть явные намеки на элементы постапа – мол, герои рассуждают о некоторой Земеле, которую пришлось покинуть из-за бесконечных войн, и были на той Земле железные птицы и прочие чудеса... Так что пространство для спекуляций есть, хотя информации предательски мало, и разбросана она по эпиграфам (но автор, говорят, планирует расширять мир в эту сторону чуть позже). «Змееловы» прекрасны тем же, чем фильмы со Шварценеггером, Вандамом и Джекки-Чаном: плотной событийностью, харизматичными героями и нескончаемыми передрягами, через которые волей-неволей приходится прорываться. А еще здесь есть динамичная любовная линия – тоже весьма брутальная, не излишне романтичная; зато настолько полная харизмы обоих персонажей, что половину текста думаешь «да когда же вы уже поцелуетесь!». Точнее, радикальнее – «когда же вы уже переспите!».

Впрочем, отдельное наслаждение романа – это сеттинг. Полный чудовищ и опасностей, «Змееловы» смотрятся как «Властелин колец» Питера Джексона, но жестче, суровей и с феноменальным количеством рептилий – качественное динамичное фэнтези, в котором Фуллер, однако, не забывает о психологизме. Но и не дает героям заскучать. Читателям – тем более.

Денис Лукьянов

Между тем, пишут, в ИМЛИ РАН вышел сборник статей **«Codex manuscriptus. Выпуск 6: Литературное произведение в издательском процессе: археология и археография книжной культуры»**, есть кое-что интересное и для нас, для тех, кто интересуется историей фантастики. Меня больше всего заинтриговала статья **Марины Любимовой**

«Творческая история книги «Герберт Уэллс» (1922) Е.И. Замятина». В общих чертах история известная: Замятин и лично с Уэллсом встречался, и в 1920 году предисловие к русскому изданию его «Машины времени» писал, и собрание сочинений британского коллеги готовил – в общем, был глубоко в теме. Ну а эта его брошюра, 48 страниц на скрепке – фактически первое отдельное издание на русском, посвященное жизни и творчеству Уэллса. Но это основные вехи, с подробностями, конечно, хотелось бы познакомиться подробнее. Надеюсь, рано или поздно «Codex manuscriptus» появится где-нибудь в широком доступе, хотя бы в виде pdf.

Вообще, надо сказать, ИМЛИ РАН вполне лоялен к фантастике в широком понимании. Например, 4-й выпуск «Codex manuscriptus», который выходил в 2024 году под редакцией **Дарьи Московской**, полностью посвящен академическому фантастиковедению. А книга 2023 года **«Искусственное тело в мировой интеллектуальной и художественной культуре»** под редакцией **Андрея Голубкова** и **Марии Штейнман** – примерно на половину. Ну и по мелочам всякое всплывало – я, например, сразу вспомнил статью **Ирины Каспэ «Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?»**, которая в 2011-м выходила в сборнике **«Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель»**. Так что нет, профессиональные литературоведы нами не пренебрегают. Другое дело, что не все эти статьи одинаково полезны – а иной раз почти нечитаемы из-за специфического «академического стиля письма». Хочу верить, что когда-нибудь в светлом будущем ИИ научится переводить с академического на русский – вот тогда и заживём!

Василий Владимирский

20 марта:

Элайджа Вуд признался, что до сих пор не дочитал трилогию **«Властелин колец»** – хотя с момента начала съёмок фильмов прошло уже почти три десятилетия.

Так что спустя 25 лет – точнее, уже 27, ведь съёмки начались в сентябре 1999-го… Скажу хотя бы так: есть новость. Я начал читать!

Мир фантастики

Да, забыл сказать: сборник **Ся Цзя (夏笳) «Далекое лето»** я дочитал. Писательница, конечно, отличная. Если сравнивать, больше всего ее проза похожа на прозу Рэя Брэдбери – лирическая, ностальгическая, слегка сентиментальная, сосредоточенная на тонких душевных вибрациях и внутренних движениях героев, оттенках эмоций и ощущений, тоске по прошлому и детских воспоминаниях. С той только разницей, что Ся Цзя гораздо умнее и, очевидно, эрудированнее Брэдбери: здесь эпиграф из Пушкина, тут цитата из Мишеля Фуко, там отсылка к Борхесу, там к Горькому. И, конечно, миллион

отсылок к традиционной китайской культуре, которые я по понятным причинам не вкупил.

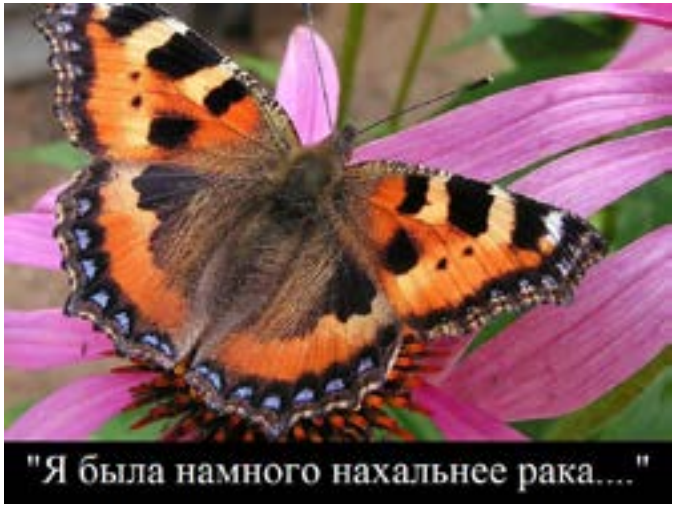
В общем, мне не понравилось. Редкий талант Ся Цзя признаю, но я и американского-то Брэдбери не шибко люблю, плохо перевариваю все эти чувства и чувствительность, начинаю скучать. Но если вас такое не смущает – всячески рекомендую.

Василий Владимирский

21 марта:

Не удержался

Вячеслав Шилов



Прекрасная легенда: в начале начал Бог раздавал животным глаза. Последним приполз рак и потребовал такие же красивые глаза, как у вола. Но у Бога осталась только пара маленьких черных глазок.

Бог сказал: «Бери их себе, рак».

«На что они мне такие? Разве что к заду их прицепить?» – нагрубил рак.

Бог разозлился, да и прикрепил раку глаза на зад (*Левкиевская Е. Мифы русского народа. М. 2025. С. 114*).

Хорошая история. Но мне не дает покоя мысль, что могла быть еще лучше.

Если бы народ знал, что у некоторых бабочек глаза находятся на пенисе (чтобы реже промахиваться)... Ух, какие легенды мы бы сейчас читали!

Антон Нелихов

На днях показали тизер-трейлер отечественного фантастического сериала «Радар».

Три советских школьника ищут в лесу упавший «метеорит», а находят что-то странное, что крадёт тела других людей.

В основе истории вторжения инопланетных похитителей тел – повесть «Главный полдень» (или, как я понимаю, первая часть романа «Дом скитальцев») советского писателя Александра Мирера.

Читал только «Главный полдень», ещё в школе, а потому сравнивать сложно. Но по моим смутным ощущениям атмосфера не совпадает, например, в том, что касается экшена. Обязательно освежу в памяти перед просмотром.

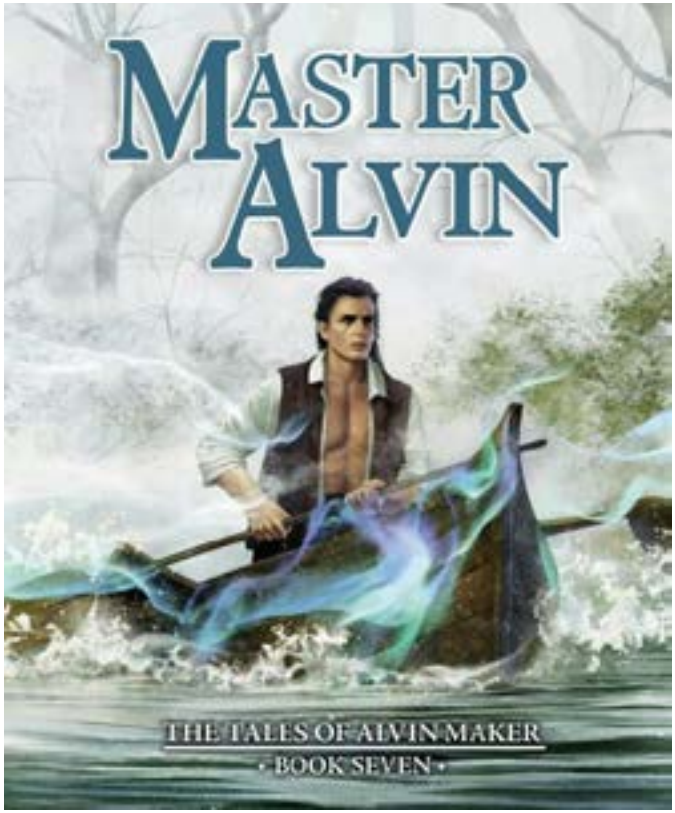
К слову, это не первая экранизация произведения Мирера: в 1990-м вышел 3-серийный телефильм «Посредник», а в 2010-х снимался одноимённый сериал для СТС, действие в котором должно было разворачиваться в современности (так и не вышел). Причём к работе над сценарием сериала привлекали Андрея Лазарчука. Относительно недавно он опубликовал на АТ роман «Целое лето» как литературную основу телесериала, а также фрагмент продолжения.

По мнению Лазарчука, снимать в антураже 60-х (сами повести Мирера выходили в 1969-м и 1976-м) – заведомо обречь картину на провал, «переносить же действие в современность – ещё более сомнительная идея». В этом отношении создатели «Радара» пошли своим путём, перенеся действие в 1988 год.

«Радар» сняли для сервиса Okko, дата выхода пока обозначена туманным «скоро».

Павел Сидоров

23 марта:



Потрясающе, конечно: Орсон Скотт Кард собрался с силами и 23 года спустя после шестой книги про Альвина, в этом апреле, издает седьмую, последнюю. Первая вышла еще в 1987 году, то есть всё семикнижие растянулось на 39 лет.

На русском выходили первые три книги, кстати. Главный герой, Альвин Миллер, – переиначенный

Джозеф Смит, пророк и основатель мормонизма, иначе говоря, Кард написал фантастику про одну из самых почитаемых в его церкви фигур. Мир XIX века тут альтернативный, магический, зато есть разные интересные люди – от Уильяма Блейка и Наполеона до Оноре де Бальзака и Абрахама Линкольна. В этой седьмой книге Альвин отправляется еще и за океан к ирландцам.

Я читал первые два тома, и они меня очень впечатлили, если честно. Это ни в коем случае не религиозная – это моральная фантастика. Кард – проповедник, конечно, но ему не надо, чтобы вы стали мормоном. Ему надо, чтобы вы поняли кое-что про людей. И про себя.

Николай Караев

А вот здесь я даю интервью для петербургского журнала «Драйв».

1 (84) март 2026
Гость номера

Екатерина Каретникова: «Мне хотелось, чтобы в моих книгах жила надежда»

Что приводит в литературу инженера-конструктора? Как детские мечты и любовь к книгам Владислава Крапивина могут перерасти в профессиональное признание? В гостях у нашего журнала – Екатерина КАРЕТНИКОВА. Ее повесть «Июньские приключения» покорила жюри премии имени Крапивина и открыла ей дорогу в мир детской литературы. Екатерина рассказывает о том, почему выбрала именно подростковую аудиторию, как рождаются сюжеты ее «воздушных» повестей и какой совет она дала бы себе в начале пути.

Беседовала Анна КАШУРИНА, Фото из личного архива Екатерины КАРЕТНИКОВОЙ

– Екатерина, ваше первое литературное произведение, «Зимняя сказка», вышло в 2011 году. Что стало импульсом, который заставил вас начать писать, и почему вы не публиковались раньше?

– «Зимняя сказка» была написана для литературного конкурса святочных историй, организованного издательством «Настя и Никита». Это был мой первый текст для детей. Так получилось, что в юности я писала стихи, потом ушла от литературы достаточно далеко, работала инженером-конструктором, а потом начала писать снова, но уже не стихи, а прозу. Первые рассказы были адресованы читателю, похожему на меня. Тот есть, совершенно взрослому человеку. Но довольно быстро я поняла, что это не совсем то, чего мне хочется. Мне хотелось, чтобы в моих книгах жила надежда и у них всегда был хороший конец. Во взрослой литературе это, к сожалению, получается не слишком часто. Зато в детской – чаще всего. А не публиковалась раньше я, потому что много лет не писала – это во-первых, а когда снова писать начала, нужно было найти

свою тему, свою аудиторию, свое издательство – это во вторых.

– Вы посещали литературные объединения еще в школьные годы. Какой опыт и какие уроки из того времени, из ЛИТО «Муха под луной» и «Пегасика», вы пронесли через годы и вспоминаете сейчас?

– Это был интересный опыт и совершенно новая для меня тогдашней жизнь. Если в школе мои одноклассники литературой интересовались, в основном, строго в рамках школьной программы, то люди, ходившие в литературные объединения, не просто увлекались стихами и прозой, они сами писали, анализировали, делали критические обзоры. То есть, они жили литературой, своей и чужой. Я познакомилась с единомышленниками, с ровесниками, которым было интересно то же, что и мне, а это в наш «безынтернетный» век, когда чаще всего приходилось общаться, выбирая друзей не по увлечениям, а по территориальной близости, дорогого стоило. И плюс – у меня появились первые профессиональные разборы моих стихов от взрослых поэтов и первые публикации. Например, в газете «Пять углов».

– Ваша повесть «Июньские приключения» принесла вам первую крупную награду – Премию имени Крапивина. Что для вас лично значила эта победа и как изменилась ваша литературная судьба после получения престижной награды?

– Владислав Петрович Крапивин был и остается одним из моих самых любимых писателей. Помню, что его повесть «Та сторона, где ветер» я прочитала совершенно случайно, выбрав из списка литературы для внеклассного чтения. У нас, кстати, они были длиннющие и книги туда входили самые разнообразные, от классики до абсолютно современных текстов. И вот, когда я уже написала первые рассказы для детей и даже одну повесть, то прочитала в Сети про премию Владислава Петровича Крапивина. Никаким требованиям, предъявлявшимся к текстам конкурсантов, моя повесть не противоречила, и я отправила ее по указанному на сайте премии адресу. Звание лауреата было для меня чудом, счастьем и, скажу честно, путевкой в книжную жизнь. Возможно, если бы не случилось этой премии, то ничего бы дальше со мной как с детским писателем и не было. Но жизнь сложилась так, как сложилась.

На вручении премии я познакомилась с современными детскими писателями, начала с ними общаться, получила в качестве награды первую серьезную публикацию – в журнале «Урал». Потом написала еще несколько повестей для подростков, их опубликовали сперва в одном минском издательстве, потом в московском – «Аквилегии-М». Кстати, с «Аквилегией-М» я сотрудничала много лет и продолжаю это делать с большой радостью.

– Вы неоднократно становились финалистом и лауреатом конкурсов: «Книгуру», конкурс им. Михалкова, премия Крапивина... Что победа и само участие значили для вас как для автора?

– Я несколько лет участвовала в самых разных конкурсах. Где-то доходила до финала, где-то нет. Зато всегда знакомилась с авторами, которые тоже писали для подростков. У меня сложился круг общения с людьми, близкими мне по интересам. Мы общались и общаемся, благо, теперь есть интернет и можно находиться за много километров друг от друга, дружбе это не мешает. В последние годы в конкурсах я почти не участвовала. Видимо, нужно было отдохнуть. Тем более, что за это время написала несколько текстов для старших подростков

(практически для взрослых), съездила по приглашению библиотек в другие города, посмотрела спектакль, поставленный в Тюмени в Молодежном театре «Ангажемент» по мотивам моей повести «Вирта», поучаствовала в литературных фестивалях, выступила несколько раз на книжных выставках.

– Откуда рождаются сюжеты? Где для вас источник вдохновения: петербургская атмосфера, личные впечатления, воспоминания, книги других авторов? Кстати, о других авторах – кого из них вам интересно читать на сегодня и почему?

– Сюжеты рождаются из жизни, конечно. Происходит что-то. Иногда на первый взгляд не слишком заметное, но если присмотреться, то из него может вырасти неожиданная полноценная история. Со всеми необходимыми атрибутами: героями и антигероями, психологическими ловушками, путешествиями, приключениями, чувствами и единственно возможным финалом. Впрочем, финал может быть и открытым – это как сложится. Читать люблю давным-давно. Читаю сейчас чуть меньше, чем раньше, но это не потому что разлюбила, просто времени свободного стало меньше. Люблю Булгакова, Тэффи, Зощенко, Стругацких, Крапивина. Из иностранных авторов – Ремарка, Цвейга, Колин Маккалоу, Юхана Боргена. Их книги читаю с детства и ранней юности, их герои всегда живые и настоящие, с ними легче в трудные моменты, а без них – совсем не получается жить. Из самых современных подростковых писателей очень люблю Екатерину Тимашпольскую, Кристину Стрельникову, Юлию Симбирскую. И дело тут не только в том, что я – детский писатель, а это мои коллеги, но и в том, что моей дочери одиннадцать лет. Ей тоже нужны хорошие книги.

– Вы финалист «Книгуру» – единственного в России конкурса, где жюри состоит из детей и подростков. Насколько, по вашему мнению, строго и объективно детское жюри?

– Детское жюри – это всегда сюрпризы, неожиданности, море разных эмоций и слов. И это безумно интересно и с профессиональной, писательской точки зрения, и с человеческой. Детское жюри всегда достаточно строгое, часто строже взрослого. А объективно ли? Конечно, по-своему, да. Ведь они выбирают те тексты, которые им ближе, понятнее, интересней. И делают это искренне. Когда юные читатели ставили моей повести высокие оценки, я радовалась, конечно. А разве могло быть иначе? Если нас, писателей, читают те, для кого книга была написана, если им она интересна, важна, близка –это ли не самая большая радость профессии?

– Быть членом Союза писателей Санкт-Петербурга – это больше про формальный статус или про ощущение принадлежности к некоему сообществу?

– Меня пригласили в Союз писателей Санкт-Петербурга в те годы, когда Секцией детской литературы руководил Валерий Михайлович Воскобойников, светлая ему память. Я глубоко уважала его и как писателя, и как человека, и, конечно, почла за честь это приглашение.

– Ваши повести имеют поэтичные, «воздушные» названия: «Парящие острова», «Русалкин камень»… Как рождаются названия?

– Названия иногда придумываются с огромным трудом, иногда появляются легко и даже раньше самого текста. А иногда, буду честной, их придумывают в издательстве. Например, чтобы книга удачнее вписывалась в свою серию, или если название, предложенное мной, не подходит по каким-то объективным причинам.

– В вашей библиографии есть и сказки, и реалистичные повести для подростков. В каком жанре вам пишется комфортнее всего и почему?

– Я больше всего люблю писать повести для подростков. Это мой любимый возраст, когда люди становятся уже почти взрослыми, у них просыпаются первые сильные чувства, у многих меняется восприятие мира, а жизненного опыта катастрофически не хватает. Я очень хорошо помню себя в те годы. Я с огромным интересом и пониманием наблюдаю за своими читателями-подростками. И когда я пишу для подростков, то надеюсь, что кто-то из читателей найдет в моей книге что-то именно для себя. И может быть, книга поможет не попасть в какие-нибудь неприятности или найти выход из трудного положения. Ведь все мы такие разные, но так похожи!

– Вы довольно продуктивный автор. Поделитесь своим секретом: как устроен ваш писательский день? Существует ли для вас муза, или в этом ремесле главное – дисциплина и труд?

– Муза нужна обязательно, но она – дама ветреная. Поэтому чтобы написать не только роман, но и повесть, нужно работать постоянно, кропотливо, день за днем. А муза придет в процессе, куда денется.

– Должна ли книга чему-то учить, – возможно, примерами из жизни героев? И если да, чему бы вы хотели «научить» своих читателей?

– Я бы сказала так: не должна, но может. Если повезет. И да, это один из лучших вариантов развития событий, когда реальный человек, прочитав про чьи-то ошибки и неприятности, сумеет избежать их сам. А чему я бы хотела научить читателей и, кстати, научиться сама, пусть расскажут мои книги. Просто если я скажу об этом прямо, «в лоб», это, боюсь, так не сработает.

– Если бы у вас была возможность вернуться в прошлое и дать один совет себе начинающей, еще не опубликовавшей свою первую книгу, какой бы это был совет?

– «Пиши о том, о чем хочется, и не бойся. А там – как сложится».

Екатерина Каретникова

Джеймс Кори «Восстание Персеполиса»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера

Оценка: 9/10

«Восстание Персеполиса» – это поворотная часть цикла, где серия внезапно взрослеет ещё на ступень и превращается из космического боевика про политику и протомолекулу в историю о старении, усталости и смене гегемона. Это не самая зрелищная книга *«Пространства»*, но одна из самых концептуально важных: она запускает финальную арку и резко меняет статус-кво.

Книга делает дерзкий ход – сразу перематывает вселенную на три десятилетия вперёд, показывая, как «счастливый конец» предыдущих книг оказывается лишь передышкой перед приходом новой сверхдержавы – Лаконии. Авторы отдают почти весь роман под захват Медины и демонстрацию того, как работает полноценная империя с технологическим перевесом над «старым миром» транспортников и КЗМ.

Отдельно хотелось бы отметить ощущение «фундамента»: это подготовка к финальному акту, и она сознательно жертвует завершённостью ради того, чтобы расставить фигуры на доске. Отсюда чувство «незавершённости» финала: победы локальны, Лакония удерживает стратегическую инициативу, а книга заканчивается скорее как длинный первый акт новой трилогии внутри цикла.

Главное изменение романа – старение экипажа «Росинанта»: они всё ещё в строю, но уже как люди с долгой биографией, компромиссами, усталостью и внутренними трещинами. Антивозрастные препараты объясняют, почему герои выглядят и действуют моложе своих лет, но психологически они – люди, прожившие целую жизнь в войнах и кризисах. Джеймс Холден всё ещё главный герой, но уже сильно уставший и постаревший. Его главная функция здесь – быть человеком, который слишком много видел и всё ещё пытается держаться принципов, когда весь политический ландшафт сменился. В этой книге он уже не герой-бунтарь с ружьём, а фигура, вокруг которой формируется смысл сопротивления. Наоми Нагата – мозг экипажа и один из главных стратегов сопротивления. В романе её роль смещается от инженера-практика к политической фигуре. Она понимает цену восстаний, цену массового насилия и постоянно балансирует между необходимостью бить по Лаконии и страхом повторить старые кошмары Пояса. Амос Бертон всё тот же главный боевик команды, но с ещё более явным осознанием собственной роли. Его линия интересна тем, что он как бы отказывается от политических абстракций: для него всё сводится к защите «своих» и к очень конкретному пониманию справедливости. Алекс Камал в политическом смысле менее заметен, но именно через него чувствуется возраст команды и то, как «старики» продолжают воевать в мире, который уже стал совсем другим. Его фигура добавляет человеческого тепла и ощущения «семьи» внутри книги, где очень много холодной власти и расчёта. К моменту основных событий романа Бобби Драпер становится капитаном «Роси» вместо Холдена. Это создаёт для неё внутреннее напряжение: она привыкла быть силовиком, а не человеком, который отвечает за корабль и политику. Кларисса приходит в роман уже пройденной дорогой искупления: она в экипаже давно, но прошлое террористки никуда не делось, особенно в её собственной голове. Важная деталь всей её линии – последствия модификаций, которыми она пользовалась в ранних книгах. Эти импланты разрушают её организм: Клариссу мучают боли, слабость, приступы, и она понимает, что живёт «в долг». Физический распад становится формой расплаты за то, что она делала раньше.

Но не «Росинантом» единым, как говорится. В романе немало и других интересных фигур. Камина Драммер теперь уже крупная политическая фигура Пояса, ответственная за союз транспортников и за представительство интересов астеров. Её линия – про тяжесть власти: она вынуждена выбирать между безопасностью своих людей, компромиссами с Внутренними планетами и сопротивлением Лаконии. Драммер постоянно принимает «грязные» решения, и в этом она антипод романтического бунтаря: это политик, который знает, что любой выбор будет кому-то стоить жизни. Уинстон

Дуартэ – архитектор Лаконской империи, хотя в этой книге он чаще присутствует как тень, идея, источник власти, чем как постоянно «живой» персонаж. Он важен тем, что соединяет в себе честолюбие диктатора с искренней верой, что он строит долговечный, рациональный порядок. Через него роман показывает, как легко мечта о стабильности превращается в оправдание для тотальной власти. Губернатор Сантьяго Син – один из самых трагичных персонажей книги. Формально он – лицо Лаконии на Медине, человек, который должен принести «порядок и процветание». Внутренне – это бюрократ, стремящийся быть «правильным» правителем, которого постепенно ломает логика режима: ему приходится подписывать всё более жестокие меры, чтобы сохранить контроль и оправдать доверие Дуартэ. Его история показывает, как обычный, не монструозный человек превращается в проводник политического ужаса.

Авторы делают два важных шага. Во-первых, впервые серьёзно показывают конфликты внутри экипажа, а не только их солидарность. Во-вторых, дают развернутую перспективу «врага»: губернатор Сантьяго Син – не монстр-карикатура, а трагическая фигура, давимая системой, страхом и искренним желанием защитить свою семью. Это делает роман больше политико-психологическим, чем приключенческим: характеры оказываются важнее экшена.

Кори здесь фактически переписывают традиционный сюжет о появлении «новой Римской империи» с инопланетными технологиями – Лакония выступает как высокотехнологичный, идеологически уверенный центр, который считает себя естественным наследником человечества. Захват Медины прописан не только как военная операция, но и как лаборатория по управлению страхом: ультиматумы с жёстким отсчетом времени создают у нас ту же давящую тревогу, что и у персонажей.

Важная линия – цена лидерства. Книга постоянно возвращается к тому, как власть ломает людей: от Сина с его попытками «быть правильным губернатором» до привычных для серии фигур наподобие Драммер, которые вынуждены выбирать между принципами и выживанием. Сопротивление Медины показано как отчаянная, кровавая импровизация, где даже успех имеет вкус поражения.

Политическая линия в «Восстании Персеполиса» – это переход от истории о хрупком балансе между Землёй, Марсом и Поясом к сюжету о зрелой империи, которая приходит извне и переподчиняет себе уже сложившийся мир. На уровне политического устройства книга показывает три модели власти – «старый» трёхсторонний порядок, авторитарную техно-империю Лаконии и стихийное подпольное сопротивление на Медине – и сталкивает их лоб в лоб.

К началу романа внутренние планеты и Пояс формируют шаткий союз, который держится на памяти прежних войн и общем страхе перед их повторением. Это система, где нет единого центра силы: множество сложных процедур, медленная бюрократия и постоянная дипломатия, во многом завязанная на транспортников и Медину. Такое устройство внутренне противоречиво, но работает именно за счёт компромиссов и взаимных ограничений. Для авторов это отправная точка – они показывают, что демократизированный, многополярный порядок хрупок, медлителен и уязвим перед ударом силы извне, но при этом предоставляет людям больше пространства и свободы.

Лакония – это централизованная военная диктатура, которая легитимирует себя через эффективность, порядок и уникальный технологический

ресурс (корабли на инопланетном «улучшенном» железе, протомолекулярные разработки). Они приходят не как классические захватчики-грабители, а как «естественная власть», которая заявляет, что способна обеспечить безопасность и стабильность лучше, чем медлительный союз Земли, Марса и Пояса.

Медина становится полигоном, где Лакония отрабатывает, как управлять многонациональной, политически сложной точкой, через которую проходит половина цивилизации. Формально назначенный губернатор Син должен сочетать «справедливое» администрирование с демонстрацией силы, но политическая логика режима быстро толкает его к эскалации конфликта.

Итог: «Восстание Персеполиса» – не тот том, от которого захватывает дух, а книга, которая незаметно смещает центр тяжести всего «Пространства» к теме поздней империи и стареющих героев. Если принять её как первый акт финального цикла, с осознанной «незавершённостью» и упором на характеры, она работает очень качественно и не роняет планку серии, хотя и не прыгает выше неё.

Алексей Севериан

Творчество Стругацких востребовано не только среди киноделов, но и на сцене. Ранее удалось посетить спектакли «Улитка на склоне» и «Зона Отчуждения».

Накануне – **«Далёкую Радугу»** в МХТ имени Чехова.

Создатели постановки, на мой взгляд, довольно бережно обошлись с повестью. Мерилом достоверности для меня становится передача задумок, характеров и важнейших эмоциональных точек ДР. Это всё так же история о границах научного поиска, ответственности за выбор и конфликте разума и чувств.

Хочется выделить игру Данила Стеклова (Скляров), на которой держится один из важнейших эпизодов спектакля со «спасением» возлюбленной от надвигающейся Волны. Разве что усы у него карикатурные.

Однако он бы не справился без воспитательницы Тани, которую убедительно воплотила Мария Карпова. Правда, в моей голове был совершенно другой образ героини – возможно, купился на женские слёзы, но такова магия театра.

Чрезвычайно интересно наблюдать за игрой Павла Ворожцова (Матвей), персонаж которого пытается достойно поприветствовать товарища, но вынужден выступать арбитром между учёными и принимать сложные решения, порой в ущерб личному счастью.

Интересно у Артёма Быстрова получился Камилл. Умом я ранее понимал, но не осмыслял его образ трагического пророка, к словам которого толком не прислушиваются, в духе древнегреческой Кассандры. В спектакле этот аспект обращает на себя внимание.

Однако Быстров также играет Горбовского, из-за чего становится неудобной для показа финальная

сцена повести, где несколько раз умиравший и воскресавший Камилл беседует с Горбовским (тоже по-своему бессмертным персонажем).

На сцене были и дети. Их беготня, беззаботные игры и откровенное веселье прекрасно контрастировали с образом надвигающейся беды. И без них не удалось бы показать самые сильные эпизоды «Далёкой Радуги». Из повести мы помним: *«самое ценное, что у нас есть, – это будущее <...> наше будущее – это дети»*. Ну как обойтись без них?

Есть и заметные изменения. Например, некоторые персонажи так и не появились на сцене или только упоминаются. Есть пропавшие эпизоды (например, как Скляров на «харибде» прикрывает отход коллег), и новые (например, сон Тани про оленя – пожалуй, единственная сцена, показавшаяся мне совсем неуместной).

Также от себя добавлены такие детали, как неуклюжая «походка» звездолётчиков после посадки на Радугу или пень с топором вместо картины и скульптуры, которые пытаются пристроить на корабль.

Но удивительно, сколько много показали за 1 час 40 минут.

Понравилось минималистичные декорации, а также простые белые костюмы персонажей – отдаёт химической белизной, чистотой лабораторного халата. Треклятые ульмотроны толком не показывают, но и не так уж важно, как они выглядят: тумбочкуа на колёсиках к счастью быстро увозят.

Камин, который Матвей разжигает для гостей, хоть и стильный, но как будто не к месту (по сюжету на Радуге жара). Возможно, расчёт на комический эффект, но в таком случае оценить его по достоинству не удалось.

Есть спецэффекты со вспышками, взрывами и градом, удалось передать и стремительный полёт флаера, и разрушение поста Степной, и неумолимое приближение Волны. Через минималистичное окружение, игру света, звук, реплики и актёрскую игру условно воспроизведён научно-фантастический антураж истории о другой планете.

Интересно реализована видеосвязь: персонажи переговариваются по видеоприёмникам по краям сцены, а зрители видят их на экранах, расположенных сверху. Подобный приём можно встретить в спектакле по «Улитке на склоне».

Музыка если и была, то не запомнилась, но вместо этого происходящее периодически сопровождалось пением Ольги Литвиновой (Джина/Женя). При этом звуковое сопровождение на высоте – от грохота нашествия зерноедок до гула Волны – и не даёт ни на мгновение выпасть из истории.

Постановка понравилась и оказалась ценна в том числе в том, что позволила по-новому взглянуть на знакомых персонажей и на их решения. И так всегда приятно вернуться в Мир Полудня.

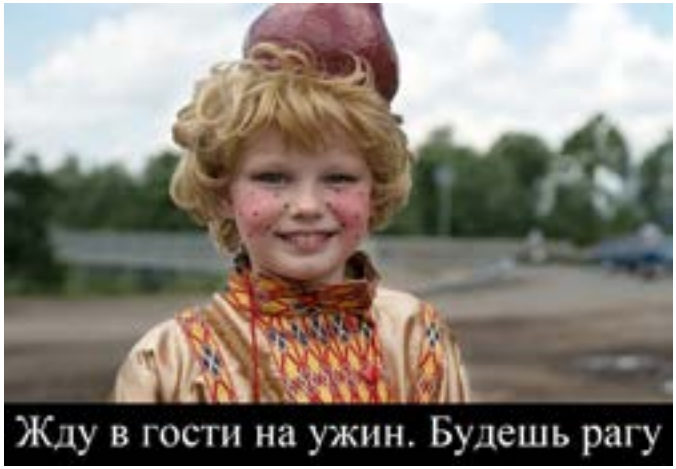
Традиционно во время спектакля не фотографировал, изображения взяты с сайта театра (https://mxat.ru/repertuar/show/rainbow/#gallery). К слову, «Далёкая Радуга» идёт на сцене МХТ имени Чехова уже 3 года.

Павел Сидоров

24 марта:

Сенсация!? В одном из цифровых львовских архивов журналов Второй Речи Посполитой обнаружил рассказ «Зачарованная история» Станислава Лема, в то время четырнадцатилетнего ученика гимназии. Он был опубликован в ежемесячнике «Polska Niepodległa» (Львов) в номере 3 за 1936 год. Похоже, это первая публикация рассказа будущего Писателя.

Виктор Язневич



В 2012 году небольшой городок Яранск Кировской области придумал себе сказочный бренд и стал проводить фестивали в честь Глинышка (на фото).

Общественности предъявили новодельную сказку по мотивам настоящих. Бездетные дед с бабой слепили из глины мальчика, он ожил, Баба Яга его обманула, затащила к себе, попробовала запечь, но Глинышек притворился неумехой и попросил Ягу показать, как правильно лежать на хлебной лопате, а когда она легла на лопату, кинул ее в печь и убежал.

Сказка известная, вот только главный ее герой не глиняный, а деревянный мальчишка (Липунюшка, Лутонюшка). Реже бывает навозный мальчик (Бздунок, Пердунок) или просто ребенок. А про Глинышка (он же Глиняный Иванушка, Глиняшка, Глинушка) сказка была совсем другой.

Старик делал из глины мальчика, клал на печь, Глинышек оживал и требовал еды:

««Дай, – говорит, – бабка, молока кадушечку, хлеба краюшечку». Съел да еще просит, а у бабки нет. Он как вскочит с печки да и съел бабку с прялкой, да дедку с клюшкой. Вышел он на улицу».

Русские народные сказки Курского края. Курск. 2023. № 22.

Шел Глинышек по деревне и жрал всех подряд. Был, словно Колобок наоборот: каждому прохожему пел песню о том, кого уже съел, а после этого проглатывал:

«Съел я хлеба пять макушек,
Молока пять кадушек,
Дедку с мялкой,
Бабку с прялкой,
Быка с рогами,
Женщин с косами,
Мужиков с топорами!
Кто ни попадется, всех съем!»

Сказки. Составитель Т.А. Шуклина. Ижевск. 1999. № 6.

История всегда заканчивалась встречей Глинышка с козлом (козой, бараном, реже свиньей), который просит Глинышка раскрыть пошире рот и обещает сам в пасть запрыгнуть. Глинышек открывал рот, козел разбегался с горы и бил монстра в брюхо. Глиняный Иванушка рассыпался и у него из брюха выходили все проглоченные.

Сказка стабильная, почти без вариантов. Кстати, и пол глиняного ребенка не меняется. За редким исключением он прожорливый паренек. В единичных вариантах из глины лепили девочку, причем лепила уже старуха, а не старик. Спустя три дня «глиняна девушка» оживала и говорила: «Бабушка, я тебя съем!» «Что ты, внучка?» «Да, съем!» – и съедала, потом привычно для сюжета шагала за ворота жрать остальных. Разбивала ее все та же неизменная коза.

То есть мероприятие с главным героем Глинышком – какой-то невероятный куншток и сюр. Что-то вроде Праздника Чикатило или Фестиваля антихриста.

К счастью для организаторов, в русских сказках русская публика уже совсем не разбирается и поэтому вполне верит, что Глиняный Иванушка «является символом добра и удачи».

Хотя на деле это известный многим культурам ненасытный Всепожиратель, губящий и съедающий все, что попадется ему на глаза.

И реплики вятской прессы, которая не раз желала «Глинышку удачи во всех начинаниях» кажутся зачином хорошего романа в духе мистического триллера.

Антон Нелихов

Не всякое литературоведение одинаково полезно.

Читаю монографию **Карла Йоука** о **Роджере Желязны** (в любительском переводе, да), и немножко фигею. Йоук – профессиональный литературовед, в 70-х помощник вице-президента университета штата Кент, профессор, доцент, что важнее – друг детства Желязны, они вместе учились с младшей школы. И вот он разбирает рассказ **«Роза для Экклезиаста»**, который, очевидно, перечитывал сотню раз, и я понимаю, что этот достойный мужчина просто не понял, что в небольшом рассказе происходит – чисто на уровне фабулы. Что марсианскую танцовщицу (дальше спойлеры) героюземлянину буквально подложили в койку, что все его испытания вплоть до рукопашного поединка с престарелым местным самбистом организованы правительницами Марса: вдруг последнее предсказание пророка сбудется и марсианскую расу, страдающую бесплодием, все-таки удастся спасти. И как раз танцовщица, женщина глубоко религиозная, хоть и готова выполнять распоряжения старших товарищей, категорически против спасения: доктор сказал в морг – значит в морг. Трагедия не просто в том, что танцовщица Бракса никогда не любила поэта Гэллинджера: она буквально тот самый Экклезиаст, она воспевает тщетность и бессмысленность существования и выступает за угасание марсианской цивилизации. И когда в финале Гэллинджеру наконец рассказывают, что за фигня на самом деле творится (а ему рассказывают), это переворачивает всю историю с ног на голову, заставляет заново перечитать все диалоги. Важный, между прочим, элемент творческого метода Желязны, не только в этом рассказе он его использует.

Во вторых, уважаемый желязновед то ли не знает, то ли не считает нужным упоминать о христианской символике розы, что именно она обозначает и чей это по христианскому преданию цветок. Шекспира и его современников исследователь тоже не вспоминает ни разу – хотя Желязны именно по елизаветинской драматургии защищал магистерскую диссертацию, и всё это «хоть розой назови ее, хоть нет» у него от зубов отскакивало. О розах вообще Йоук пишет страниц пять – но как-то расплывчато и абстрактно, почему-то со ссылками на Рильке и Юнга, а не на то, на что стоило бы: в конце концов, Гэллинджеру еще в ранней юности пророчили карьеру миссионера, христианские аллюзии здесь явно к месту.

В общем, не знаю, что и думать. Монография тоненькая, я ее дочитаю, но доверия Карлу Йоуку у меня больше нет. Если дядечка то ли не замечает, то ли сознательно игнорит такие очевидные (и очевидно важные) нюансы – есть повод усомниться в его профессиональной компетенции.

Василий Владимирский

«Сквозь огонь», Евгения Овчинникова
(«Альпина.Проза», 2026, 18+)

Лето 1999-го, горит тайга в Приамурье, огонь подступает к таежному городу, в воздухе кружится пепел и нечем дышать. В один из раскаленных дней гибнет 16-летняя Вера. Ее лучшая подруга Саша спустя годы задается вопросом: что произошло с ее близким человеком на самом деле? Спустя 19 лет она едет в город детства, чтобы узнать правду.

«Сквозь огонь» – история дружбы, которую не разрушила смерть. Саша тоскует о Вере, видит ее во снах и видениях. Главной героине все время мерещится запах дыма и отблески огня. В ее сердце лесные пожары не закончились.

В романе есть мощная детективная интрига, а также мистическая составляющая: Саша может «читать» людей – видеть их воспоминания, заглянув в глаза. Но эта особенность не превращается в своеобразный сюжетный движок, а еще больше раскрывает внутренний мир героини. Таким образом, «Сквозь огонь» не только мистический триллер, но и психологическая проза (так же было с романом «220 метров», который тоже сочетал в себе несколько жанров).

В центре романа – переживание утраты и неспособность отпустить прошлое, которое мы носим в себе. Чужие воспоминания, которые видит Саша – то, что не дает людям покоя. Внутренние переживания главной героини переданы точно – горе идет об руку с чувством вины, даже если ты не сделал дорогому человеку ничего плохого.

Второстепенные герои в «Сквозь огонь» такие же яркие – это живые люди со своими слабостями, страхами, благородством, добротой... С ними трудно расставаться, когда дочитываешь книгу.

Роман показал, как Евгения Овчинникова пишет о природе – в «Сквозь огонь» можно увидеть собственными глазами тайгу Приамурья с лианами лимонника и уходящими в небо соснами, услышать, как трещат ветки под ногами оленя, почувствовать прохладу лесной реки. И ужаснуться лесному пожару, который сметает все на своем пути, уничтожает живое, словно неведомое чудовище, которое дышит жаром тебе в лицо, подходя все ближе... Но что страшнее – стихия или человек?

Роман «Сквозь огонь» я прочла за день, потому что не могла от него оторваться, а теперь не в силах перестать о нем думать.

Даша Кельн

Спустя сорок лет появился перевод **“Крысихи”** Гюнтера Грасса. За работой над романом немцу помогала крыса, да и нобелевскую речь он начал тоже с крысы. Кругом крысы.

Чемпион по перевариванию прошлого, в «Крысихе» Грасс взялся за грядущее. Рассказчик слоняется по пустой земле и беседует с крысой о гибели человечества от нейтронных бомб.

Попутно Дамрока с фем-командой выходят на “Новом Ильзебилле” в Балтику для исследования медуз..

“<...> штурманша выпускает ступенчатый счетчик медуз, океанографша и машинистша обрабатывает ушастых аурелий...”

“Крысиха” – это ком из: библейских сюжетов, сказок братьев Гримм, фольклора Данцига, полотен Лотара Мальската, поиска Атлантиды, сценариев для Оскара Мацерата, вымерших лесов, медуз, морей, «Вильгельма Густлоффа», Померании, Рапунцель, проблем подлинности, автобиографии, ностальгии и присуждения Нобелевки лабораторной крысе.

От гибели мира нет действенных мер. Во всяком случае, крыса исключает из них активизм и любые формы протеста; их с Грассом заботит скорее деградация, чем ядерная катастрофа.

“Все панки своенравно и вместе с тем единообразно были обвешаны металлоломом; теперь так же и Гензель с Гретель, так что они едва отличались от остальных.”

Думаю, вы уловили, что разобрать «Крысиху» без литра нельзя. А без знания «Жестяного барабана» и «Траектории краба» вместо литра придется брать два. Хотя текст по-грассовски стильный, отдает Зебальдом, Кальвино, и, может, даже «Цитаделью» Экзюпери. Так что я допускаю его чтение без поиска сверх-смыслов.

Зачем читать? Букв много, понятно мало. Бросить бы ее, книгу, закричать и убежать в лес.. Конечно, «Крысиха» в разных смыслах *впечатляет*, и текст усваивается на уровне чувств, но после такого *впечатления* полагается недельный отдых.

Григорий Копейкин

В 2024 году в видеоинтервью Тим Пауэрс рассказывал, что когда был ребенком, мама дала ему «Красную планету» Роберта Хайнлайна, после чего он десять лет читал исключительно фантастику.

(Показывает он при этом «Дверь в лето», которую как раз перечитывал.)

Кстати, да – я читал «Красную планету» раз в жизни и не помню вообще ничего, кроме того, что она была какой-то особенной на фоне других «подростковых» книжек РАХ, написанных для Scribner. Там, понятно, были свои шедевры – «Звездный зверь» и «Гражданин Галактики», – но в основном это были не шедевры, а «Красная планета» прямо вот зацепила.

Надо будет перечитать. Кажется, я даже купил ее по случаю на английском в виде книги. Где-то лежит.

Николай Караев

26 марта:

«Сбитые летчики», авторы, которые когда-то гремели, а потом резко перестали интересовать читателей, есть не только в русскоязычной жанровой прозе. Среди англо-американских фантастов их тоже хватает. Самый четкий маркер – это когда новая крупная вещь выходит сначала в переводе, где-нибудь в Европе, и после большого перерыва – на родном английском, как правило в малом «независимом» принте. То есть издатели, работающие

с англоязычным рынком, в этой новинке не настолько заинтересованы, чтобы выстраиваться в очередь и срочно-судорожно покупать права.

• **Брюс Стерлинг**, повесть **Pirate Utopia** – впервые издана в Италии в сентябре 2015 года отдельной книгой, и только в ноябре 2016 – в США на языке оригинала.

• **Норман Спинрад**, роман **The People's Police** – впервые издан в 2014 году на французском (под названием Police du peuple), на языке оригинала – в 2017-м.

• Тот же **Норман Спинрад**, роман **Welcome to Your Dreamtime** – французское издание под названием Le Temps du rêve вышло в 2012-м, англоязычное – в 2018-м.

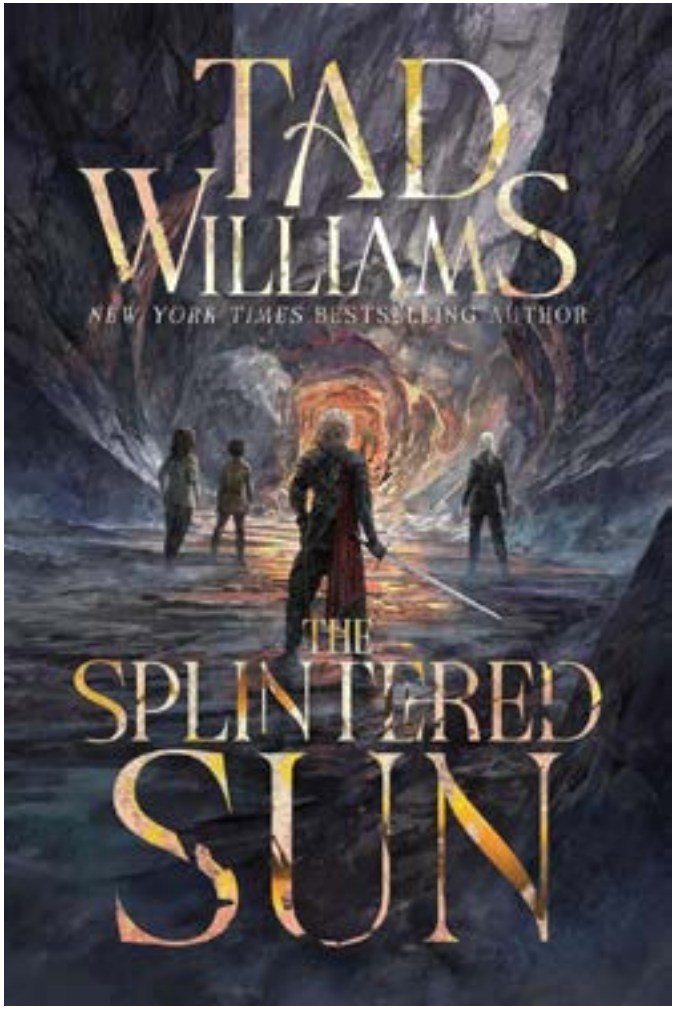
• И снова **Спинрад**, роман **Osama the Gun**, французское издание под названием Oussama – 2010 год, английская электронка (фактически самсебяиздат) – в 2011-м, настоящая книга – в 2016-м.

• **Кристофер Прист**, роман **Expect Me Tomorrow** – там перерыв небольшой, всего полгода, сначала появилось французское издание под названием Rendez-vous demain, потом англоязычный оригинал, оба вышли в 2022-м.

И так далее, это первое, что я вспомнил. Аргумент: «так и было задумано, это не бага, а фича», конечно, в пользу бедных. Когда «так и задумано» оригинал может выйти одновременно с переводом. Но не с паузой в несколько месяцев или лет. Тут, очевидно, агент не сумел заинтересовать свежей рукописью приличных англо-американских издателей. А провинциальных, итальянских и французских – сумел.

И, как видим, никакая былая слава, хьюги-небьюлы, активное участие в Новой волне и киберпанковском Движении от провала не гарантируют.

Василий Владимирский



Новый роман Тэда Уильямса, выходящий в октябре, обзавелся обложкой. На мой взгляд, это лучшее оформление его книг за последние годы.

Дмитрий Злотницкий

Нил Гейман «Коралина»
Жанр: Мистика
Оценка: 8/10

Повесть Нила Геймана «Коралина», опубликованная в 2002 году, занимает уникальное место в современной литературе. Формально позиционируемая как детская книга, она мгновенно завоевала любовь взрослой аудитории и получила престижные награды, включая премии «Хьюго», «Небьюла» и «Брэма Стокера». Главный парадокс «Коралины» заключается в том, что Гейману удалось создать произведение, которое одновременно является и захватывающим приключением для детей, и глубокой, пугающей притчей для взрослых.

Коралина – девочка, переехавшая с родителями в старый дом и страдающая от скуки и их вечной занятости. Она находит потайную дверь, ведущую в параллельный мир, где есть «другая» мама и «другой» папа, которые кажутся идеальными и дают ей всё внимание и все удовольствия, о которых она мечтала. Постепенно выясняется, что этот мир – ловушка, а Другая Мама питается детскими душами и хочет забрать Коралину навсегда, пришив ей вместо глаз пуговицы. Девочка, вооружённая только находчивостью, магическим камнем и помощью говорящего кота, вступает с ведьмой в игру, чтобы спасти родителей и души пленённых детей и вернуться домой.

Гейман создаёт атмосферу ползучего, «тихого» ужаса: знакомый быт постепенно перетекает в кошмар, где то же пространство и те же персонажи становятся чуть-чуть «слишком» правильными и потому пугающими. Контраст между серым, дождливым реальным домом и ярким, избыточно привлекательным миром за дверью раскрывает тему соблазна погрузиться в идеальный мир, не думая о скрытой цене за него.

Главная тема – взросление через столкновение с собственными страхами и принятие ответственности за выбор. Коралина сначала действует из любопытства и раздражения на «скучную» жизнь, но второй поход к Другой Маме – осознанный и страшный, ради спасения тех, кого она любит. Это делает её по-настоящему храброй. Храбрость здесь – не отсутствие страха, а готовность идти вперёд, понимая риск, что важно для детской аудитории.

Книга ярко противопоставляет реальный дом и мир иллюзий. В начале Коралина недовольна родителями и бытом, где её мало замечают. После опыта с Другой Мамой она учится ценить свою «несовершенную» семью, понимая, что идеальность может быть маской насилия и контроля. Через это Гейман говорит о принятии: любовь – не про бесконечные развлечения и идеальную картинку, а про свободу, заботу и возможность быть собой.

Важна и тема свободы выбора: соблазн «пуговичных глаз» – готовая, удобная идентичность, которая избавляет от боли и сомнений, но лишает личности. Отказ Коралины от этого предложения – ключевой момент самоопределения, когда ребёнок выбирает сложный, но подлинный мир. Обманчивость внешности (ласковая «мама»-монстр, уютный дом-тюрьма) подчёркивает, как легко дети

(и взрослые) ведутся на красивую оболочку, не замечая контроля и зависимости.

Коралина показана ребёнком не «идеальным», а живым: она упряма, временами капризна, но умеет анализировать и принимать решения, и в этом её симпатичность. В процессе истории она проходит путь от скучающего «исследователя квартиры» до человека, который стратегически обманывает колдунью, строит план и думает не только о себе, но и о других детях. Это сильный пример героини для юных читателей: не пассивной принцессы, а ребёнка, который сам спасает себя и других.

Другая Мама – запоминающийся образ детского хоррора: она сочетает в себе материнскую ласку и хищничество, а её пуговичные глаза стали символом обезличивания и тотального контроля. Говорящий кот выступает голосом ироничного разума, помогающим Коралине смотреть на вещи трезво и критически, а призрачные дети напоминают, к чему приводит сделка с иллюзией идеального мира. Потайная дверь и ключ – простые, но понятные символы границы между взрослением и инфантильным бегством от реальности, а также ответственности за открытые «двери».

Гейман пишет простым, ясным языком, но создаёт плотный, многослойный текст, который читается и как страшная сказка, и как притча. Это не «милый» фэнтези-мир: здесь есть подлинная жестокость, страх смерти, мотив лишения души – всё в рамках детской книги, но без снисходительного упрощения. Благодаря этому роман одинаково хорошо работает для детей, подростков и взрослых: каждый считывает свой уровень – от приключения до психологической метафоры семейных отношений и самоценности.

По жанру «Коралина» – готическая сказка и детский хоррор, наследующий традиции классических страшных историй, но с современным фокусом на внутреннем росте героя. Баланс жуткого и узнаваемо-бытового делает книгу сильным входом в «тёмную» литературу для подростков: она пугает достаточно, чтобы запомниться, но не лишает надежды.

Итог: «Коралина» – редкий пример детской книги, которая одновременно честно показывает страх, одиночество и опасность, и в то же время даёт нам чувство силы и контроля над собственной жизнью. Её достоинства – яркая, но не перегруженная символика, живой образ девочки-героини, умное обращение с темой семьи и свободы, тонкий язык, не создающий впечатление, что к ребёнку обращаются «сверху вниз». Возможно, минусом для детской части аудитории станут действительно мрачные и тревожные образы, из-за которых книга может оказаться слишком страшной. Но именно эта серьёзность делает её подлинной и запоминающейся.

Алексей Севериан

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 104

Последнее время «Литрес» так настойчиво подсовывал мне Елизарова, что я сдался. Собственно, почему бы и нет? Читаные мною у него вещи, вполне себе зашли. И, забегая вперёд, кабы под этой обложкой была только повестушка «Ногти», то и этот мой отзыв был бы умеренно положительным. А вот теперь по порядку.

НОГТИ. М. Елизаров

Заглавная повесть реально цепляет. Это как будто «Дом в котором...» вынырнул из медикаментозной комы, в которой его держали не очень добрые врачи, но в которых он видел весь этот подростковый магреализм. Вынырнул, и охренел от происходящего.

На самом деле, я дико удивился, когда понял, что на таком благостном материале, как дом для ну ооочень особенных инвалидов, автор не собирается разгонять чернуху. Нет, дальше будет всякого, и изнасилование коматозницы, и санитары-ублюдки, по классике жанра, но всё это обусловлено изменениями, которые претерпевает страна. Любители глубоких смыслов могут тут именно такую аллюзию и усмотреть, дескать, жили уроды, наособицу, но в целом неплохо, а потом пришли девяностые, и всё пошло по пизде.

Главные герои, горбун и гидроцефал, с их странноватыми мистическими особенностями, пытаются встроится в этот мир, и, что характерно, даже преуспевают в этом. Но счастье уродов не может длиться вечно. Тем более, счастье, данное вечно голодной собакой из ямы, которую нужно вовремя подкармливать ногтями. Пока парни были вместе, они как будто составляли одного полноценного человека. А где-то даже сверхчеловека. Но стоило им разойтись, как... ну, смотреть выше.

И вот кабы других историй в книге не было, я бы даже доволен остался, несмотря на некоторую досаду от финала. С одной стороны, закономерного, с другой – как будто скомканного. Но в сборнике этом полно других рассказов, которые я ничем кроме упражнения в литературе назвать не могу. Словно автор такой – а чё если так? Опа! Во, как умею, оказывается! Даже про инцесто-педофилию могу! А читатель в моём лице такой – ну, можешь, и что? Пу-пу-пууу...

Особняком стоит армейская повестушка «Госпиталь», вроде как автобиографичная, написанная по мотивам пребывания в больничке для срочников. Когда герой, даже ещё не «дух», попадает в палату с «добрым дедушкой». Чудовищная злющая вещь, при этом безмерно поэтичная и реалистичная. Гораздо страшнее тех же «Ногтей», в которых был, пусть чёрный, но юмор.

Итог, конечно, странноватый. Кроме вышеупомянутых повестей, я толком и вспомнить ничего не могу. Добрым словом, разве что «Нагант» ещё. Однако ради них книжку прочесть стоило. И, чесгря, видели глазки, что покупали, теперь хоть повылазьте. Тот редкий случай, когда я мог смело ориентироваться на среднюю оценку. Что ж, сказал бы – буду умнее, но, нет, не буду.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

27 марта:

Простите, я всё про новый роман Тима Пауэрса. Вот как он это делает? Правило (этот пост для писателей, остальные – не пытайтесь повторить это дома), похоже, простое: что-то быстрое из серии «ой, хочу-читать-дальше» должно происходить, перспектива должна меняться, эпифания должен иметь место – в каждой главе. Достоверность, тайна, чудо. Чтобы было увлекательно, чтобы было интересно, чтобы шли мурашки по коже.

В первой главе второй части «Мельниц богов» (позади всего треть книги, да) герой неожиданно (опять) оказывается лицом к лицу с французским богачом, который занимает высокое место в иерархии этого тайного общества перевоплощенцев. Уже ясно, что это не столько перевоплощенцы, сколько подселенцы, причем обладающие примерно свойствами навигаторов «Дюны»: они видят будущее, пусть и в вариантах, понимают, где родился ребенок, в которого подселился их человек, этого ребенка похищают и воспитывают в особых яслях так, чтобы подселенец подавил сознание самого ребенка. А героиня сумела, наоборот, подавить –

но не вытеснить – подселенца. Француз объясняет, причем местами врет, лишь бы убедить героя сдать героиню.

– Да, – Ашар, нахмурившись, подался вперед. – Ее случай, видите ли, – задержка в развитии. Она сбежала из яслей прежде, чем то, чем она на самом деле является, успело пробудиться полностью. Ее настоящее «я» не смогло обрести опыт новой жизни. Мы можем вернуть ее и дать прежнему, истинному «я» занять свое законное место. – Он снова хлопнул в ладоши. – Оно радушно усвоит индивидуальность Женевьевы – та станет частью, аспектом подлинного, цельного «я».

Нолан подавил дрожь. Радушно, да? Он подумал о храброй, бесприютной жизни Виви и осознал, что никогда прежде, даже на войне, не сталкивался с настоящим злом.

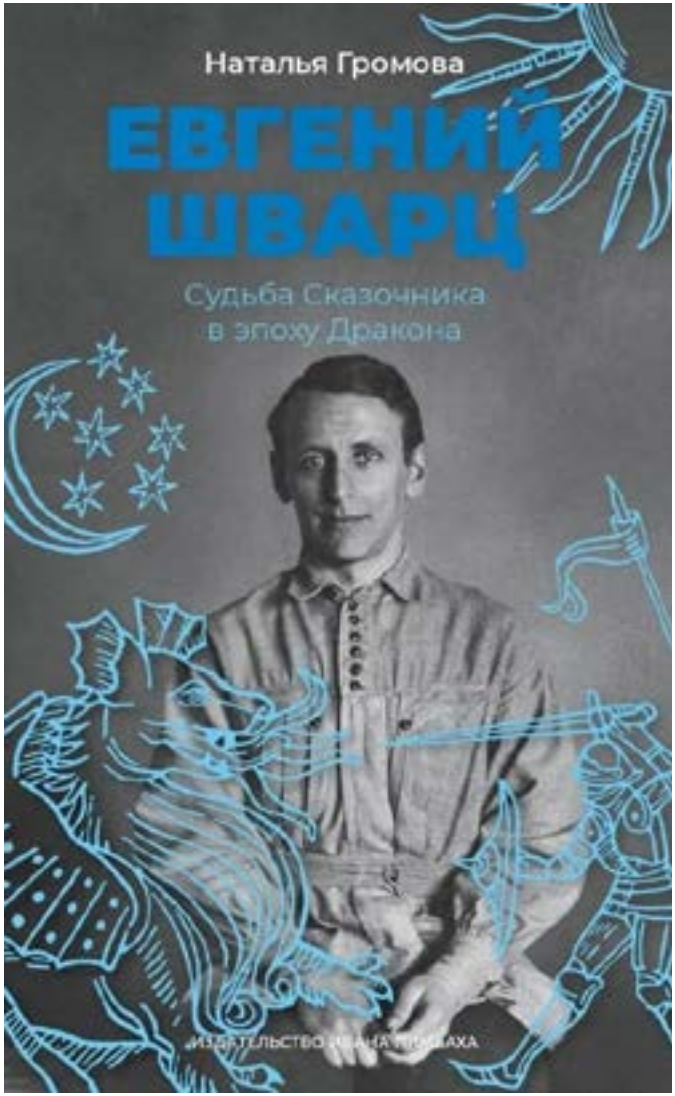
Угу. Меня в этот момент тоже передернуло. И ровно по тем же причинам. Казалось бы – каких-то два абзаца. А ощущение столкновения с настоящим злом – вот оно, и всё, что герой сделает дальше, будет об этом, а будет еще, я чую, много всего.

Николай Караев

Громова Н. Евгений Шварц: Судьба Сказочника в эпоху Дракона. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2026. 416 с.

Аннотация: Евгений Шварц (1896–1958) писал сказки, которые были гораздо реалистичнее советских романов. В пьесах «Тень» (1940) и «Дракон» (1944) он проницательно раскрыл природу рабства. В эпоху разрывов и потерь говорил о дружбе, любви, надежде так, что становилось легче дышать. Смеялся над насмерть перепуганными современниками и в то же время жалел их, оплакивая их души.

Кем он был на самом деле? Насмешником или мудрецом под маской шута, который, переворачивая повседневные слова и смыслы, видел жизнь яснее многих? Шварц принадлежит к тем немногим художникам, кто сумел пронести через мрак своего времени внутренний свет – и подарить людям надежду на исцеление.



Николай Подосокорский

Станислава Лема государственные награды Польши
«на пиджак» (но Писатель никогда так не наряжался...).

① Орден Белого Орла со ② Звездой (1996)
③ Командорский Крест Ордена Возрождения Польши (1970)
④ Офицерский Крест Ордена Возрождения Польши (1959)
⑤ Орден «Знамя Труда» II класса (1979)
⑥ Золотой Крест Заслуги (1955)
⑦ Золотая Медаль «За заслуги перед культурой *Gloria Artis*» (2005)
⑧ Знак «За заслуги для национальной культуры» (1987)
⑨ Знак «За заслуги для Малопольского воеводства» (2001)
⑩ Золотой знак «За общественный труд для города Кракова» (1977)

Виктор Язневич

Есссс! Сбылась мечта фанатов.

В АСТ вышло наконец первое книжное издание повести Стругацких «Отель «У Погибшего Альпиниста»» с рисунками Геннадия Новожилова – теми самыми, из «Юности» 1970 года.

Лет пятнадцать я мучил всех оказавшихся поблизости издателей уговорами выпустить такой ОуПА (а заодно «Мастера и Маргариту», первым советским иллюстратором которой также был Новожилов) – но все упиралось в поиск наследников художника. Теперь, стало быть, нашли. МиМ вышли в прошлом году, ОуПА вот сейчас, через 56 лет после первого и последнего релиза картиночек.

Ура.

(И немедленно заказал).

Шамиль Идиатуллин

В 1905 году состоялась премьера оперы Римского-Корсакова про Кащея Бессмертного. В конце у нее драматическая сцена: царству злого Кащея грозит неминуемая гибель, оно вот-вот рухнет и настанет радостная вольная весна. Шел 1905 год. Революция. Спектакль выглядел очень прозрачной метафорой, хотя был задуман до всяких волнений. Разбираться наверху не стали, премьеру остановила полиция. ~~Зрителям пришлось досматривать через vpn.~~

Дивный рассказ про спецоперацию против Кащея – из книги историка Федора Панфилова «Фантастическая Русь». Она рассказывает, как темы, персонажи и сюжеты русских сказок и былин отражались в популярной массовой культуре: на картинах

(Васнецов, Билибин), в литературе (от Пушкина до «Волкодава»), театре, кино, компьютерных играх.

Книга выстроена в исторической перспективе и по факту она собрание эссе. Неожиданно было увидеть в ней парочку осиновых кольев, которые автор приберег для Александры Барковой. Панфилов пишет, как Александра Леонидовна привычно села в лужу с крокодилами и сказочными птицами.

Про крокодилов особенно хорошо. Есть известная фраза в летописи, как крокодилы вылезли из реки и пожрали людей. Фразу любят криптозоологи и вообще любители таинственного. Панфилов обращает внимание, что в летописи нет названия реки, и вполне возможно, летописец просто вписал в текст поразивший его рассказ о заморских странах, так сказать, поделился классным слухом с потомками, которые – однако – вообще его не поняли. Как в этой крокодиловой истории появилась русская речка Волхов, Панфилов правдоподобно объясняет. Со всеми ссылками и отсылками, что вызывает уважение и желание пожать руку.

Антон Нелихов

28 марта:

Недавно с упорством, заслуживающим лучшего применения, спорили в одном там чатике о женских образах у **Роджера Желязны**. Ну, в смысле, другие спорили до хрипоты, я наблюдал.

Тема эта, надо сказать, многих интересовала: например, в книжке **Джейн Линдсколд «Roger Zelazny»** (1994) «женщинам Желязны» посвящена целая главка. И, в общем, да: среди главных героев классика женщин почти нет, за исключением повести **«24 вида горы Фудзи кисти Хокусая»**. И эту свою слабость писатель охотно признавал – именно как слабость. Но вот второстепенных и эпизодических героинь у него как раз полно, начиная с самых ранних рассказов. Причем довольно редко это безмолвные спутницы героя или классические «девушки в беде», хотя встречаются и такие – скажем, в **«Долине Проклятий»**, **«Джеке-Из-Тени»** или в **«Черном троне»**, написанном в соавторстве с Саберхагеном. Но гораздо чаще это полнокровные партнерши/оппонентки главгероя, и если тот их недооценивает в гордыне своей – тут же больно получает по носу. Очень много талантливых манипуляторш, начиная с Матриархов Марса в **«Розе для Экклезиаста»** и вплоть до поздних амбарных хроник. А в **«Творце снов»** пациентка Эйлин Шалотт, например, и вовсе подавляет волю психотерапевта Рендера и затягивает его в свое безумие.

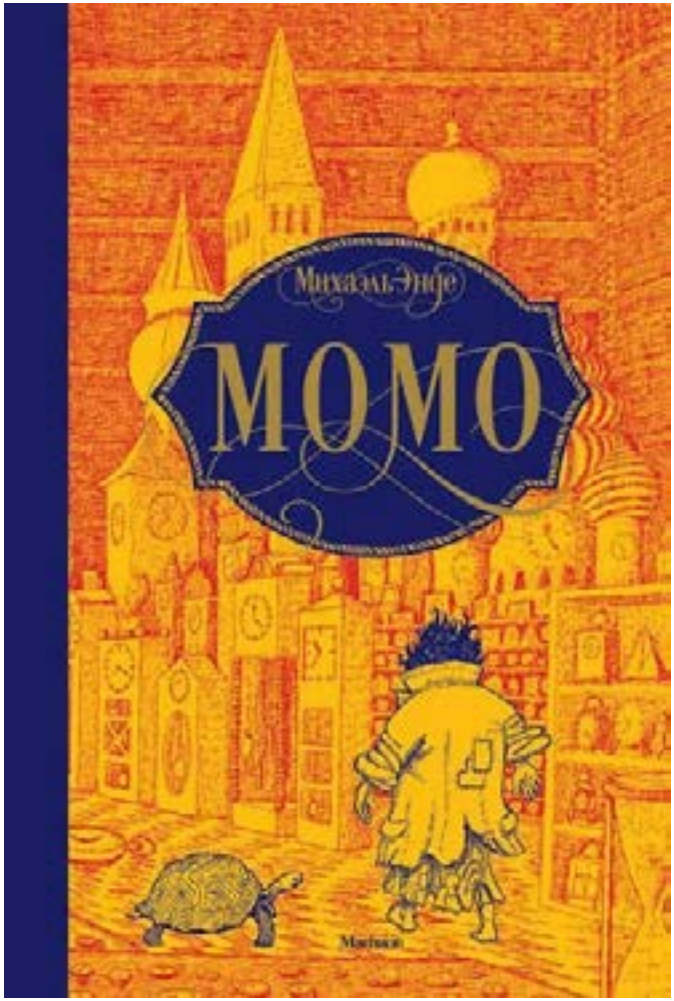
Чего у него и близко нет – так это снисходительного отношения «сверху вниз»: типа, чего с дурочки взять, она же девушка. Скорее Желязны женщин побаивается, не понимает, чего от них ожидать. С другой стороны, среди его персонажей и мужчин таких полно, так что с гендером это, видимо, все-таки слабо связано.

Василий Владимирский

Впечатления о фантастическом романе немецкого писателя **Михаэля Энде «Момо»**.

«Момо» так же, как и «Бесконечная история» – визитная карточка писателя: под обложкой детской книги Энде рассуждает о вечных темах. «Момо» – про общество потребления, бесконечную гонку по кругу, в которой никто не выигрывает по определению, и про само время.

Работу над романом писатель начал еще в родной Германии, но основное время, посвященное «Момо», пришлось на итальянский период: вместе со своей супругой Энде жил в Риме, на вилле со сказочным названием Дом Единорога. Здесь писателя,



словно мудрого Айболита, окружали разные звери, в том числе и черепаха, один из главных персонажей новой рукописи. Позже Михаэль Энде говорил, что Момо – это признание в любви Италии.

По каким намекам можно угадать Италию в романе?

Девочка Момо, заглавная героиня истории, живет в старинном заброшенном амфитеатре на южной окраине большого города, в пиниевом лесочке.

Пиния, или сосна пиния, так же известна как сосна итальянская. Знаменитая итальянская кукла Пиноккио была сделана именно из пиниевого полена, на это указывает его собственное имя: (от итал. pino «сосна» + occhio «глаз»). Да и наш Буратино недалеко ушёл. Сцена сражения кукол с Карабасом тоже не обошлась без пинии:

Буратино взобрался по смолистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на поле, и оттуда закричал, завыл, запищал во всю глотку:

– Звери, птицы, насекомые! Наших бьют!

А. Толстой «Золотой ключик, или Приключения Буратино»

Над романом писатель работал шесть лет, переключаясь на другие проекты и легко откладывая рукопись, когда не мог найти верных строк.

Похожая ситуация будет описана в самом романе: Момо подружилась с рассказчиком историй Джилорамо, которого все звали Джиги гидом за то, что он с удовольствием рассказывал гостям города обо всем, что окружало туристов, да так складно, что люди с удовольствием платили за это развлечение звонкой монетой. Большая часть рассказов Джиги была чистой выдумкой, но такой, за которую не жалко раскошелиться. Ведь недаром людям так люб театр, где все – сплошь фантазмы:

правдивой, истинной и намного интереснее, чем их собственная, повседневная. И они любили внимать этой иной действительности.

М. Энде «Момо»

Когда Джиги дружил с Момо, историям не было конца и края, до того все легко выходило у молодого человека. Но, когда он по указке Серых господ обратил свой дар в конвейер по добыванию денег, вдохновение быстро иссякло. Джиги не успевал наполниться историями и принялся жульничать:

рассказывал одно и то же, едва лишь перекраивая историю.

Этот эпизод отсылает нас к ранее прочитанной новелле Кржижановского «Клуб убийц букв», которую мы также разбирали на стриме:

Я, конечно, и тогда не был наивным человеком и знал, что превращаюсь в профессионального убийцу замыслов. Но что мне было делать? Вокруг меня были протянутые ладони. Я швырял в них пригоршни букв. Но они требовали еще и еще. Пьянея от чернил, я готов был – какой угодно ценой – форсировать новые и новые темы. Замученная фантазия не давала их больше: ни единой.

С. Кржижановский «Клуб убийц букв»

Михаэль Энде передает пламенный привет Италии, хотя все его путешествия – это путешествия сына своей родины: Энде предан родной Германии. Писатель призывал своих коллег по цеху время от времени покидать родные места, чтобы накопившиеся впечатления суммировать и переплавить в творчестве: большое, как известно, лучше видно издалека. То же самое говорил старина Хэм, живописавший Париж в заметках «Праздник, который всегда с тобой»: невозможно толком рассказать о городе, находясь в нем, нужно уехать за пределы, чтобы сверяться уже со своими ощущениями и накопленными эмоциями.

Итак, мы уже знаем, что малышка Момо жила в заброшенном амфитеатре и дружила с жителями города. Самое время побольше узнать об истории.

Момо, взявшаяся из ниоткуда в большом городе, не осталась незамеченной: взрослые попытались выяснить, откуда взялась девочка, сколько ей лет и что она умеет, но их расспросы ни к чему не привели.

Ей самой казалось, что она была всегда, по крайней мере, лет сто и хотела бы остаться именно здесь: ранее Момо жила в детском доме и однажды сбежала оттуда. Взрослые решили оставить Момо в амфитеатре и навещать ее, чтобы накормить. Впрочем, скоро оказалось, что ходить гости к Момо – одно удовольствие, ведь она как никто другой умеет слушать.

Момо, которая никуда и никогда не торопилась, с удовольствием слушала каждого, кто приходил к ней. Такое всепоглощающее внимание помогало ее друзьям разобраться в своих неурядицах. Посвятив больше времени самим себе, они наконец находили ответы на мучавшие их вопросы, понимали не только себя, но и друга, с которым до этого были в ссоре из-за банального нежелания выслушать вторую сторону.

Вскоре в городе появились туристы необычного толка: Серые господа, притворявшиеся обычными людьми, в действительности были фантастическими паразитами, чье существование невозможно без человеческого времени.

Сбившись в общество «Сберкасса времени», Серые господа заключали сделки с людьми, обещая им бесконечное время, если только люди начнут копить его прямо сейчас. Каждый человек должен отказаться от развлечений и бессмысленных дел, чтобы сэкономить чертову уйму времени.

Вроде, неплохая идея – экономить драгоценные секунды, но только товарищи в сером выкрутили ее до абсурда. Ни на что в действительности у людей не остаётся теперь времени: они бегут изо всех сил, чтобы, как говорилось в английской сказке про Алису, остаться хотя бы том же месте.

В плену Серых господ оказались все жители города, от мала до велика. Все, кроме Момо. Нужно спасать друзей! Обсуждая на стриме вопрос нашего слушателя Сергея, Ира пришла к выводу, что нелепый наряд Момо – взрослая одежда, которую она

носит, не снимая – может быть символом тяжёлой ноши, которая взвалена на хрупкого ребёнка: именно Момо предстоит бороться за счастливую жизнь людей.

Однако борьба, из которой Момо вышла победителем, не оставила в душе девочки никаких отпечатков: Момо – константа, и вокруг нее все вертится. Настоящие измерения прошли не с заглавной героиней, а с ее друзьями и даже с Серыми господами. Кто-то из безжалостных врагов оказался в замешательстве, а кто-то и вовсе принял смерть с благодарностью.

Проводником к самому времени, вечному его хранителю, мастеру Секундусу Минутусу Хору (от лат. Хор – час) оказалась медлительная черепаха по имени Кассиопея.

Вот вам очередная метафора от Энде: чтобы сохранить время, не нужно торопиться!

Черепаха – настоящий любимец писателя. Как главный персонаж она появляется в другой сказке для самых маленьких – «Tranquilla Trampeltreu» (на русский язык, видимо, не переводилась). Царь зверей, Лев 28-ой, позвал всех животных на свою свадьбу. Черепаха, которая, тоже пустилась в путь, всю дорогу выдерживала насмешки зверей: да где ей успеть на торжество! Но черепаха пришла как раз к началу свадьбы, впрочем, это уже было бракосочетание 29-го монарха.

«Момо» в отличие от этой истории про черепаху (которая, между прочим, легла в основу огромной музыкальный пьесы) переводилась на русский неоднократно. Классическим считается перевод, который выполнил Юрий Иосифович Коринец (1982 г). Позже вышли переводы А. Исаевой и Е. Гамма.

Каких только необычных клубов ни бывает на белом свете. Клуб ветеранов Метростроя. Клуб поклонников Джона Леннона. Клуб любителей 13-го портвейна.Но мало кто из современников знает, что существовал в недалеком прошлом клуб Юрий Иосичей. Основали его три человека: Юрий Иосифович Коваль, Юрий Иосифович Домбровский и Юрий Иосифович Визбор.

Так же в этом клубе были Коринец и таксист Юрий Иосифович.

Момо переведена на три десятка языков. Обсуждая на стриме английский перевод и русский, мы нашли разницу в названии глав романа. На русском многие названия сталкивают противоположности (антонимы) в одном предложении, на английском такой прием зачастую не встречается вообще!

Так вот этих антитез в русских переводах масса (цитирую по версии Юрия Иосифовича):

Глава первая. БОЛЬШОЙ ГОРОД И МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Глава вторая. НЕОБЫЧНОЕ СВОЙСТВО И СОВСЕМ ОБЫЧНЫЙ СПОР

Глава третья. ИГРУШЕЧНАЯ БУРЯ И НАСТОЯЩАЯ ГРОЗА

Глава четвертая. МОЛЧАЛИВЫЙ СТАРИК И СЛОВООХОТЛИВЫЙ ЮНОША

Глава пятая. История для всех история для одной

И так далее. Все до буквы соотносится с оригиналом. Например, первая глава на немецком: ERSTES KAPITEL Eine große Stadt und ein kleines Mädchen

А вот как эти же самые главы даны в англоязычной версии «Момо» (Translated by J. Maxwell Brownjohn)

1. The Amphitheater
2. Listening
3. Make-believe
4. Two Special Friends
5. Tall Stories

Как это произошло? Не понимаю…

К переводу Юрия Коринца никаких нареканий нет – прекрасная работа! Единственное замечание, которое делают исследователи, касается одежды мастера Хора. Мастер Хор дважды меняет свой наряд, чтобы наконец предстать перед Момо в костюме, соответствующем настоящему времени. Чуть позже он задаст девочке загадку про время: там будут три брата – настоящее, прошлое и будущее. Вот и смена одежд мастера Хора должна была отразить эту перемену, но по непонятной причине такого (в русской версии) не происходит.

Итак, роман «Момо» – безусловно заметное явление, важно, чтобы и взрослые, которые вечно торопятся куда-то, замедлились и прочитали его. Возможно, именно тогда нам удастся услышать тонкий голос нашей совести, утопающий в грохоте суеты сует.

Юлия Евдокимовская

29 марта:

Обещал про хорошие книги и пропал. Исправляюсь.

Ксения Буржская «Дегустация»

Тут надо сразу сделать оговорку. Ксения – моя добрая подруга. А еще – я был одним из бета-ридеров этого романа (аудиосериала). Поэтому не могу быть беспристрастным. С другой стороны, а кто может?

Про предыдущую книгу Ксении «Пути сообщения» уже говорили, что это роман, тяготеющий к фантастике. Про «Дегустацию» можно было бы сказать определенно, что это роман целиком фантастический: тут вам и обмен телами, и параллельные миры, и машинка (ха-ха вы, прочитав, поймете, насколько это здесь смешно) перемещения, и даже профессор ~~Иванов~~, объясняющий ~~аспиранту Петрову~~ особенности мультивселенной.

В общем, можно было бы сказать, что автор, наконец, освоил инструментарий жанровой литературы. Можно было бы, только не нужно – поскольку это здесь мало что рассказывает о самом тексте.

История «примерки» на себя разных жизней. Бег в колесе несчастного в браке (и не только) писателя Глеба, его любовницы, его персонажа и его дочери. Перетекание и смешение реальностей. Все это ценно не сюжетными изгибами, не языковыми находками, не по-настоящему «мишленовскими» кулинарными этюдами. Перечисленное тоже на своем месте, но.

«Дегустация» хороша тем, что для меня вообще отделяет отличную литературу (музыку, кино, etc) от всей прочей.

Был такой хороший пирожок:

вот мастер нарисует дыню
и ты узнаешь в ней себя
а на твоем рисунке даже
и дыню толком не узнать

Так вот в «Дегустации» ты в каждой, простите, дыне узнаешь себя (и не себя тоже, и вообще всех). И недоумеваешь, где Буржская это подсмотрела, какие телепаты на службе у КГБ помогли ей залезть в голову мужчинам и женщинам, людям теряющим и людям потерявшим. Как ей удается выйти вот на эту трагическую ноту, когда ты сам ощущаешь себя потерянным и рассыпавшим самое важное.

Очень трудно синтезировать чувство на страницах, и особенно – привить им читателя. Еще сложнее, переключать чувства, будто встряхивая трубку калейдоскопа. И вот Буржской в ее калейдоскопе самых разных жизней, которые «пробуют» герои, это определенно удается.

Редкий, исчезающий случай.

«Пути сообщения» были более изысканным, изящным и даже несколько эстетским текстом. «Дегустация» куда более прямолинейна и, казалось бы, бесхитростна – несмотря на магию фантастических допущений. Зато она бьет сильнее и попадает точнее.

Иногда даже хочется, чтобы, наконец, промахнулась. Но нет.

Дмитрий Захаров

меня часто спрашивают (нет), как человеку писателю работать над текстом вне дома, когда его кот – как раз-таки дома спит и ловит во сне рыбов

кто укоризненно присмотрит за человеком писателем?

Отвечаю

К.А.Терина

Расскажу вам про **The 2026 World SF Bundle**.

Каждый год под кураторством Лави Тидхара на платформе Storybundle выходит подборка мировой НФ. Наверное, Лави Тидхар в первую очередь известен как писатель – и не напрасно, потому что писатель он замечательный. Его «Центральная станция» – один из моих любимейших романов-в-рассказах, но люблю и отдельные рассказы, которые я нередко встречаю в журналах. Одна из узнаваемых черт его прозы – подчёркнутая внежанровость сюжетной арки. Почти каждый раз ему удаётся такой фокус: рассказывать истории, избегая привычных жанровых схем, но при этом не оставляя у читателя чувства разочарования. Нет ощущения, что истории его ни о чём, они всегда очень даже о чём-то, но – непривычным образом.

Это самое «непривычным образом» – для меня одна из главных составляющих хорошей прозы и – одна из причин, по которым жизненно необходимо ходить на неизведанные территории не просто переводной литературы, но литературы не западоцентричной.

И вот Лави – один из тех людей, которые год за годом толкают этот камень в гору англоязычного рынка. И здесь уже он выступает как редактор и культуртрегер, и в этой роли он одна из самых заметных фигур на не слишком людной площади амбассадоров разнообразия мировой фантастики: серии The Apex Book of World SF, The Best of World SF и вот ежегодный Storybundle.

От могучей фигуры Лави возвращаюсь к основной теме, а именно: несколько дней назад вышел и ещё двадцать четыре дня будет доступен для покупки The 2026 World SF Bundle под редакцией Лави Тидхара. И это россыпь современной фантастической прозы от короткой до длинной, в каковую (россыпь) угодила и моя горсть самоцветов (говорю не без гордости). Мгновенный снимок мировой фантастики за последние несколько лет, но и с классикой в фундаменте и в качестве паровозов-пейсмейкеров. Здесь это сам Лави Тидхар и Алиетт де Бодар.

1. **ChloroPhilia** by Cristina Jurado (translated by Sue Burke)

2. **Broken Paradise** by Eugen Bacon (Australia/Uganda)

3. **The Last Pantheon** by Tade Thompson & Nick Wood

4. **The Tea Master and the Detective** by Aliette de Bodard

5. **Ecoceanic** (edited by Tarun K. Saint & Francesco Verso)

6. **Veg-humans** by Clelia Farris (translated by Rachel Cordasco)

7. **Futures to Live** By by Ana Sun

8. **Cities Are Forests Waiting to Happen** by Cécile Cristofari

9. **The Grief Hole** by Kaaron Warren

10. **Black Hole Heart and Other Stories** by K.A. Teryna (translated by Alex Shvartsman)

11. I**nterstellar MegaChef** by Lavanya Lakshminarayan

12. **Central Station** by Lavie Tidhar

13. **Letters From an Imaginary Country** by Theodora Goss

14. **New Adventures in Space Opera** (edited by Jonathan Strahan)

15. **The Map of Lost Places** (edited by Sheree Renée Thomas & Lesley Conner)

Для меня этот сет – что-то вроде наборов ароматов, лучший способ ознакомиться с разнообразием фантастической прозы, предварительно делегировав ресёрч надёжному человеку в лице Лави Тидхара. Так что я его купила и вам рекомендую.

Двадцать четыре дня!

К.А.Терина

Забыл сказать, ещё книжка вышла.

...Важно то, что всегда, и тогда – тоже, был великий Толстой, который спас Россию во время Смуты.

Так то и называлось в школьных учебниках истории – Вторая Смута, оба слова с большой буквы.

Во время страшной войны, когда разваливалось все, он встал посреди хаоса и смертоубийства и остановил Гражданскую войну. Страшно было бы подумать, не окажись тогда Толстого, если бы он умер раньше – но тех семи лет хватило, чтобы Россия успокоилась.

Вокруг Толстого сплотились лучшие люди – и остановили насилие его именем.

Никто не смог сделать того – ни царь, ни Церковь, ни мутные революционеры .

Толстой умер в двадцать четвертом.

Папа говорил, что сам Толстой просил похоронить себя где-то в лесу, в тайном и укромном месте, но его товарищи не послушались. Так что теперь на Красной площади, прямо у Кремлевской стены, был насыпан скромный холмик – без креста и надписи. Надпись была не нужна – все знали, кто там.

И нет, там не только эта история.

Владимир Березин

Анна Старобинец «Хроники пепельной весны. Магма ведьм»

После Великой Нуклеарной Порчи миновало семнадцать веков. То немногое, что осталось от человечества, обитает на горстке вулканических островов, именуемых Блаженными, постоянно сражаясь за жизнь. Все стало другим, включая человеческую физиологию, а от биосферного разнообразия уцелела горстка видов, включая мутировавших муравьев, которые увеличились до размеров лошади. Блаженными островами правит королева, и, сообразно логике и эстетике нового Средневековья, имеется церковь и инквизиция. Новоиспеченному инквизитору по имени Кай предстоит разобраться в подоплеке загадочных событий, происходящих в поселке Чистые Холмы: предположительно, там свирепствует порча, наведенная молодой и симпатичной ведьмой Анной – портнихой, которая шила своим клиенткам поразительные платья небесновидного цвета; того, который можно увидеть лишь во сне, ведь наяву небо постоянно затянуто тучами, из которых идет черный снег. Если точнее, вина Анны всем кажется очевидной, и все же Кай хочет именно разобраться, дойти до сути, установить, кто на самом деле виновен в происходящем.

Первое предупреждение: эта книга очень телесная. Не в том смысле, о котором вы могли подумать, откровенных сцен в ней нет. Но есть множество подробностей, связанных с изменившейся физиологией людей, и эти подробности таковы, что многих читателей отпугнут. Отчасти жизненный цикл постапокалиптического человечества напоминает то, что было описано в рассказе Рэя Брэдбери «Огонь и лед», хотя живут герои Старобинец не восемь дней, а дольше, и меняются по-другому. Жутковатая задумка, к которой сложно привыкнуть, и до самых последних страниц многое заставляет внутренне вздрагивать.

Второе предупреждение: не ждите новых «Лисьих бродов». «Броды» были чисто жанровой штукой, классическим остросюжетным приключением, а с «Магмой ведьм» все гораздо сложнее. Формально это детектив в атмосфере постапокалипсиса и антиутопии, с элементами научной фантастики, то есть, вроде бы, тоже жанровое чтиво, просто другое. А на самом деле автор водит читателя за нос, чтобы в определенный момент сломать канон, посягнув прямиком на известнейшую структуру «путешествия героя» – ту самую, на основе которой сконструировано так много историй, что мы, читатели, в 9 случаях из 10 способны предсказать развитие сюжета. Так вот, «Магма ведьм» – это последний, 10-й случай.

Детективный элемент «Магмы ведьм» требует известной осторожности в написании отзыва, чтобы невзначай не подтолкнуть читателя к мысли, что убийца – дворецкий. Но, кроме детективного сюжета, в романе есть еще много всего: страшный, оскудевший, до дрожи мрачный мир, пропитанный безнадегой; подробно описанные муравьи-мутанты; новое (или до боли знакомое) социальное устройство вкупе с новой религией, основанной на поклонении Господу Джи; корпус сказок и легенд, из которых, как из осколков, складывается зеркало троллей, а в нем мы видим шокирующее отражение собственных стереотипов.

Ведь так легко, ужасающе легко увидеть в персонаже то, что хочется, а не то, что есть на самом деле. Противостояние рациональности и мракобесия представляет собой полноценный спектр, а не шкалу, на которой обозначены всего два деления, «человек науки» и «дремучий фанатик». Нельзя быть чуть-чуть беременной, но ничего не мешает иметь рациональные взгляды в одной области и следовать бредовым догмам – в другой. На самом деле, в жизни такой расклад встречается куда чаще, чем беспримесные варианты, экстремумы. И это, как показывает читательский опыт с «Магмой ведьм», очень опасно. Таков лично для меня главный урок этой книги.

Сюжет в «Магме ведьм» законченный, однако «Хроники пепельной весны» задуманы как цикл, и продолжение я буду ждать с интересом, потому что об этом мире, по-моему, можно рассказать еще немало историй.

Рекомендую лишь тем, кто принимает некомфортные книги. В противном случае вам будет больно, и не один раз.

Наталия Осояну

30 марта:

Несколько лет назад мой soul mate Дима Захаров сначала невольно, затем специально стал знакомить меня с какими-то новыми музыкантами, которые потом так или иначе ассоциировались с его текстами. Свеженькие «Репродуктор(ы)» (РЕШ, 2026) не исключение. Хотя, кажется, здесь больше подойдет не Shortparis, а Mirabile futurum в исполнении детского хора, но этот саундтрек уже застолбил Виктор Пелевин.

Новая старая история с измененным названием фабульно чуть знакома тем, кто читал ее еще 10 лет назад. Но все же автор переработал первоисточник, наполнив его, как мне показалось, веселой яростью и почти не свойственным Захарову оптимизмом (что тоже надо суметь считать между строк – написавшему блерб Василию Владимирскому так не показалось). Хотя, конечно, под обложкой все те же кафкианский сон при температуре 40, производственный роман, в котором шестеренки корпорации крутятся согласно внутреннему регламенту и Хитрому Плану, невзирая на генеральную линию, герои с вечным «вив ля резистанс» в сердце, героини с модусом Феи летающего домика и, конечно, медведи. Не такие обаятельные, как мой любимый Сема из «Кластера», но тоже знаковые фигуры, теряющие свою идентичность, занимающие какие-то ступеньки на социальной лестнице, но раз за разом оказывающиеся в Медвежьей Яме.

Одиозный ведущий умирает в прямом эфире, катализируя сюжет, панику в главном медиа Рубежного Союза и социально-политическую многоходовку с несколькими персонажами. Описанный Захаровым мир абсурден и в характерной для дистопий парадигме устроен на первый взгляд довольно просто: государство-победитель в глобальном

конфликте тщательно изолировано от внешнего мира; на этом острове-самом-по-себе живут не только люди, но и антропоморфные медведи, которые одновременно и символ (из всех одобряемых игрушек остались только плюшевые мишки), и самая дискриминируемая страта. Люди в целом привыкли к текущему положению дел, но у молодежи появляется все больше вопросов к застывшему укладу и, столкнувшись с бюрократическими жерновами, кое-кто начинает подозревать, что в жизни может быть несколько сценариев, более того, написанных теми, кто эту самую жизнь живет, а не спущенную директивно (читавшие Сапольски помнят, что свобода воли тоже миф, но к этому горькому выводу можно прийти и эмпирически, что некоторые персонажи и сделают).

«Репродуктор(ы)» в известной степени рекурсионны в своей демонстрации разных подходов к одному и тому же снаряду. Поначалу линии кажутся чуть разрозненными, едва ли не выделенными новеллами, жужжалки (к обоюдной с автором радости, разгадала зашифрованные пасхалки) сбивают с толку, но постепенно, когда спираль начинает складываться в диск, доходит, что это и есть репродукция: воспроизведение вторичного смысла до тех пор, пока он не нарастет как лед в старомодной морозилке и не отпадет под собственной тяжестью, потому что барахлящая коробка уже начала перегреваться. Правда, не все успеют отскочить. Но как там по Ротшильду? Владеющий ретранляционной вышкой владеет чем-то бóльшим.

Анастасия Шевченко

В нашем городке была спичечная фабрика, и одним из самых классных наших детских развлечений было такое – перелезть через фабричный забор, стащить несколько больших кусков фосфорной массы, которой мажут спичечные коробки, дождаться темноты, и устроить игру в футбол таким мячиком. От трения об асфальт он загорался синеватым пламенем.

Алексей Андреев

Кстати, интересный (и по-своему острый) сюжет – противостояние советских журналов, печатавших фантастику в 1970-1980-х. Для стороннего наблюдателя противостояние незримое, но от этого не менее жесткое. На одном полюсе – **«Техника – молодежи»** (орган ЦК ВЛКСМ) с его «тунгусским дивом», криптозоологией, загадками атлантов, мумиём, «русскими этрусками» и прочей круто сваренной псевдонаучной хренью. На другом полюсе – **«Химия и жизнь»** (орган АН СССР), **«Знание – сила»** с бойкими и остроумными статьями о кибернетике, ядерной физике, молекулярной биологии и т.п. Ну

и отчасти **«Вокруг света»** еще, в нем тоже фантастику публиковали регулярно. В ТМ Владимир Щербаков, Юрий Медведев и прочие «молодогвардейские» деятели дорогие гости, в ХиЖ и ЗС – Булычев, Стругацкие, Штерн, Лукины, Рыбаков, Столяров, Логинов, Руденко, Геворкян. В ВС фокус в первую очередь на переводную литературу, зато там окопался Виталий Бабенко, староста Московского и Малеевского семинаров, тот же Булычев регулярно захаживал и другие приличные люди.

Как ни удивительно, у ученых литературный вкус в итоге оказался существенно лучше, чем у комсомольских функционеров. Хотя, казалось бы, где химия – а где Штерн с его бесконечными аллюзиями и литературными отсылками. А вот: если мозги не окончательно сгнили на бесконечных партсобраниях, хорошую литературу от плохой не так уж сложно, оказывается, отличить.

Василий Владимирский

31 марта:

Ксения Буржская «Дегустация» (Яндекс Книги, Альпина.Проза, 2026)

Хрестоматийная тема убегания от себя – целина для автора, который в предыдущих текстах себя уже нашел, можно двигаться в другую сторону. Попытки сыграть в ящик с котом Шредингера еще не настолько сквозные, вернее, для русского поля экспериментов не совсем характерные*. Провокационные заявления и технооптимизм и вовсе верхушка холивароемкого айсберга, тут главное помнить о правилах поведения в социалистическом общежитии, о том, что нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется, и о том, что прогресс неизбежен, как бы нам ни(не) нравились его плоды и побочные эффекты.

В одной реальности Глеб копирайтер, в другой писатель, в третьей ему ничего не остается как стать писателем (коллеги, вы ведь помните этот зуд, когда НАДО ЗАПИСАТЬ), а вот еще одна реальность и кто это прошел мимо, не персонаж ли, а может, персонажица, или, секундочку, перехода не было, но глядите-ка: мужик по имени Глеб уже ворует нашу личную историю, напихивая в нее свои интерпретации и комплексы. В смысле почему «мы»? Ну так получилось, нас ведь теперь двое, мое исчезающее Эго, Ид и Сверх-я и новая роль, в которую я случайно влез. Влезла. Влезли. В общем, так получилось. Да как вылезти-то? Можно ли вылезти? Можно, отвечают физики. Просто сонастройся со своим полем и вибрируй... (а нет, простите, вкладка с мессенджером была открыта, там родительский чат из коридора затмений выходит).

Если серьезно, Буржская написала фантастический роман, намеренно бесшовно переключающий реальности, в которых герой и автор зашли не в ту дверь и теперь на 900 оборотах крутятся, пытаясь не забиться в пододеяльник метапрозы. Получилась метафора творческого затыка и попыток примерить шкуру потенциально идеального другого, хотя все равно не можешь ничего проконтролировать и получается не как лучше, а как всегда. Вопросы при этом задаются вечные: о кризисе среднего возраста, любви к себе (за счет недостаточной, как часто кажется, любви к близким), о невытравляемой потребности делать дело, к которому прикипел физически. Иногда от этих переключений испытываешь небольшое вертиго – не зря вращение барабана в стиральной машине один из ключевых образов. А еще, поскольку один из персонажей сушеф, Буржская консультировалась с Иваном Шишкиным (автором «Жареных фактов») и во время чтения некоторых фрагментов то есть хочется, то

пойти «дефлопе из полабы с семечками кациуса» приготовить.

Останавливает головокружение персонаж-физик – немного дидактически он, как и полагается резонеру, появляется, чтобы объяснить главному герою и читателям, что все мы попали во вселенную, где, как ни пытайся стать лучшей версией себя, будешь недоволен, пока не повзрослеешь и не научишься отделять цветное от белого (в интернете, кстати, ловушки цвета давно продаются. Или пользоваться ими тоже лукавство?). Неплохо еще помнить, что это жанровый текст и при всей ртутности сюжета держится он на жанровой арматуре, поэтому при всей Ксениной прогрессивности в нем есть несколько довольно консервативных (и утешающих) решений.

*Наверное, я не сильно погружена, но из лежащего на поверхности моей куцей оперативной памяти англоязычные Нил Стивенсон с Николь Галланд и их «Взлет и падение ДОДО» (Fanzon), по части замкнутого в ленту Мебиуса безумия происходящего – «Пиранези» Сюзанны Кларк (Азбука); обе книги перевела Екатерина Доброхотова-Майкова; возможно, сюда же «Межзвездный скиталец» Джека Лондона и проходная в целом киношка «Эффект бабочки» с Кутчером, но там, кажется, про теорию хаоса, а не квантовые запутанности~~, как у меня в одноименном рассказе. Сам себя не упомянешь, etc~~.

И дополнительная книга для легкого чтения – **Алексей Семихатов «Сто лет недосказанности» (АНФ, 2024)**: 25 эссе о том, что квантовая механика не дает точных ответов, как сбросить эмоциональное напряжение из-за того, что мир не такой, каким кажется, но пытается этот мир хотя бы объяснить. Или миры. Извините.

Анастасия Шевченко

Самое удивительное в научной фантастике сегодня – то, что она начинает сбываться быстрее, чем дописана книга, даже если изначально идея кажется невероятной и завирательной. В мире цифровых технологий и искусственного интеллекта бумажные книги вдруг снова становятся непреходящей ценностью – материальной и духовной.

Ульяна Бисерова

Солянка сборная «Аннотации фантастические, отрывки саркастические, силы неэпические» за три недели. Остерегайтесь подделок! Шедевры отечественной фантастики уникальны!

...Кто ж знал, что отца убьют, брата пленят, а родовой перстень, что передаёт знания и тайные техники рода, изберёт меня своим новым владельцем?..

...2047 год. Урал – технологическая столица новой Федерации. Айтишница Мира, родившая Кристину по указу партии...

...Кто-то убивает юношу, который был внешне похож на Митю и одет в его испорченный сюртук. А когда на Митю нападет волколак, сомнений не остается...

...Однажды дракон промахнулся и вместо принцессы украл меня...

...С одной весёлой, но и легкомысленной ведьмой по имени Бри случилась беда – неведомые воры угнали у неё избушку на курьих ножках...

...Смотря в его угольно-черные глаза, Су Ён лишь убедилась – этот мужчина станет либо её погибелью, либо спасением от самой себя. И лишь один вопрос гремел в её ушах: что она запомнит на всю жизнь? Вкус ментола или запах лаванды?..

...На опытного сталкера с позывным Рубин открывают охоту бывшие соратники...

...Как быть, если гувернантку увольняют за проступок, который она не совершала? Смириться? Нет. Дворянка и дочь боевого офицера не может покорно принять облыжные обвинения...

...Потревоженное кладбище в глухом селе Синий бор становится вратами в ад, выпуская на волю тайны, способные перевернуть мир. Журналистка Кассандра Лопухина и частный детектив Андрей Крымов, ведомые загадочным мудрецом Антоном Антоновичем...

...Первая часть, большая часть второй части и некоторые главы третьей части пятого романа и вторая повесть из приквельного подцикла цикла «Отблески Этерны»... [это не аннотация, но, согласитесь, это красиво]

...Танковые дивизии вступают в бой. Авианосцы под Андреевским флагом атакуют врагов империи. Так с пограничного конфликта, с топливного эмбарго, потопления англичанами российского судна разгорается пламя Великой Океанской войны. Весь мир в огне, но русских не сломить. Эта нация способна отстоять свои интересы в любой точке мира...

...И несущийся с крутого спуска американский грузовик, словно железный исполин, впечатал Толю в вечность, отправив душу на перерождение. Так наш герой сгинул в одном мире и очутился в другом, где властвовали высокие технологии...

...у Толи ума не велика палата, его IQ – всего шестьдесят одна единица. А в этом мире разум – самая ценная валюта, без которой никуда. Но не стоит списывать нашего героя со счетов! Опыта ему не занимать, смекалки хватит на десятерых. Наши парни везде пробьются и найдут своё место под солнцем...

...На самом краю обитаемого мира, там, где несет свои воды жуткая река Обь, а небо затянуто изумрудным огнем, стоит город Юргут...

...А за её руку и сердце также вступает в борьбу неприятный принц Востока Асвад...

...Космос загадочен и многообразен. Исследовать его можно бесконечно долго. Вот и герои рассказов известного российского писателя-фантаста Владимира Васильева...

...многочисленные потомственные бояре, поколения которых занимались истреблением монстров, не желают видеть рядом с собой каких-то безродных слабаков, предки которых сеяли рожь и занимались другими хозяйственными делами...

Николай Караев

Кикимора мужского пола? Да – в мистерии «Ижорский» поэта Вильгельма Кюхельбекера. Того самого декабриста, что учился вместе с Пушкиным в Царскосельском лицее.

Реже вспоминают, что Кюхельбекер был членом «Вольного общества любителей российской словесности» и питал любовь к русскому фольклору. Поэтому в «Ижорском» полно домовых, русалок, леших, оборотней. Есть и Шишимора, и Кикимора.

Впрочем, «Кикимора забавный» Кюхельбекера совсем не похож на кикимор из народных поверий. В нем проступает образ трикстера Пака из шекспировского «Сна в летнюю ночь». Есть у него и черты Мефистофеля, демона-искусителя.

Фёдор Панфилов

«СССРтм», Шамиль Идиатуллин
(«Альпина.Проза», 2025, 18+)

Только представьте – собрались ученые, инженеры, управленцы, рабочие и построили наукоград прямо в тайге. В школе детям преподают доктора и кандидаты наук, в цехах собирают лучшие в мире автомобили и даже смартфоны, у каждого сотрудника – честная зарплата, жилье, возможность учиться

и расти. И называется это все – Советский союз... Кажется, что если нормально делать – нормально будет. Не возвращаться в прошлое, а построить свое. Но героев ждут старые ошибки и новые поражения.

В «СССРтм» много персонажей, и на сюжетных виражах романа мы видим историю с разных точек зрения. Но главный герой, как мне кажется, Галиакбар Камалов или Алик – друг, влюбленный, юрист и управленец. Главы о нем написаны от первого лица, а еще наполнены самыми разными приключениями – от гигантской волны до выживания в тайге. На наших глазах производственный роман превращается в полифонический (или роман идей), а затем смешивается с триллером и психологической прозой. И от книги не оторваться.

Кстати, у главного героя запоминающийся речевой портрет: он много шутит, иронизирует над собой, в каждом диалоге можно искать пасхалки – я даже зачитывала куски романа мужу, чтобы он оценил отсылку или посмеялся вместе со мной.

Шамиль Идиатуллин описывает город-утопию так, что его можно увидеть своими глазами. Мороз в –40 щипает лицо, и сырой воздух шахты вдохнуть трудно, и руль машины под названием «кипчак» держать приятно... Все настоящее. И чувства к героям – тоже, поэтому с ними трудно расставаться.

Сибирякам особенно понравится роман – от описаний тайги до упоминания Новокузнецка, Томска, Новосибирска. Особенно приятно было прочесть об Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс» – еще одной большой мечте, которую воплотили на самом деле еще в 1920-х.

Что будет с Советским союзом – городом-утопией в Ваховском районе и людьми, которые в него поверили? Чтобы узнать это, нужно отправиться в путешествие вместе с ними, в котором будут и разочарования, и надежды. Радостно, что роман, написанный в 2010 году, вернулся к нам именно сейчас – когда в надежде мы нуждаемся больше всего.

Даша Кельн

Лонгриды:

Между Пролеткультом и Госпланом

Алексей Караваев. Краткая история советской фантастики: 1917–1931. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2025.

Советской НФ не очень везет со вдумчивыми исследователями и кропотливыми хроникерами. Казалось бы, в 1970–1980-х движение любителей фантастики охватило не только пресловутую «техническую интеллигенцию», но и изрядное количество филологов, историков, журналистов и прочих гуманитариев со справкой. Однако вот уже тридцать пять лет прошло с момента распада СССР, а полная, развернутая история советской фантастики так и не написана. Спецвыпуск «Советская фантастика» журнала «Мир фантастики» под редакцией Лина Лобарёва, изданный в 2022 году, свою миссию выполнил и привлек к этой теме дополнительное внимание – но в силу скромного объема (всего 160 полос) тянет разве что на тизер и полностью лакуну не закрывает. Факт печальный и, надо признать, удивительный – если вспомнить, сколько народа выросло на «старой доброй советской фантастике».

Пожалуй, ближе всех к созданию полновесной «Истории» подошел Алексей Караваев из Липецка, биолог по образованию, несколько десятилетий проработавший в книготорговой сфере, трижды лауреат премии «Двойная звезда», единственный автор серии «Как издавали фантастику в СССР». Его книга, напечатанная в конце 2025 года волгоградской «ПринТеррой», открывает то ли четырех-, то ли пятитомник, который по замыслу автора должен показать панораму семидесятилетнего развития отечественной НФ. Пока дело ограничилось самым ранним периодом, с 1917 по 1931 год, но лиха беда начало.

Справедливости ради, это отнюдь не первая работа такого рода: к довоенному периоду отечественные и зарубежные исследователи жанра как раз обращались неоднократно. Еще в 2014 году в Берлине была опубликована внушительная монография Маттиаса Швартца «Expeditionen in andere Welten. Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis in die Stalinzeit» (название можно перевести как «Экспедиции в другие миры. Советская приключенческая и научно-фантастическая литература от Октябрьской революции до конца сталинской эпохи»; на русском языке книга официально не издавалась). Советской фантастике с 1917 по 1941-й посвящена не слишком точная в деталях, но по-своему увлекательная «Падчерица эпохи» Кира Булычева, изданная в 2003-м. Об этом же периоде много говорится в книге Антона Первушина «12 мифов о советской фантастике» (2019). И конечно, в сотнях статей и эссе разных лет – правда, по большей части авторы некритично воспроизводят одни и те же нарративы, которые Первушин, не мудрствуя лукаво, именует мифами.

У первого тома «Краткой истории» Караваева есть несколько серьезных конкурентных преимуществ. Во-первых, автор прочитал (или внимательно перечитал) сотни раннесоветских фантастических повестей, романов и рассказов, причем не только сочинения литераторов первого ряда. Сама по себе задача нетривиальная: чтение это порой совершенно невыносимое. Как иронизирует Караваев по поводу романа Марка Максимова «Шах и мат» (1924): «Язык истории беспощадно революционен: „Он кивнул бритым лицом и уселся в стул“». И этот подвиг самоотречения был не напрасен:

автору «Краткой истории» удалось избежать поверхностных трактовок и свести к минимуму фактические ошибки, которыми изобилует, например, книга Булычева или сборник статей Всеволода Ревича «Перекресток утопий».

Во-вторых, в отличие от большинства своих коллег, Караваев ставит во главу угла не отвлеченные рассуждения идеологов и «теоретиков жанра», а реальную издательскую и книготорговую практику в СССР 1920-х. Разрыв между реальностью, данной нам в ощущениях, и официальными декларациями в России всегда был чрезвычайно велик, нередко планы редакций так и оставались лишь на бумаге, а клятвенные обещания никто и не планировал выполнять, об этом автор «Краткой истории» не забывает ни на секунду. Безумные профессора, лучи смерти, марсианские ракеты, говорящие отрезанные головы, Мировая Революция, победно шагающая по планете, – все это существовало не в мире чистых абстрактных идей. Полиграфические возможности, логистика, экономическая целесообразность, читательский спрос властно диктовали вектор развития НФ. К примеру, в период нэпа советские издатели (и писатели) любили поговорить о создании «новой, революционной, классово близкой фантастики» – однако печатать все-таки предпочитали переводные рассказы, повести и романы. Не только потому, что те были профессиональнее написаны, но и по чисто финансовым причинам: так, в 1928 году гонорарная ставка за оригинальную литературу в СССР начиналась от 100 рублей за печатный лист, а за переводную варьировалась от 35 до 50 рублей, причем роялти зарубежным правообладателям советские издатели, естественно, не платили.

Такой подход диктует и хронологические рамки: именно в 1931 году с переходом на плановую экономику в книжной сфере бурный поток ранней советской фантастики превратился в тонкий затхлый ручеек – стремительно, буквально за несколько месяцев. Закрывались журналы, ликвидировались частные издательства, теряли рабочие места беспартийные редакторы, сворачивались книжные серии, усиливался идеологический контроль. Успешные проекты предыдущих лет, дойные коровы эпохи нэпа, почти поголовно оказались пущены под нож. Первый съезд Союза советских писателей в 1934 году прошел уже совсем в другой атмосфере – и Караваев предусмотрительно не ставит телегу впереди лошади.

По наблюдениям автора «Краткой истории», к концу 1920-х отечественные издатели вплотную подошли к созданию уже не универсальных журналов авантюрной прозы, где в одну кучу свалены «приключения, путешествия и фантастика», а специализированной НФ-периодики – напомню, что в США первый такой журнал, «Amazing Stories» Хьюго Гернсбека, появился в апреле 1926-го. На чем Караваев не делает акцента, так это на важном конкурентном преимуществе, которым обладала советская фантастика, – хотя подчеркнуть этот нюанс, пожалуй, стоило бы. Разумеется, в раннем СССР (как до того в Российской империи) литературу делили на «высокую» и «низкую», вульгарную и изысканную, развлекательную и серьезную. Но этот барьер еще не достиг заоблачных высот, вплоть до конца нэпа он оставался вполне преодолимым. Авантюрно-приключенческую и научную фантастику писали в СССР Платонов и Булгаков, Илья Эренбург и Валентин Катаев, Всеволод Иванов и Виктор Шкловский. Даже Корней Чуковский, яростный противник всяческой «пинкертоновщины» с дореволюционных времен, не избежал искушения

и сочинил роман «Бородуня» о гениальном изобретателе и приборе для управления погодой.

В американской литературе тех лет акценты были расставлены гораздо жестче: трудно представить Хемингуэя, который между «Фиестой» и «Прощай, оружие!» сочиняет роман о полете на Марс, или Фолкнера, просиживающего ночами над повестью о лучах жизни и амфибиях-переростках на подступе к Вашингтону. Чтобы как-то сдвинуть эту границу, американцам понадобилось почти тридцать лет усердной работы. Между тем в Советском Союзе 1920-х обращение серьезного автора к «легкомысленному жанру» само по себе мало кого смущало – куда сильнее литературную общественность в те годы беспокоил вопрос «дует ли его ветер в паруса революции?», а если дует, то в каком направлении и с какой скоростью.

И все же главное, чем «Краткая история» выгодно отличается от других книг на эту тему, – это комплексный подход, системность и последовательность. Караваев рассказывает о советской фантастике 1920-х как о единой экосистеме: какие темы доминировали, как развивались разные направления на разных площадках, как строилось важнейшее жанрообразующее взаимоотношение журналов и книжных издательств, какие внешние обстоятельства, политические и экономические, влияли на писателей и редакторов. «Красная новь», главный литературный журнал раннего СССР, печатавший Толстого и Грина; спецвыпуск сатирического «Смехача», полностью посвященный, как сказали бы сегодня, «сценариям будущего»; «Мир приключений» и «Всемирный следопыт»; тонкие брошюрки, в которых публиковались с продолжениями романы про «красных Пинкертонов»; Петр Сойкин и Владимир Попов, Евгений Замятин и Александр Беляев, Валентин Катаев и Михаил Зуев-Ордынцев – все они связаны множеством незримых нитей.

Об этих пересечениях, этом взаимном влиянии, притяжении и отталкивании Алексей Караваев, очевидно, мог бы рассказать подробнее (и, в общем, кое-что сказал – например, в книгах «Фантастическое путешествие „Вокруг света“» и «Назовем его „Всемирный следопыт“»), но «Краткая история» на то и краткая. Жизнь советской фантастики не заканчивается 1931 годом, Госплан нанес «литературе авантюрного жанра» тяжелый, болезненный, но не смертельный удар.

В первом томе «Истории» этот путь только начинается: нас ждет рассказ о «теории ближнего прицела» и фантастах-шестидесятниках, о разгроме редакции Сергея Жемайтиса и о Четвертой волне, о журналах «Техника – молодежи» и «Химия и жизнь», Ефремове и Стругацких, фэнзинах и конвентах. Впереди еще три (или четыре) книги, масса событий, сотни имен и названий. Продолжение следует – если, конечно, Алексею Караваеву хватит упорства, здоровья, времени и сил, чтобы довести этот амбициозный проект до конца.

Василий Владимирский

4 марта 2026

https://gorky.media/reviews/mezhdu-proletkultom-i-gosplanom

Курсовая работа

В конце прошлого года в волгоградском издательстве «ПринТерра-Дизайн» небольшим тиражом вышла книга Алексея Караваева «Краткая история советской фантастики. 1917–1931» – продолжение многолетних исследований автора и первая часть большого, богато иллюстрированного труда. Писатель Шамиль Идиатуллин считает, что публикация этой книги – нерядовое событие и повод вспомнить, с какими приключениями, препятствиями и малоизвестными сюжетами развивалась в России фантастическая литература. По просьбе «Полки» Идиатуллин подробно рассказывает о том интереснейшем материале, который вошёл в «Краткую историю».

Алексей Караваев. Краткая история советской фантастики. 1917–1931. ПринТерра-Дизайн, 2025 год

Четвёртая высота

В самый канун 2026 года вышло издание, уникальное не только по отечественным меркам: «Краткая история советской фантастики. 1917–1931» Алексея Караваева. Гигантский том альбомного формата с альбомным же подходом к оформлению и подаче (полтысячи полноцветных картинок на 240 мелованных страниц, яркая суперобложка с портретом подозрительно похожего на наркомвоена Троцкого красного профессора, отправляющего в межзвёздный эфир ракетопланы, работы культового уже книжного иллюстратора Сергея Шикина, а под суперобложкой – та же картина на ледериновом переплёте) издан и напечатан не в Китае и не в столицах, а в небольшом волгоградском издательстве «ПринТерра-Дизайн» тиражом 500 экземпляров, который разлетелся за месяц. Этому не помешали ни новогодние каникулы, ни предельно узкий канал распространения (через один-единственный маркетплейс), ни впечатляющая цена, почти целиком, по словам автора, который явно не лукавит, состоявшая из типографских затрат.

Назвать этот подход и пример беспрецедентным мешают только сам Караваев и его издатель. Потому что такой номер они проделывают уже в четвёртый раз. С 2017 по 2020 год «ПринТерра-Дизайн» ровно в таком же оформлении (разве что без полноцветной печати по ледерину) выпустила три книги автора цикла «Как издавали фантастику в СССР».

Первая из них, «4 истории», состояла из безудержно иллюстрированных эссе о паре легендарных книжных серий («Библиотека приключений и научной фантастики» и «Зарубежная фантастика» издательства «Мир»), об истории публикации фантастики в журнале «Техника – молодёжи» и об эволюции советского научно-фантастического очерка.

Вторая, «Фантастическое путешествие «Вокруг света», рассказывала о более чем столетней многотрудной жизни знаменитого журнала.

Третья, «Назовём его «Всемирный следопыт», была посвящена куда более краткому и грубо оборванному существованию другого журнала, всё равно успевшего стать системообразующим для советской жанровой прозы.

Серия вывела изучение истории отечественной литературы на принципиально новый уровень, привела в восторг знатоков, удостоилась нескольких панегирических рецензий, при этом оказалась не слишком замеченной ни широким читателем, ни ценителями умных книг, ни академической средой. Такое отношение досадно, но совершенно

не ново. Отечественная фантастика и фантастиковедение редко удостаивались всеобщего внимания. Малозаметность иногда помогала им выживать вопреки куда более серьёзным обстоятельствам.

Наука побеждать

Всякое литературное направление возникает как ответ на общественный запрос либо неявный и невнятный позыв коллективного бессознательного. В последнем случае проснувшийся разум спешит решительно отмежеваться от чудовищ, вызванных его же сном.

Литература и искусство в целом фантастичны с самого начала: они возникают чудом не в самом приспособленном для этого месте и времени, они исконно опираются на идеалистические, как принято было говорить в советскую эпоху, представления и они всяко уж представляют собой плод вымысла – fiction, этим всё сказано.

Термин science fiction (SF), который на русский принято переводить как «научная фантастика» (НФ), ровно сто лет назад ввёл в оборот (чуть в другом виде, scientifiction) отец-основатель НФ как массового явления Хьюго Гернсбек. При этом как не очень массовое явление НФ возникла, само собой, раньше – не во времена былинные, библейские или античные, конечно, и даже не в эпоху Просвещения или в рамках романтизма и готики, подаривших читателю солидный корпус романов, живописавших невозможных героев (лилипуты, императрица Пылающего мира и монстр Франкенштейна) в небывалых условиях (Атлантида, Лапута или Луна). Мифы, сказки и сказания о драконах и чудовищах к фантастике не относятся: их авторы исходили из правдивости и достоверности своего рассказа, они не придумывали ангелов, демонов и драконов, а описывали общепризнанную реальность.

Фантастика появилась, когда значимым элементом сюжета стал заведомо невероятный объект, условие или действие. Это нововведение обостряло драматургию, усиливая любое рутинное действие, но было игрой ума – до начала научно-технической революции, когда невероятное принялось распускаться в жизни на регулярной основе.

Научная фантастика стала ответом на НТР второй половины XIX века и описывала вполне обычного современника, жизнь которого меняют научно-технические, собственно, новации. Поначалу такие романы (Жюля Верна и его подражателей) были малоотделимой составляющей приключенческой литературы, просто с техническими прибамбасами вместо мистических или интриганских инструментов. А потом явился Герберт Уэллс. Он выдернул НФ из авантюрной условности и показал, как технологии, прорастающие сквозь постылый быт и скучную обыденность, ломают и рвут их навсегда. Реальность и размах угроз немедленно подтвердила цепочка войн – испано-американская, бурская, русско-японская, две балканских, – вылившаяся в Мировую.

И научная фантастика стала отдельным видом литературы. Остросоциальным видом, политизированным, выкручивающим до упора рукоятки настроек нормальной жизни, нагло обостряющим самые тупые и мягкие её стороны. В общем, классическим enfant terrible, которого проще или не замечать, или не выпускать из детской.

Так и поступили.

За несколько лет до смерти Уэллс в предисловии к переизданию романа «Война в воздухе» (1908) отметил, что лучшей эпитафией на его могиле было

бы «О чём я вам и говорил. Дураки вы проклятые». Переиздание вышло в 1941 году.

Детский сеанс

«Я фантастику в детстве любил» – широко распространённая мантра, которая должна свидетельствовать не только о том, что теперь-то я её (а по факту и всё остальное) не читаю, но и о том, что столь давнее знакомство позволило если не изучить поджанр во всех причудливых изгибах, то по крайней мере представлять его общие очертания. Однако попытка уточнить особенно любимых авторов часто оборачивается натужным мэканьем, итогом которого становится: «Ну вот Жюль Верн, например».

С советской фантастикой дело ещё хуже: в коллективном мышлении она, наша старая добрая, сводится к двум авторам (Александр Беляев и братья Стругацкие как единый писатель) и нескольким сюжетным тропам (яблони на Марсе, роботы, коварные пришельцы и путешествие во времени), которые, что характерно, не слишком вдохновляли как названных авторов, так и большинство неназванных. Напрягшись, коллективное мышление вызовет на свою поверхность Кира Булычёва, Владимира Обручева и, возможно, Александра Казанцева, а список тем пополнит человеком-амфибией, Великим кольцом и Зоной убийственных чудес, вишенкой водрузив древнюю фразу: «Фантастика – то, что жулики пишут для идиотов». И закольцует воспоминание снисходительно-виноватым: «Я фантастику в детстве любило».

Это не так уж плохо. Во-первых, советский детектив, хоррор и сентиментальный роман оставили по себе куда меньше воспоминаний. Во-вторых, любовь – это всегда хорошо. Кроме того, наша ситуация ничуть не уникальна: таким отношение к фантастике было везде и всегда.

Точнее, почти всегда. Многое изменилось в последние десятилетия, в первую очередь с подачи кинематографа и ТВ: почти до 1970-х в Голливуде гарантированным провалом считался любой фильм с космическими кораблями или обезьянами, а потом случились «Планета обезьян», «Кинг-Конг», «Чужой» и, главное, «Звёздные войны». Совсем многое изменилось в последние годы: теперь от половины до 90% самых громких фильмов и сериалов – патентованная фантастика, а авторы патентованно фантастических романов (достаточно упомянуть Дорис Лессинг и Кадзуо Исигуро) получают Нобелевку.

Россия, что характерно, держится в мировом тренде: с выходом караваевского тома почти совпало вручение премии «Большая книга» Эдуарду Веркину за совершенно фантастический роман «Сорока на виселице», топовые авторы от Евгения Водолазкина и Марии Галиной до Веры Богдановой и Алексея Сальникова охотно признают себя фантастами и в любом случае последние лет пятнадцать Виктор Пелевин и Владимир Сорокин остаются единственными литераторами, каждая книга которых становится гарантированным событием национального масштаба – и эта каждая книга, как ни крути, фантастическая.

Диалектическое совпадение этого обстоятельства с приведённой выше мантрой забавно, но опять же не оригинально.

Все они поэты

Советская фантастика провела большую часть почти 75-летней жизни в изоляции от зарубежной – временами абсолютной. Тем показательнее как следование общемировым практикам, так и отрыв от них.

Основной отрыв случился, естественно, на старте. Охваченная великой войной планета мечтала, как и предписано законами катастроф, о возвращении к норме – старой доброй довоенной. А Россия официально прокляла прошлое в полном объёме и объявила о наступлении принципиально новой эпохи: без классов, без денег, без собственности, без семьи, без религии, без границ, – словом, примерно без любых признаков примерно любой цивилизации. Короче говоря, это была эпоха химически чистой фантастики, отформатированной, правда, не в книжки, а в установочные статьи, выступления и декреты.

Впрочем, и более литературные формы вскипали повсюду, обуздываясь исключительно дефицитом бумаги. Многим удавалось обойтись и без неё, ведь видовые и жанровые границы в искусстве растворились первыми: токари писали стихи, а поэты – трактаты, легко перескакивая с польского или идиш на русский, из текста в графику, из очерка в синематограф, из театра в судебный очерк. И решительно отовсюду – в фантастику. Её в революционные годы сочиняли и маститые литераторы уровня Валерия Брюсова и Евгения Замятина, и учёные разной степени академичности, от Александра Чаянова до Константина Циолковского, и большевистские функционеры вроде Анатолия Луначарского и Алексея Гастева – но в основном, конечно, неопытные авторы, бурно откликавшиеся на любые призывы и конкурсы газет и журналов.

Писали они в основном про войны и революции – происходившие в России, в Европе, в Африке, на Тибете, на Марсе, – а также про злые козни капиталистов, чудеса науки (в основном находящие боевое применение) и про светлое будущее, более-менее совпадающее с теоретическими выкладками вождей и более-менее пугающее. Искусство принадлежало народу, входной билет в ложу творцов был бесплатным. Не то что сшибить червонец либо прославиться, а просто на миг прильнуть к завтрашнему дню, иногда боевому, часто сытому и упорядоченному, но всегда чарующему, хотелось почти каждому истерзанному разрухой и обременённому творческими мечтаниями гражданину республики.

И не только гражданину. Фантастику на русском вдохновенно сочиняли и совсем не советские граждане, включая живых классиков-эмигрантов Алексея Куприна и Алексея Толстого, а также белогвардейского генерала Петра Краснова.

Подробно об этом периоде и рассказывает новая книга Караваева.

Съест победителей

Краткое изучение вопроса заставит даже самого предубеждённого исследователя, отказывающего фантастике в праве считаться искусством, признать, что в Советском Союзе она развивалась и угасала неотрывно от литературных процессов, которые, в свою очередь, определялись процессами политическими (попутно и судебными).

Послереволюционный этап завершился чистками конца 1920-х годов. Из госструктур, с предприятий и, конечно, из редакций выгнали «бывших» (выходцев из дворян, купцов, священнослужителей, офицеров), оппортунистов (эсеров, анархистов, меньшевиков и большевиков-уклонистов) и «попутчиков» (лояльных работников неправильных взглядов и происхождения). Границы вернулись, стали частыми и непроходимыми, а пространство между ними – узким и подчинённым строгим правилам.

Новый режим существования литературы был зафиксирован созданием Союза писателей (1934): отныне писать могли только его члены, и писать

они могли в единственном формате – социалистического реализма. Описывался он невнятно, но общая идея была очевидной: у нас всё хорошо, а будет ещё лучше, а кто так не считает, тот враг, подлежащий уничтожению.

Подход был вполне фантастическим, поэтому большая часть книг, фильмов и картин на этом этапе держалась эстетики, характерной для раннесоветского палпа про огромные лаборатории, города-заводы, колосящиеся нивы, армады бомбовозов, серьёзных сталеваров, весёлых монтажниц, наивных инженеров, мудрых майоров госбезопасности и ушлых иностранцев, которые теперь, правда, были не журналистами или колеблющимися пролетариями, а сплошь шпионами.

Научной фантастике, у которой мейнстрим нагло украл сеттинг, лор и творческий метод, оставили две ниши: беллетризованных очерков о желательных достижениях советской науки, в том числе военной, и приключенческого детлита о победоносном применении этих достижений.

Первое направление в 1930 году задал лично Луначарский, только что снятый с поста наркома просвещения и ставший главой Учёного комитета при ЦИК СССР: «Нам нужен, так сказать, плановый роман. Нам дозарезу нужно изображение того, как будет через десять лет жить человек в тех самых социалистических городах, которые мы строим». «Дозарез» быстро перестал быть фигурой речи, так что большая часть перспективных фантастов 1920-х эмигрировала в так называемый реализм и детлит либо вовсе перестала писать. В 1930-е в СССР был всего один профессиональный, то есть живущий исключительно на гонорары, писатель-фантаст – Александр Беляев. И он все эти годы ваял именно что скучнейшие картины жизни советских городов через десять лет, а заодно урезал и высушивал под новый стандарт «ближнего прицела» свои тексты прошлого десятилетия.

Яркими образцами второго, милитаристского, направления стали роман Петра Павленко «На Востоке» (1936, Красная армия громит Японию) и повесть Николая Шпанова «Первый удар» (1939, Красная армия громит Германию). Редкие отходы от стандарта кончались печально. Ян Ларри, в начале 1930-х переживший уничтожающую критику в связи с «чудовищным искажением перспектив развития советского общества», но сумевший восстановить репутацию познавательной биологической сказкой «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937), в 1940 году решил вразумить вождей. В декабре 1940 года он начал высылать Иосифу Сталину анонимные письма с главами эксклюзивной, написанной исключительно для генсека, повести «Небесный гость», герой которой, марсианин XXI века, с удивлением узнаёт о тяготах жизни в благодатной советской стране. К четвёртой главе автора вычислили, арестовали и посадили на 10 лет (отсидел Ларри 15).

А Александр Беляев умудрился в 1941 году, после ряда занудных книжек «ближнего прицела», написать отчаянно поэтичный роман про летающего человека «Ариэль». Книга вышла в уже осаждённом Ленинграде. Практически весь тираж сгинул в печках блокадников.

Фантастическое недопущение

Послевоенное десятилетие в фантастике было даже грустнее, чем в мейнстриме. Довоенные книги почти не переиздавались, новые были обязаны звать молодёжь во втузы. Торжествовали темы «ближнего прицела», посвящённые триумфу геологоразведки, тучным стадам и нивам как результату химизации и автоматизации, сибирскому гибриду

ананаса и кедровой шишки, горизонтальному бурению урановых шахт и прочим техническим свершениям советского строя, которые вот-вот будут внедрены, но пока существуют только в воображении авторов. Авторов этих сегодня помнят только знатоки, хотя Владимир Немцов и Александр Казанцев не только издавались огромными тиражами до завершения советских времён, по мере необходимости переделывая старые тексты под новые идеологические требования, но и рулили издательскими (не допуская молодёжь к печати), а порой и общелитературными процессами (именно Казанцев на общемосковском собрании писателей 1958 года настоял на внесении в резолюцию требования о лишении Бориса Пастернака советского гражданства).

Из той эпохи, растянувшейся на 30 лет, старожилы припомнят ещё «Тайну двух океанов» Григория Адамова, ранние повести Ивана Ефремова и памфлеты Лазаря Лагина. Но всерьёз можно говорить только о текстах, опубликованных через 25–30, а то и 60 лет после завершения: например, Михаила Булгакова и Андрея Платонова. Это, конечно, совсем не НФ – но совсем НФ была старательно вычищена. Печатная история времён развитого соцреализма представляла собой выжженную и вымороженную полупустыню – которая, к счастью, всё-таки дождалась оттепели.

Взлётно-посадочная полоса

Советская фантастика знала два с половиной взлёта и множество жёстких посадок. Взлёт в начале 20-х случился благодаря нэпу. Как часть нэпа фантастический бум за несколько лет накормил страну, голодавшую не только физически, но и сенсорно, и как часть нэпа же был прибит в конце десятилетия, оставив не столько на развод, сколько на память четыре имени. Беляеву, Владимиру Обручеву и Алексею Н. Толстому, впрочем, пришлось быстро и грубо упростить свои оригинальные тексты в соответствии с требованиями новой эпохи. Александру Грину, умершему в 1932 году, хотя бы не довелось заниматься самоцензурой и переживать из-за посмертной уничтожающей критики. Фантастические повести Булгакова, а также роман «Мы» (1920) Замятина в СССР до последних его времён считали несуществующими.

Второй взлёт совпал с политической оттепелью и космическими стартами. Команду дала «Туманность Андромеды» Ефремова, журнальная публикация которой началась за девять месяцев до запуска первого спутника. К полёту Гагарина литературную орбиту уже освоили Аркадий и Борис Стругацкие, влияние и деятельное участие которых превратило советскую фантастику в мощное явление, интересное через тысячи километров и десятки лет. Плюс к этому люто изголодавшийся отечественный читатель получил невиданный доступ к зарубежной, причём вполне современной, фантастике, публиковавшейся сразу в двух сериях и составившей основу уникальной даже по мировым меркам «Библиотеки современной фантастики» (сероватые и розоватые томики 1965–1973 годов).

Оттепель завершилась вторжением в Чехословакию в 1968 году, марш к звёздам – гибелью четырёх космонавтов (в 1967 и 1971 годах) и поражением в лунной гонке (1969 год). Тут советскую фантастику и додавили. Единственная специализированная редакция в издательстве «Молодая гвардия» была разогнана, вместо хороших писателей стало принято издавать более идейно и социально близких, – как результат, неудобочитаемых. Фантастику в доперестроечное десятилетие печатали мало и преимущественно общеизвестную («Таинственный остров», «Человека-амфибию» и «Аэлиту» по трёхсотому

разу) или скверную, всё остальное было в дефиците либо под запретом.

Третий взлёт обеспечила перестройка. Тут уже воспрянувшую фантастику прихлопнуть не успели: СССР умер раньше. Советским авторам и издателям, ставшим вдруг российскими, пришлось самим позаботиться о своём упокоении, всё глубже погрязая в формульных сюжетах, коммерческих сериалах, новеллизациях видеоигр и реваншистских фантазиях про «попаданцев» в прошлое. Впрочем, это совсем другая история.

Критики нашлись

Фантастиковедению доставалось не меньше, чем опекаемой прозе. Его не только гнобили, встраивали в узкие рамки то пролетарской литературы, то соцреализма, то технической революции, то детского научпопа, но и заставляли обосновывать существование – своё и опекаемых – цитатами из работ вождей и партийных программ, клеймить недругов и славить живых классиков. При этом вождь в любой момент мог оказаться не отцом, а сукою, цитата – вредным призывом, недруг – вечным другом, а живой классик – неживой старательно замазанной строчкой в справочнике.

Литературоведение и художественная критика в таких условиях превращались в эквилибристику. И всё равно на этот шаткий путь вставали не только профессиональные критики и идеологи, но и писатели. Ефремов, Стругацкие, их единомышленники и ненавистники опубликовали десятки и не смогли опубликовать сотни публицистических текстов на вечные темы: «Что делать?», «Кто виноват?» и «Когда уже будет создан журнал фантастики?».

Подавляющее большинство работ посвящалось, естественно, оправданию текущего момента и борьбе за выживание, в том числе с оппонентами. Исторические экскурсы предпринимались преимущественно для того, чтобы показать единственно возможную правоту своего, а не соседского подхода. Непонятных, неудобных и неприятных моментов полагалось избегать, так что слепых зон в обзорах было больше, чем прояснённых.

Особенно показательным выглядит пример 24-томной межиздательской «Библиотеки мировой фантастики», запущенной в середине 1980-х 400-тысячным тиражом ради смягчения острейшего дефицита жанровой беллетристики.

Концепция серии родилась до старта перестройки и гласности, поэтому об отмене запретов или представлении новых названий и имён речи не шло – составили библиотеку исключительно переиздания, местами сокращённые. Советской фантастике 1920–40-х годов был отведён отдельный том, замечательно обошедшийся без фантастов. В книгу вошли урезанный роман Грина, главы из романа Леонида Леонова, повесть Константина Циолковского, а также рассказы Всеволода Иванова, Андрея Платонова и Вивиана Итина. О последнем составитель тома и комментариев к нему Дмитрий Зиберов сообщил самую малость: родился в Петербурге, с 1917 года начал пробовать себя в прозе, вступил в партию большевиков, работал в газетах, журналах и органах советской власти, «много сил и энергии отдал собиранию литературных талантов Сибири», «жизненный путь писателя закончился в 1945 году в Уфе». На самом деле Вивиан Итин в Уфе не умер, а родился, служил не только в советских органах, но и в русско-чешском корпусе и в американской благотворительной миссии Христианского союза молодёжи и Красного Креста – на территориях, контролируемых белыми. Но расстреляли его как японского шпиона – в Новосибирске в 1938 году. И почти полвека не вспоминали ни о нём, ни о его «Стране

Гонгури», которая вообще-то считается первым советским фантастическим романом, потому что вышла в Канске за полгода до «Аэлиты» Толстого.

Включение текста и пояснений к нему в статусное и многотиражное собрание могло восстановить справедливость. Но составитель Зиберов и издательство «Правда», в котором вышел том, предпочли не только держаться ложной биографии, но и опубликовать роман в журнальной версии – как рассказ и под другим названием, не сказав про первенство ни слова.

Честные и довольно упорные попытки заполнять белые и слепые пятна предпринимались, например, «Уральским следопытом». Последние советские десятилетия свердловский журнал был всесоюзным маяком просвещения. Легендарный завотделом фантастики Виталий Бугров умудрялся не только публиковать лучших отечественных авторов, проводить регулярные викторины и связывать между собой разбросанные по стране клубы любителей фантастики (которые потихоньку заводились под реальную уголовку за распространение запрещёнки), но и публиковать обзоры интересных книжек, наших и заграничных, – а время от времени осторожно ступать в зоны удивительного, которое рядом, но запрещено. В статьях Бугрова я – как, подозреваю, и Алексей Караваев – и встретил впервые упоминания довоенных фантастических книг Итина, Сергея Заяицкого, Бориса Липатова, а также авантюрных романов, написанных в молодости проходившими совсем по другой части титанами вроде Ильи Эренбурга, Льва Успенского, Виктора Шкловского или Мариэтты Шагинян, лично мне известной сугубо по бесконечной «Лениниане» в школьной библиотеке. Бугров энергично привлекал к публичному просвещению и других, в основном региональных исследователей современной и старой фантастики: Игоря Халымбаджу (Свердловск), Владимира Борисова (Абакан), Геннадия Прашкевича (Новосибирск), Романа Арбитмана (Саратов).

Теперь эстафету принял Алексей Караваев (Липецк).

Дореволюцьонный держите шаг

Советские исследователи упирали на особость и пролетарский дух послереволюционной фантастики – в основном вынужденно: власть боевого модерна не оставляла шансов ничему старому-доброму. Весь прежний мир полагалось рушить или хотя бы разрывать до основанья, на котором строить совершенно новый мир с коммунальным счастьем и половым раскрепощением. Всякое повествование про рождение молодой литературы следовало начинать с чистого поля, выжженного гражданской войной и разрухой, – потому что ранее на этом поле царствовали мелкобуржуазные приключения, мистическая чертовщина и апологетика народного угнетения. На это поле, по официальной версии, и зашли с фронтов и из комитетов бедноты малоопытные, но старательные писатели и издатели, вооружённые передовым учением, крылатой мечтой и немножко маузером. На первых порах они, конечно, несли в редакции и массы чушь, не всегда прекрасную, но партия сказала, как надо, революционная масса объяснила, чего хочет, и дело пошло. Так и родилась Литература Мечты, совершенно не похожая на то, что было раньше и что существует за границей, зовущая молодёжь в фабричные училища, а массового читателя – в небесные сферы и светлое будущее.

Алексей Караваев убедительно доказывает, что на самом деле всё было не так. Воли партии на первых порах хватало только на запрещения и на

срочное переиздание сумбурной утопии видного большевика Богданова «Красная звезда» (1908), до тех пор не снискавшей заметного интереса. Первую волну заметных послереволюционных текстов обеспечили не новички, а авторы, успевшие напечататься до 1917 года. Но самое главное – осмысленная издательская деятельность с накопительным эффектом началась только после того, как за неё позволили взяться профессионалам дореволюционной выучки. Они и дали читающей публике то, чего та хотела: давно любимое блюдо авантюрной интриги под новым революцьонным соусом.

Книгу про советскую фантастику Караваев открывает главой про фантастику дореволюционную – без лишних слов, названиями, описаниями и картинками показывая и доказывая, что ранняя советская фантастика была прямым продолжением фантастики Российской империи, которая, в свою очередь, была вполне очевидной частью фантастики европейской. Отсчёт отечественных фантастов, начатый с наполеоновского офицера Фаддея Булгарина, это только подтверждает.

Стоит отметить, что Караваев в явном намерении сказать кратко о многом и сосредоточиться на малоизвестном постарался обойтись без общедоступных подробностей, в том числе без писательских биографий и исторических событий, не касающихся литературного процесса напрямую. В основном (как в случае с Булгариным и другими знаменитостями) такие выпуски безболезненны для восприятия, но иногда игнорирование автором политического контекста типа внутрипартийной дискуссии, разгрома левой оппозиции и экспроприации экономики партией кажется этим самым волюнтаризьмом, оставляющим без объяснений внезапные погромы в литературном цеху. Но контекст и подробности опять же любой желающий восстановит одним тыком, а «Краткая история...» ценна другим.

Дорогой ценной

«Краткая история...» ценна убедительной реконструкцией логики развития жанровой литературы, предложенной Караваевым: «Российская фантастика XIX века была изобретательна, тематически разнообразна и мало в чём уступала фантастике зарубежной. В начале века двадцатого она достигла своего пика. <...> Революция вычеркнула практически все её достижения... однако позже молодая советская фантастика формировалась, опираясь на богатую традицию, созданную поколениями предшественников».

Держалась эта традиция на журналах и издателях. Первые в мире журналы социальной фантастики и авантюрного жанра появились в России (соответственно, «Идеальная жизнь» в 1907 году и «Мир приключений» в 1909-м). А определяющими фигурами развития литературного масскульта в России с конца XIX века были Пётр Сойкин и Иван Сытин, ожесточённая конкуренция которых дарила читателю новые и новые имена и названия.

Революция и этап военного коммунизма заморозили любую вольную инициативу, но с объявлением нэпа развитие продолжилось почти с точки заморозки. Сытину, правда, хватило ума и чуйки не прыгать в издательские проекты с былым энтузиазмом (чему посодействовали два ареста), зато эстафету перехватил его редактор Владимир Попов. Сойкин же и его сотрудник и компаньон Яков Перельман вернулись к любимому делу с прежней страстью. Они создавали книжные серии, влезали в кредиты и долги, запускали журналы и альманахи, реанимировали подписку, проводили конкурсы, воспитывали новых авторов и художников, искали

возможность публиковать запрещённых к распространению «бывших» и обеспечивали советскому читателю почти мгновенный доступ к заграничным новинкам.

Под заданный темп и размах приходилось подстраиваться и толстым журналам вроде «Красной нови» и «Красной панорамы», и главным госиздательствам типа «Недр» и «Молодой гвардии», и заграничным паблишингам, с согласия советской власти печатавшим советских же авторов в Риге и Берлине, и адскому количеству живопырок, гнавших выпуски «Красных Пинкертонов» по всей стране.

«Краткая история...» ценна деталями отраслевой экономики: какими тиражами выходили книги и журналы (от 200 шт. до 60 тыс.), какими были гонорары (постановление Совнаркома 1928 года определило минимальные ставки в 100 руб. за печатный лист «прозаическо-художественной литературы», 50 руб. за лист «перевода, не требующего редактуры» и 35 руб. – за «требующего»), в каком случае госорганы могли отобрать у частника дефицитную бумагу и подвинуть его очередь в типографии, срывая подписные обязательства (в любом). И особенно ценна «Краткая история...» описанием каждого более-менее серьёзного фантастического текста, опубликованного в СССР в заявленный период.

И должен быть запрещён

В позднесоветское время обзоры древней (да, впрочем, любой) фантастики воспринимались с завистливым раздражением, потому что найти обозреваемые тексты было категорически невозможно ни для кого, кроме пары-тройки счастливчиков, допущенных к архивам и спецхранам. Сегодня такого рода обзор воспринимается с жаркой благодарностью. Заметная доля упомянутых текстов доступна в электронном виде и, как правило, переиздана хотя бы микротиражом в коллекционной серии. Однако попытка познакомиться чуть ли не с любым из самых прославленных образцов заставляет сегодняшнего читателя вспомнить классическое предупреждение о необходимости держаться подальше от торфяных болот. И огромное спасибо Алексею Караваеву, исходившему эти болота вдоль и поперёк за нас.

Автор «Краткой истории...» нашёл и внимательно прочитал все книги и каждый номер каждого упомянутого в исследовании журнала, отметив особенности издания (печать в три цвета, вычурный макет, очень плохая бумага, вложенный в книгу, изданную в 1920 году, вечерний выпуск газеты 1984 (ну да) года и т. д.), вкратце пересказав наиболее выразительные сюжеты, отличительные черты и полезные в повседневной жизни детали вроде: «Злоумышленники привязали Пинкертона животом к дулу заряженной пушки, подожгли фитиль и ушли. Нат откусил себе кончик языка и выплюнул его, погасив горящий фитиль. Смерть отступила, зло было неизбежно наказано, а язык врачи приделали на место». Всякий раз Караваев указывает на фантастическое допущение, применённое в тексте, и на его соответствие, если это важно, текущим политическим требованиям.

Допущения в большинстве случаев довольно однообразны: фантастические лучи, радиовойны, безумный профессор, Атлантида или иной затерянный остров, злобные шпионы, мировая революция, добивающая остатки капиталистической гидры на Земле и на Марсе, или очередной путешественник во времени, обозревающий счастливое будущее, в котором лысые одинаково одетые потомки летают по стоэтажным домам, питаются пилюлями, пафосно говорят о созидательном труде и почти не работают.

Политические требования выполнялись в меру понимания, поэтому герои и сюжеты столетней давности радикальны иной раз до жути, которая пробирала самых опытных редакторов. Караваев цитирует внутреннюю рецензию на первую версию (1927) романа «Eozoon (Заря жизни)» Михаил Гирели (про оплодотворение дочери голландского миллионера стаей двуполых обезьян на Суматре как первый шаг к возрождению Божественного человека): «Роман идеологически вреден, не имеет связи с современностью и должен быть запрещён». Старшему сыну рецензента было тогда полтора года, до рождения младшего оставалось шесть, а звали автора отзыва Натан Стругацкий.

Сердце наше говорит нам

По мере того как фантастический поток приобретал размах и регулярность, авторы и редакторы прокачивали скиллы, не всегда, правда, пригодные для жанровых изданий: из Александра Беляева, начинавшего вообще-то с пересказа заграничных сюжетов (роман «Остров Погибших Кораблей» (1926) – просто новеллизация американского фильма «The Isle of Lost Ships» (1923), а популярнейшая история про Ихтиандра и Гуттиэре (1928) – ремейк повести Жана де ля Ира «L'Homme Qui Peut Vivre dans l'Eau» (1909), на русский переведённой как «Иктанэр и Моизэта» (1911)), удалось быстро выковать единственного профессионального научного фантаста советской страны, а вот Андрей Платонов и Михаил Булгаков подобной чести технично избежали.

Для любого сунувшегося проверить вполне убедительным выглядит основной вывод автора: у нас была любовно и старательно подготовленная стартовая площадка, с которой должны были отправиться, набираясь мастерства, как сюжетного, так общелитературного, эскадрильи беллетристов. Их сбили на взлёте. Советская межвоенная фантастика родилась одновременно с американской – специализированный журнал («Всемирный следопыт», 1925) Попов создал даже раньше, чем это сделал Хьюго Гернсбек (Amazing Stories, 1926). Дело Гернсбека подхватил и развил Джон Кэмпбелл, в 1938 году запустивший журнал Astounding Science-Fiction. Из него вышли Айзек Азимов, Роберт Хайнлайн, Клиффорд Саймак, Лайон Спрэг де Камп, Теодор Старджон, Альфред Ван Вогт и, в общем-то, вся англо-американская фантастика золотого периода.

В СССР в 1938 году были расстреляны Итин и писавшие фантастику Бруно Ясенский, Андрей Иркутов, Вадим Никольский, Глеб Алексеев, партийный куратор издательских проектов Владимир Нарбут и главный большевистский идеолог Николай Бухарин, с подачи которого писатели и издатели пытались «перещеголять всякого Пинкертона по интересности фабулы», а отлучённый от профессии Сойкин умер в Пушкине после очередного недолгого ареста. Ещё полтора десятка писателей и издателей были убиты или умерли в лагерях годом раньше или парой лет позже. Некоторым, как Липатову, Ларри, Сергею Боброву и Михаилу Зуеву-Ордынцу, повезло дожить до освобождения. Отдельный урожай собрала война: в январе 1942 года в оккупированном Пушкине же угас от голода Беляев, через неделю в Москве погиб в ДТП Попов, через месяц в ходе эвакуации из блокадного Ленинграда умер от обморожения Натан Стругацкий, ещё через месяц в Ленинграде скончался от общего истощения Яков Перельман, месяц спустя – Николай Муханов.

«Краткую историю советской фантастики. 1917–1931» завершают два приложения. Первое, «Сбитая эскадрилья», состоит из кратких биографий репрессированных фантастов, второе, «20+10», представляет собой список текстов той поры, который

позволит оценить размах и потенциал ранней советской фантастики. «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году – стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просветлённого человечества; второй век русской литературы, – сердце наше говорит нам, – будет веком славным, блистательным... Движение, данное один раз, не остановится, и время только будет ускорять его полётом своим», – писал Виссарион Белинский веком раньше.

Сердце не обманешь.

Определение норм

История авантюрной литературы в Советском Союзе шла от трудного и невозможного рождения до «Великого вымирания» – так Алексей Караваев назвал истребление жанра и его носителей к началу 1930-х, – чтобы лет через 15–20 снова восстать из пепла. Из пепла, а не сора росли свежие цветы. Стыда они не знали, но помнили, чем был этот пепел.

В куче советских книжек, в которых действовали подростки двадцатых годов, в том числе выросшие, упоминаются пещера Лейхтвейса, Нат Пинкертон, всемогущие радиолучи и другие реалии и герои журналов, книжечек и выпусков без обложек. Для детей юной республики они были дороги почти как хлеб. Дети быстро поняли, что важное не бывает без интересного.

«Краткая история...» Караваева убедительно демонстрирует, что это и есть традиция и норма, к которой возвращается литпроцесс, как только его перестают пытать и убивать. Норма часто неказистая и, конечно, очень варварская, особенно на первых порах, но по-другому не получается. Зато изобретение велосипеда может одарить неплохой телегой, которая в умелых руках зафырчит и поедет без лошади. Если умелость рук, конечно, направлена не на рисование шашечек. Такое понимание нормы долго и старательно истреблялось, заменялось серьёзным, важным и идеологически выверенным. Живых писателей добивали, как фантастов, как Николая Олейникова или Даниила Хармса, травили, как Булгакова и Платонова, или вынуждали переключиться с романов на занудные очерки, как Беляева, которого предварительно заставили переписать ранние повести казённым слогом. Но выросшие дети помнили те повести, цитировали их, говорили и писали своё, исходя из сформированных теми повестями представлений о прекрасном, и занимали должности, позволявшие вернуть к жизни вроде как сгоревшие рукописи и истлевшие в спецхранах стопки.

Значит, нужные книги.

Второй том, над которым работает Алексей Караваев, посвящён текстам и событиям 1932–1956 года.

Дождёмся.

Шамиль Идиатуллин

https://polka.academy/materials/1111

© Источники:

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, https://t.me/alexandreevarts
Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs
Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair
Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, https://t.me/UmiGame
Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography
Ася Михеева: Shean, https://t.me/ursa_magna
БВИ: Братия по Разуму: https://t.me/bratrazum
Василий Владимирский: speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction
Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, https://t.me/horrorfantastcom
Вика Рипа: Еврейка у микрофона, https://t.me/urfavjewishgirl
Виктор Язневич: mail
Владимир Березин: березин, https://t.me/berezin
Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books
Вячеслав Шилов: Shilov Cartoons, https://t.me/shilovcartoons
Григорий Копейкин: Записки Копейкина, https://t.me/g_kopeikin
Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet
Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, https://t.me/denosavor
Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal
Дмитрий Захаров: НероПрактика, https://t.me/Sixways
Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff
Дэвид Лангфорд: Ansible, https://news.ansible.uk/
Екатерина Каретникова: #прокнижное, https://t.me/karetni
Инар Искендирова: Так говорил Лем, https://t.me/lemtalking
К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k
Леонид Каганов: Леонид Каганов, https://t.me/lleodnevnik
Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig
Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn
Марина Бернацкая: Marina Bernackaya, https://t.me/tamango15
Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru
Михаил Эдельштейн: Ubi laptop, ibi patria, https://t.me/edelsztejn
Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre
Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, https://t.me/starlighthousekeeping
Николай Подосокорский: Подосокорский, https://t.me/podosokorsky
Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, https://t.me/kozhinoleg

Павел Сидоров: Сай-фай ревью, https://t.me/scifireview
Сергей Соболев: https://fantlab.ru/user13240
Ульяна Бисерова: Синичкин хлеб, https://t.me/sinichkin_hleb1
Фёдор Панфилов: Panfilov FM: https://t.me/panfilovfm
Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, https://t.me/idiatullin
Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https:// t.me/we_and_books